

SHANGHAI MONDAY AUGUST 31 1931

THE SHUN PAO

ESTABLISHED 1872, NO. 23480

天

MONDAY AUGUST 31, 1931

THE SIN WAN PAO

PUBLISHED DAILY, SUNDAYS INCLUDED

И. Б. Линдер Н. Н. Лузан

БЕЛЫЙ СЧЕТ ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

ТАЙНЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

РИПОЛ КЛАССИК

Тайны нелегальной разведки

Иосиф Линдер

Белый снег – Восточный ветер

«РИПОЛ Классик»

2023

УДК 323
ББК 63.3(2Рос=Рус)6-3

Линдер И. Б.

Белый снег – Восточный ветер / И. Б. Линдер — «РИПОЛ
Классик», 2023 — (Тайны нелегальной разведки)

ISBN 978-5-386-14946-8

Первое издание этой книги (под названием «Прыжок самурая») вышло более двадцати лет назад. Работа над книгой была непростой. Два года ушло на сбор материала и подготовку рукописи. Мы, авторы, по крупицам, а часто и по «оговоркам» наших легендарных разведчиков, среди которых можно назвать Павла Анатольевича Судоплатова, Юрия Ивановича Дроздова, Леонида Владимировича Шебаршина, Алексея Николаевича Ботяна, выстраивали литературную версию одной из самых выдающихся операций отечественных спецслужб, во многом повлиявшей на ход событий мировой истории середины XX века. И как оказалось, эта книга во многом опередила свое время. Сегодня, когда Служба внешней разведки России приподняла завесу тайны над операцией «Снег», стало ясным, что эта книга не только о прошлом – она о нашем далеко не простом настоящем и не менее сложном и каверзном будущем.

УДК 323
ББК 63.3(2Рос=Рус)6-3

ISBN 978-5-386-14946-8

© Линдер И. Б., 2023
© РИПОЛ Классик, 2023

Содержание

Предисловие авторов к изданию 2022 года	7
Цена победы	8
Кому война, а кому мать родна	9
Россия между прошлым и будущим	10
Иуды в собственном доме	11
Окаянные девяностые	12
Щит России	15
Who is mister Putin?	17
«Англичанка» снова гадит	19
В Большую игру вступает «великий и ужасный комбинатор»	23
«Рыцари плаща и кинжала» выходят из тени	26
Drang nach Osten. Дубль один	32
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	33
Рубикон	34
«Всем демократическим миром»	36
«Чистое поле». Миссия невыполнима	37
Drang nach Osten. Дубль два	41
Славяне, но уже не братья	42
Вся шпионская рать	45
«...И тогда снова воспрянет несокрушимая мощь “всех германских племен”, вновь запыхают неугасимые огни воинственной Пруссии» (У. Черчилль)	48
Момент истины	52
Крымская весна	54
Что век грядущий нам готовит	57
Глава 1	60
Глава 2	70
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Иосиф Линдер, Николай Лузан

Белый снег – Восточный ветер: Тайны нелегальной разведки

*Настоящее переиздание книги посвящается 120-летию секретных
служб ВКП(б) и 100-летию службы нелегальной разведки*

© Линдер И. Б., Лузан Н. Н., текст, 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2023

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

История специальных служб любого государства представляет, наверное, самый интересный и редко когда поддающийся распутыванию клубок событий. Наша страна, прошедшая во многом уникальный исторический путь, часто находилась на острие противостояний. Политическая воля лидеров во все времена опиралась на крепкую структуру государства, мощные вооруженные силы, непреклонную волю народа к победе над противником. Но в особые периоды, когда политическим решениям предстояло изменить облик мира – иногда даже на несколько столетий вперед, – на первое место всегда выходили секретные службы. Их невидимая, но осязаемая деятельность была и остается весомым рычагом в глобальном геополитическом противостоянии, конца которому в развитии цивилизации нет и не будет.

Настоящий роман охватывает сравнительно небольшой период в истории XX века. Но этот период был особенно трагическим для нашей Родины. Осенью 1941 года Советский Союз попал в самый центр военных, финансовых и политических интересов, направленных на противостояние лучшей на тот период армии мира – германскому вермахту. На западе шли ожесточенные бои под Москвой, а на восточных границах в это время в полной боевой готовности находилась прекрасно вооруженная Квантунская армия, которая быстрыми бросками завоевывала все новые и новые азиатские территории. Не все было ладно и за океаном: американские финансовые круги вновь, как и в Первую мировую войну, скрупулезно просчитывали, какие дивиденды можно получить от войны на европейском и азиатском театре военных действий...

Прекрасное владение материалом, знание внутренних механизмов секретных служб позволяет авторам держать читателей в постоянном напряжении.

Политика – это искусство возможного, и герои невидимого фронта, работа которых показана в романе,шний раз подчеркивают этот тезис. Геополитические системы и создаются, и

разрушаются волей великих политиков, что всегда сопровождается огромными человеческими жертвами.

Авторы романа, сами не один десяток лет отдавшие жесткому противостоянию на невидимых фронтах тайной войны, точно показывают внутренний мир сотрудников секретных структур. Реальные политические фигуры, реальные, а не вымышленные герои в рамках художественного повествования получают новую жизнь. Читатель невольно становится ее свидетелем.

На огромной шахматной доске под названием «мир» разыгрывают свои партии те, кого мы считаем властителями. Но предпринимаемые ими ходы были бы невозможны без работы профессионалов, судьбы которых порой невообразимо трагичны. Девиз разведки «Во славу Родины без права на славу» реализовался в судьбах этих людей в полной мере.

Читая роман, еще и еще раз убеждаешься в том, что глобальная мировая катастрофа, какой была Вторая мировая война, требовала принятия совершенно нестандартных решений, направленных на ее преодоление. Воплощали эти решения в жизнь сотрудники спецслужб, без колебаний отдававшие свою жизнь во имя выстраданных идей, во имя интересов Родины, во имя будущего нового и такого хрупкого мира. И забывать это мы не вправе.

*ДРОЗДОВ Юрий Иванович (1925–2017),
начальник Управления «С» (нелегальная разведка)
ПГУ КГБ СССР 6 1979–1991 гг.,
генерал-майор Государственной безопасности*
И. Б. Линдер, Н. Н. Лузан

Предисловие авторов к изданию 2022 года

Что век грядущий нам готовит, или *Drang nach Osten*, дубль №...

Первое издание книги «Прыжок самурая» вышло более двадцати лет назад. Работа над книгой была непростой. Два года ушло на сбор материала и подготовку рукописи. Мы, авторы, по крупницам, а часто и по «оговоркам» наших легендарных разведчиков, среди которых можно назвать Павла Анатольевича Судоплатова, Юрия Ивановича Дроздова, Леонида Владимировича Шебаршина, Алексея Николаевича Ботяна, выстраивали литературную версию одной из самых выдающихся операций отечественных спецслужб, во многом повлиявшей на ход событий мировой истории середины XX века. И как оказалось, эта книга во многом опередила свое время.

Сегодня, когда Служба внешней разведки России приподняла завесу тайны над операцией «Снег», стало ясным, что книга «Прыжок самурая» («Операция „Восточный ветер“») не только о прошлом – она о нашем далеко не простом настоящем и не менее сложном и каверзном будущем.

То, что сейчас происходит, есть продолжение того, что началось более восьми столетий назад, когда консолидированные европейские орды под различными флагами и различными лозунгами пытались атаковать Россию. Хотя сам термин *Drang nach Osten* («Натиск на Восток») с легкой руки польского журналиста Юлиана Клячко появился в 1849 году, сама идея давления на Россию, а то и прямого проникновения на ее территории (*Drang* – от немецкого глагола *dringen* – давить, нажимать, проникать) появилась задолго до этого. Во всяком случае, германский император Фридрих I Барбаросса (1152–1190) активно проводил эту идею в жизнь. Однако множественные нашествия на нашу Родину, включая пресловутый блицкриг («этюд № 21») 1941 года фашистской Германии и ее сателлитов, бесславно провалились. Нет сомнений, что и очередной *Drang nach Osten*, затеянный и реализуемый в самых разных формах теперь уже США и их послушными сателлитами, потерпит очередное поражение. Гарантией тому служит славная история нашего Отечества. И нет сомнений в том, что уроки героического прошлого вдохновят к действию нынешнее и будущее поколения.

Цена победы

Выстояв в тяжелые дни 1941 года, выдержав четыре долгих года войны, великий советский народ, не считаясь с ценой и не пеняя вождям за грубые просчеты, дошел до Берлина и в цветущем мае 1945 года вбил осиновый кол в гроб фашизма.

Сухие факты опровергают домыслы тех, кто всячески стремится умалить подвиг наших воинов и извлекать в гнусных домыслах Великую Победу. За годы войны жерновами Красной/ Советской армии было перемолото «600 немецких дивизий, а англо-американскими войсками —176. На советско-германском фронте Германия потеряла 72 % военнослужащих и 75 % техники, так что главный вклад в победу сделан советским народом и его Вооруженными силами»¹.

За Победу советскому народу пришлось заплатить огромную цену. Большая часть европейской территории СССР лежала в руинах. По заключению Чрезвычайной Государственной Комиссии от 12 сентября 1945 года, «на территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, проживало до войны 88 млн человек, валовый выпуск промышленной продукции составлял 46 млрд рублей (в ценах 1926/27 гг.), было 109 млн голов скота, в т. ч. 31 млн голов крупного рогатого скота и 12 млн лошадей, 71 млн гектаров посевов с. х. культур, 122 тыс. км ж/д колеи. <...>

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли: 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень, 31850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 млн рабочих. <...>

Общий ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям, составил 679 млрд рублей в государственных ценах 1941 г.»².

А человеческие потери СССР во Второй мировой войне составили более 27 млн человек.

¹ Барinov Л. Материк русской идеологии. Российское информационно-идеологическое пространство нуждается в защите от внешних специальных воздействий. ВПК. № 18, май 2013 г.

² Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1945. С. 429–430.

Кому война, а кому мать родна

В то время как на территории Советского Союза бушевала самая кровопролитная в истории человечества война, на города США не упало ни одной бомбы. Потери американцев во Второй мировой войне составили 405399 погибшими и умершими. Из них: 291 557 человек – боевые потери, 113 842 человека – потери другого характера, что почти в три раза меньше, чем Красная армия потеряла только в одной битве за Сталинград.

Как и в результате предыдущей войны, Первой мировой, экономика США получила мощный толчок для развития. К окончанию войны в Европе мощности американской промышленности возросли на 40 % по сравнению с 1938 годом; ВВП за этот же период вырос на 69,1 %; количество безработных упало до рекордно низкой отметки и составило 700 тыс. человек, тогда как в 1940 году безработных было около восьми миллионов человек; национальный доход с 1939 года к 1945-му взлетел с 73 млрд долларов до 181 млрд долларов.

После победы над фашизмом Советский Союз, выполняя свои обязательства перед союзниками по антигитлеровской коалиции, принял участие в войне с милитаристской Японией. Советские войска совместно с монгольскими войсками менее чем за месяц разгромили вооруженную до зубов 700-тысячную Квантунскую армию, освободили Курильские острова и остров Сахалин, Северо-Восточный Китай и север Корейского полуострова. Самая жестокая война в истории человечества завершилась ранней осенью 1945 года.

Творцы нашей Великой Победы, вернувшись к разрушенным очагам и свежим могилам, нашли в себе силы вытащить страну из разрухи и дать жизнь новому поколению. Они самозабвенно трудились и учились. Они искренне любили и так же искренне ненавидели. Они дорожили дружбой и добрым именем. Довольствовались малым и ценили то, что имели. Одержав победу над вселенским злом, они не испытывали ни капли сомнения в том, что преодолеют все трудности на пути к грядущему мироустройству, где будут счастливы их дети и внуки. Назло врагам и на радость друзьям, они совершили чудо, в которое не могли поверить ни в Вашингтоне, ни в Лондоне. Подобно птице феникс, страна стремительно возрождалась из пепла.

В 1947 году Советский Союз первым из участников войны отменил карточную систему. Вплоть до 1954 года в стране ежегодно, весной, снижались цены на продукты питания и товары первой необходимости. Спустя пять лет после окончания войны национальный доход на душу населения СССР превысил довоенный уровень (1938 г.) на 24 % и достиг 26 % от уровня США; доля мировой промышленной продукции СССР в 1938 году была 5,6 %, а в 1950 году составила 6,9 %; золотой запас в два раза превысил тот, каким располагала Российская империя в 1914 году, и в 1953 году достиг 2500 тонн золота; было восстановлено и построено заново 6,2 тыс. промышленных объектов, введены в строй 100 млн квадратных метров жилой площади.

К середине 1960-х годов прошлого века Советский Союз, находясь практически в полной и жесткой изоляции военного противостояния в холодной войне и комплекса жесточайших санкций Запада, не только самостоятельно вышел на второе место в мире по состоянию экономики, но и стал великой сверхдержавой. Он разрушил позорную колониальную систему господства западных стран и открыл государствам Африки, Азии и Латинской Америки путь к политической и экономической независимости. Для значительной части населения планеты Советский Союз являлся мировым ориентиром будущего цивилизованного развития.

Россия между прошлым и будущим

Могли ли тогда, в мае 1945 года, творцы Великой Победы представить, что спустя всего 45 лет «алчная, продажная бюрократия, гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры, более опасной, чем сказочная гидра», станет одной из основных причин крушения великой страны – СССР? На опасность «гложущего червя» еще в XIX веке указывал управляющий Третьим отделением, действительный статский советник М.Я. фон Фок в своей докладной записке шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу.

После приснопамятных Беловежских соглашений Россия опять оказалась на грани исчезновения. Она потеряла почти треть территории, свыше 20 млн русских по крови и языку людей оказались за пределами Российской Федерации. Ее экономике был нанесен ущерб, сопоставимый с тем, который имел место во время Великой Отечественной войны. Тысячи заводов, фабрик, предприятий прекратили работу. Миллионы рабочих, инженеров, ученых оказались на улице. Инфляция достигала 1000 %. Единственные защитники России – армия, флот и спецслужбы – подверглись невиданному информационно-идеологическому шельмованию со стороны либерально-демократической, прозападной группировки общества и во многом были деморализованы.

Иуды в собственном доме

На календаре было 25 декабря 1991 года. До наступления Нового года оставались считанные дни, но на улицах Москвы отсутствовала предпраздничная суета. Блеклый диск солнца катился к горизонту, и зубастые тени подгоняли прохожих поскорее нырнуть в теплые дома. Шершавый язык поземки сметал в сточные канавы ворохи газет и листовок. Прошло еще несколько минут, и на город опустились промозглые сумерки. В неясном свете едва проглядывающей луны символ власти некогда могущественной империи – Кремль – напоминал развалины. Казалось, что за краснокирпичными стенами доживают последние часы призраки прошлого. Воздух стал недвижим, и в нем разлилась гнетуще-свинцовая тревога.

В последние недели эта тревога не покидала сердца советских граждан. Каждый новый день приносил новости одна хуже другой. Мрачные теледикторы похоронными голосами сообщали о предсмертных конвульсиях Союза Советских Социалистических Республик. Восьмого декабря было подписано разрушительное Соглашение о создании Содружества независимых государств, которое подписали представители России, Украины и Белоруссии (от лица России – президент РСФСР Б.Н. Ельцин). А первый и последний президент СССР Михаил Горбачев все реже появлялся на экранах телевизоров. За пять лет нахождения у власти он проиграл, растратил, продал все то, что получил в наследство от победителей в Великой Отечественной войне. Его бессмысленные, алогичные, примитивные лозунги, которые он бросал с трибун разной степени высоты, уже порядком набили оскомину населению страны. Поэтому, когда 25 декабря, бледный и подавленно-суетливый, он все-таки явил себя миру и согражданам, последние ничего хорошего от него не ждали.

Горбачев пытался держать себя в руках, но нервные движения пальцев выдавали владевшее им волнение. Ему, до недавнего времени хозяину одной шестой части суши нашей планеты, предстояло объявить о своей капитуляции перед непримиримым противником, президентом России Борисом Ельциным. Потупив взгляд, Горбачев, как всегда, говорил обобщенно, пространно и в заключение объявил: «В силу сложившейся ситуации, с образованием Содружества Независимых Государств, я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР».

Волей рокового случая Горбачев, оказавшийся после смерти Черненко на вершине власти, как показало время, был человеком крайне беспринципным, партийным карьеристом, хотя и много моложе своих предшественников. Он вряд ли понимал, что своим бездарным, пораженческим правлением открыл давно подложенный Западом ящик Пандоры и принес неисчислимые беды многонациональным народам СССР. Беды, которые на десятилетия вперед обрекут людей на нищету и непрекращающиеся кровопролитные войны. Мог ли кто-то в 1985 году, когда Горбачев встал у руля, представить, что в недалеком будущем на территории Украины, всегда близкой по духу и по крови, славяне будут уничтожать друг друга с жестокостью, немислимой даже для варваров. Даже в 1991-м, с официально оформленным распадом СССР, на фоне тревожных событий, которые уже происходили в бывших союзных республиках, спрогнозировать именно такой исход казалось возможным, но маловероятным. Однако провал идеологии, цементирующей народы некогда единой страны (а скорее, ее осознанная подмена, умело внедряемая на всех уровнях), позволит развиваться иной, якобы национальной, но на самом деле зачастую преступной фашистской идеологии, которая овладеет новыми поколениями.

И все-таки стоит напомнить, что Беловежские соглашения подписал не Горбачев, а Ельцин, еще один Иуда в истории Отечества.

Окаянные девяностые

Создававшаяся на протяжении веков потом и кровью, ценой огромных человеческих жертв, еще недавно могучая страна прекратила свое существование, и памятные многим девяностые не случайно были названы «окаянными» или «лихими». То, что казалось вечным и незыблемым, полетело в тартарары. Вчерашние вельможные властелины партийных кабинетов на глазах превратились в склочных гномов с кучей болезней. Никому они были не нужны. Однако новые хозяева жизни появились не на пустом месте. Во власть пришли бывшие комсомольские вожаки с ухватками рыночных наперсточников, закаленные в партийном горниле инструкторы обкомов и райкомов, а то и просто паханы с большими деньгами. Доктора и кандидаты наук, вбивавшие в голову беспартийной массе «двенадцать заповедей марксизма», не моргнув глазом, предал и анафеме далеко не святую троицу – Маркса, Энгельса, Ленина – и, заделавшись демократами, либералами или еще кем-то, в меру своей изобретательности и фантазии, принялись возводить на развалинах социализма экономический фундамент своего благополучия.

Под циничные заклинания о грядущем «приватизационном» изобилии новые хозяева жизни раздавали ваучеры, создавали фирмы-однодневки и банки-пузыри. Бывших партийно-комсомольских работников охотно поддерживали эксперты теневой экономики, непубличные советские миллионеры. В создаваемых ими финансовых «прачечных» с космической скоростью отмывались капиталы, порожденные одним росчерком пера новых властных структур.

На развалинах «развитого социализма» возникло надзаконное общество – такое, которое подстраивало законы под себя или же создавало новые, «нужные» законы. Окружение господина Ельцина – на минуточку, бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС, послушно претворившего в жизнь решение Политбюро ЦК о сносе дома купца Ипатьева, где была расстреляна царская семья, – подобно гиенам, терзало и рвало на куски общенародную собственность. «Свои люди» получали в личное пользование природные ресурсы, уникальные предприятия оборонного комплекса и целые отрасли производства. А народ? А что народ, пусть выживает как хочет. Кто не согласен или, наивный, посмеет протестовать, управа на таких всегда найдется. В конце концов, расстрельные команды киллеров всегда на подхвате.

И при этом – при этом! – пышным цветом цвела демагогия. По телевизору не уставали говорить о поддержке социально незащищенных слоев, о том, что надо немного потерпеть, зато очень-очень скоро, через пять – десять лет, все непременно наладится благодаря ваучеризации всей страны откроется возможность жить как рантье, стричь купоны с акций поделенных предприятий.

Как тут не вспомнить замечательную сказку Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Она была написана в 1985 году, как раз с началом перестройки, но, похоже, никогда не потеряет актуальности:

*Я без мыслей об народе
Не могу прожить и дня!..
Утром мажу бутерброд —
Сразу мысль: а как народ?
И икра не лезет в горло,
И компот не льется в рот!
Ночью встану у окна
И стою всю ночь без сна —
Все волнуюсь об Расее,*

Как там, бедная, она?

Дележка основных ресурсов страны осуществлялась под контролем и при активном участии многих сотен советников из МВФ, ЦРУ, SIS и прочих заинтересованных организаций и лиц, насаждавших «гарантированное западное счастье». Бывшие заклятые противники, действующие и отставные сотрудники британских и американских спецслужб, чувствовали себя хозяевами во многих властных кабинетах, включая кабинеты Кремля и Правительства России. Под их диктовку пришедшие во власть так называемые младодемократы безжалостно уничтожали конкурентов западных компаний – передовые отрасли производства и еще сохранившиеся предприятия.

По официальным данным, за полтора года так называемых реформ правительства Егора Гайдара инфляция достигла 874 %, по неофициальным – превысила 1000 %. Экономика России вошла в глубочайший штопор и была отброшена на несколько десятилетий назад. Подобного падения не происходило даже в годы Великой Отечественной войны. В результате анонсированного «реформирования тоталитарной экономики» прекратили свое существование свыше семидесяти тысяч предприятий. На улице оказались миллионы прежде успешных работников. Лучшие из лучших, цвет научной и конструкторской мысли, устремились за границу в поисках средств к существованию. По данным Фонда науки, действовавшего при РАН, в частности академика В. Бетелина, с 1991 по 2000 год Россию покинули от 250 до 300 тыс. высококвалифицированных научных сотрудников.

По откровенному признанию Клинтона, озвученному 7 февраля 1997 года в Послании президента США о положении страны: «Мы затратили на приведение к власти Ельцина многие миллиарды долларов, но они с лихвой окупались. Мы выбили конкурента Россию и за ничтожно малые цены выкачали из России 20 тысяч тонн меди, 15 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и многое другое. Прибыль на приведение к власти Ельцина составила более 5700 %. Такого не было в истории». Эти высказывания прекрасно встраивались в обозначенную Клинтонем еще в феврале 1992 года геополитическую линию: «Цель НАТО в будущем – ввести миротворческие силы в регионы этнических конфликтов и пограничных разногласий от Атлантического океана до Уральских гор»³.

А для более легкой и удобной реализации своих планов лидерам Запада надо было «лишить Россию всех силовых возможностей и обескровить соответствующие государственные ведомства». В отчаянном положении находились защитники Отечества – военнослужащие армии, флота и спецслужб. Важнейший государственный институт подвергся чудовищному разгрому. Спустя пять лет после прекращения существования СССР, к началу «первой войны на Кавказе», от «несокрушимой и легендарной» осталась бледная тень. Как и от КГБ. Офицеры и их семьи оказались за чертой бедности. В войска перестала поступать новая техника, а та, что имелась, без запасных частей очень быстро превращалась в ржавеющий лом. А десятки тысяч уклонистов даже не находили нужным скрываться – они просто игнорировали повестки из военкоматов.

Впрочем, их можно понять. К концу 1996 года межнациональные конфликты на Северном Кавказе переросли в гражданскую войну. И часто враждующие стороны объединяла ненависть к русским. Кремлевские власти, чтобы загасить пожар войны, отправляли на Кавказ неподготовленные армейские подразделения Внутренних войск МВД, и необстрелянные восемнадцатилетние парни становились легкой добычей опьяненных кровью боевиков, которым помогали наемники из ряда арабских государств.

Безусловно, несмотря на массовые увольнения и ельцинские «рокировочки по системе сдержек и противовесов», в армии осталось немало генералов и офицеров, для которых Долг,

³ Цит. по: Выдержки из документов и высказываний официальных лиц. history.wikireading.ru

Честь и Отечество были не пустым звуком. Да и солдаты сражались героически. Но главное, у России в руках оставалось самое грозное оружие – ракетно-ядерное. Хорошо отработанная система несения боевого дежурства обеспечивала готовность к его применению в любую минуту. В принципе, это все знали, и такого рода знание вселяет уверенность. Чтобы разрушить эту уверенность, западные и некоторые российские СМИ стали активно распространять «дезу» об утрате контроля со стороны военно-политического руководства России за оружием массового поражения, о том, как легко его захватить террористами. С течением времени подобные заявления стали звучать и из уст некоторых российских политиков. В руководстве США не замедлили обратить ситуацию себе на пользу. Проявив неслыханную щедрость, президент Клинтон протянул руку «братской помощи личному другу Борису». Из военного бюджета США были выделены десятки миллиардов долларов на уничтожение значительной части ракетно-ядерного арсенала России. На базах ликвидации в Удмуртии и на полигоне Капустин Яр под контролем американских инспекторов стахановскими темпами уничтожались многие уникальные ракетные комплексы.

Щит России

По мере того как во многих регионах России и в сопредельных с ней странах разрасталась раковая опухоль международного терроризма, Вашингтон и Брюссель все настойчивее убеждали мировое сообщество в том, что комплекс мер по защите объектов Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и атомных подводных лодок ВМФ слишком слаб для того, чтобы противостоять возможным атакам. Раскручивая эту тему в СМИ и на различных международных форумах, западные политики предлагали разместить на российских военных объектах международные силы под эгидой ООН. Пропагандистская кампания набирала силу и находила поддержку уже не только на Западе, но и участи общества в самой России.

Однако иностранные «кураторы» на российских ракетно-ядерных объектах так и не появились. И здесь не самую последнюю роль сыграли военнослужащие 14-й дивизии РВСН, дислоцирующейся в окрестностях столицы Республики Марий Эл – города Йошкар-Олы.

В июне 1996 года на объекты 14-й дивизии прибыла внушительная делегация из США: дипломаты, специалисты-ракетчики, сотрудники военной разведки и ЦРУ (последние действовали под различными «красочными» прикрытиями). Командование РВСН предоставило им уникальную возможность ознакомиться с БСП (боевой стартовой позицией) ракетного полка. И не просто ознакомиться, а получить доступ к АПУ (автономным пусковым установкам) БРК (боевого ракетного комплекса) «Тополь». Осматривая эту уникальную, не имеющую аналогов в мире технику, члены американской делегации особое внимание уделяли системам ее противодиверсионной защиты. Вникали буквально во все детали, но так и не обнаружили уязвимых мест.

Окончательно разбили последние аргументы сторонников ввода международных сил на российские ракетно-ядерные объекты действия личного состава подразделения охраны и обороны БСП. В ходе проверки надежности систем противодиверсионной защиты БРК «Тополь» члены американской делегации собственными глазами убедились в ее непробиваемости. Специально для них была разыграна масштабная картина «нападения». За несколько десятков метров до внешнего ограждения БСП на появление «диверсантов» сработали технические средства предупреждения и защиты. Менее чем через минуту военнослужащие противодиверсионного подразделения заняли свои позиции и вступили в «бой». «Группам террористов» не удалось пробиться дальше первого рубежа обороны. В ходе отражения «атаки» охрана БСП продемонстрировала высочайший профессионализм и слаженность.

Американцы были впечатлены. Это читалось на их лицах и звучало в восхищенных репликах специалистов по противодиверсионной защите и борьбе с терроризмом. Российские ракетчики действовали как единый слаженный механизм.

Профессионалы с другой стороны океана пожелали встретиться с ними лично. Под проливным дождем на плацу выстроились несколько десятков человек. После показательного боя форма была грязной, у многих на руках и лицах кровили ссадины, но бойцы словно не замечали этого. Несомненно, ядерное оружие было под надежной защитой, и вопрос о «кураторстве» российских ракетно-ядерных объектов отпал сам собой.

Через три года Россию ждало новое испытание. На рассвете 7 августа 1999 года со стороны административной границы Чечни на территорию Дагестана, извиваясь змеей по горной дороге, вползла колонна вооруженных до зубов боевиков так называемой Исламской миротворческой бригады численностью около тысячи человек под командованием Басаева и Хаттаба. Слабоукрепленные кордоны из числа сотрудников милиции и военнослужащих Внутренних войск МВД были смяты. В течение двух суток под контроль боевиков перешел ряд сел Ботлихского района: Ансалата, Рахата, Тандо, Шодорода, Годобери и другие. Над ними взвились черные знамена воинственного ислама.

Басаев и Хаттаб объявили о начале операции «Имам Гази Магомед», целью которой было создание халифата на территории Чечни и Дагестана. За этим последовало заявление Исламской шуры Дагестана. От имени шуры (совета) распространялась «Декларация о восстановлении Исламского государства Дагестан». Шура объявила Государственный совет Республики Дагестан низложенным и заявила о формировании Исламского правительства во главе с Сиражудином Рамазановым. Также она провозгласила газават – «священную войну» – России и назначила Шамиля Басаева временным командующим силами Исламского государства. Угроза отторжения Северного Кавказа от России стала реальностью.

В Кремле президент Ельцин лихорадочно искал выход из положения. Восьмого августа по его поручению на место событий вылетел премьер-министр Российского правительства Сергей Степашин. Незадолго до этого он побывал в Дагестане, встречался с жителями сел, находившихся под влиянием идей радикального ислама салафитского толка, и не заметил растущей угрозы. В прошлом преподаватель Высшего политического училища МВД СССР имени 60-летия ВЛКСМ, кандидат исторических наук, защитивший диссертацию по теме «Партийное руководство противопожарными формированиями Ленинграда в период Великой Отечественной войны», в борьбе с международными террористами Степашин оказался не на высоте.

Девятого августа президент Ельцин отправил его в отставку и назначил временно исполняющим обязанности премьер-министра директора ФСБ, секретаря Совета Безопасности России Владимира Путина.

Who is mister Putin?

Двадцать девятого августа Путин прибыл в Дагестан, на территорию, которую пытались захватить боевики, и возглавил операцию федеральных сил по их уничтожению. Пятнадцатого сентября он доложил президенту Ельцину о разгроме бандитов. Подразделения Российской армии и Внутренних войск МВД при самой широкой поддержке народного ополчения многонационального Дагестана очистили земли республики от террористов. И в целом в войне с терроризмом на Кавказе наступил перелом. В войсках почувствовали, что наконец-то появилась твердая и разумная рука, окаянное время закончилось. Подчиняясь железной воле Путина, боевые подразделения, подобно катку, плющили один за другим гнезда наемников и при активном участии патриотических отрядов народов Кавказа загоняли боевиков все дальше в горы. Группы спецназа ФСБ и ГРУ развернули охоту за Масхадовым, Басаевым, Хаттабом и другими главарями.

До полной победы было еще далеко – бандподполье продолжало злобно огрызаться диверсиями и террористическими актами. Но угроза крупномасштабной войны на Северном Кавказе и распада России миновала. Российское правительство во главе с энергичным премьером получило возможность заняться восстановлением экономики, лежавшей в руинах после дефолта 1998 года. Здесь Путина ожидали не меньшие трудности, чем в борьбе с террористами. И сам он, и его пока еще немногочисленные соратники, в основном выходцы из КГБ, ощущали себя едва ли не разведчиками в стане противника. Ближайшее окружение Ельцина и пресловутая «семибанкирщина» в лице алчных и беспринципных олигархов рассматривали Путина как очередного технического премьера и видели в этом кресле не его, а «своего» человека. Время показало, что они фатально ошибались.

В Вашингтоне и Лондоне действия Путина на Северном Кавказе и его первые шаги по организации работы правительства не могли не насторожить. Западные политики все чаще задавались вопросом: *Who is mister Putin?* Казалось бы, в его биографии не было ничего такого, что указывало бы на то, что этот человек изменит судьбу России и вскоре будет влиять на ход событий не только в России, но и во всем мире.

Выходец из рабочей семьи, испытавшей все ужасы войны и блокады, сын фронтовика, Путин знал о них не понаслышке. Она напоминала ему о себе могилами сотен тысяч земляков, упокоившихся на Пискаревском кладбище, уродливыми шрамами траншей и окопов, избородивших Пулковские высоты, безжизненной землей на «Невском пяточке», перепаханном тоннами осколков.

В рабочих кварталах Ленинграда, в тесном борцовском зале, где не место слабакам, ковался железный характер будущего президента. В стенах этого зала он научился терпеливо переносить трудности, не сгибаться перед ними и упорно идти к цели, при поражениях не терять присутствия духа, а в минуты побед быть великодушным.

Двадцатое столетие, принесшее России и ее народу множество страданий и бед, осталось позади. Президент Ельцин покинул Кремль. Вскормленная им ненасытная свора олигархов готовилась и дальше безнаказанно растаскивать по офшорам национальные богатства страны. Но на их дороге встал Путин, с 31 декабря 1999 года приступивший к исполнению обязанностей президента, а 7 мая 2000 года прошедший процедуру инаугурации.

Между Путиным, которого поддерживали генералы и офицеры спецслужб и армии, и сильными олигархами началась война не на жизнь и даже не на смерть. Цена ее была неизмеримо больше – сохранение самого Российского государства. Сбившись в стаю, «денежные мешки» всех калибров бросили против президента и его гвардии огромные финансовые и информационные ресурсы. Но бывшие подпольные миллионеры и миллиардеры не учли того, что им противостоит человек, за плечами которого был многолетний опыт тайной борьбы с

самыми могущественными спецслужбами мира. Не учли – и проиграли. Первым за свои непомерные амбиции поплатился Борис Березовский. «Великого и ужасного комбинатора», свободно открывавшего дверь в кабинет президента Ельцина, изгнали из Кремля. Спасаясь от ареста, он получил убежище в Лондоне, где в итоге нашел свою смерть.

Урок с ним (еще до обнаружения тела Березовского в особняке в Аскоте) не пошел впрок остальным. Многие из них пренебрежительно отнеслись к предупреждению президента не вмешиваться в деятельность институтов государственной власти. И вот второй урок: олигарх Ходорковский, на корню скупавший целые фракции в Государственной думе, также поплатился за свою самонадеянность. Перед операцией, тщательно спланированной российскими спецслужбами, оказались бессильны его многочисленные миллиарды. Двадцать пятого октября 2003 года в аэропорту «Толмачево» (Новосибирск) он был арестован по обвинению в хищениях и неуплате налогов, доставлен в Москву и помещен в следственный изолятор в Лефортово. (К его делу добавлялись все новые и новые обвинения, и в итоге, приговоренный к четырнадцати годам колонии, он провел в местах не столь отдаленных 10 лет и 2 месяца, после чего в декабре 2013 года был помилован президентом Путиным.)

Показательно? Да. Оставшиеся на свободе олигархи – одни поджали хвост, другие предпочли переждать трудные времена за пределами России.

Отодвинув олигархов от политической власти, президент Путин занялся другой важнейшей задачей – восстановлением управляемости в государстве. Для этого требовалось приструнить глав республик, краев и областей, возомнивших себя всесильными удельными князьями. Путин сделал это простым и понятным для бюрократии ходом: Указом № 849 от 13 мая 2000 года «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» были образованы структуры, ставшие «оком государевым» в провинции.

Вместе с укреплением вертикали власти поднималась из руин и экономика. Жить в России, как говорится, «стало лучше, жить стало веселее». По данным доктора экономических наук В. Симчери, с февраля 2000 года по 2010 год – директора НИИ статистики Госкомстата России, «за четыре года (2000–2003) прирост ВВП составил 29,4 % (6,7 % в год) против 8,3 % (1,6 % в год) в предыдущие пять лет (1996–2000). Значение! % прироста ВВП возросло с 48,2 млрд рублей при среднем курсе 29,15 рубля за доллар в 2000 году до 108,6 млрд рублей при среднем курсе 31,14 рубля за доллар».

Россия восстанавливалась и сосредоточивалась для рывка в будущее, устами президента Путина заявив о своих национальных интересах.

Ответ на вопрос *Who is mister Putin?* становился все более очевидным. Такой президент, как он, и такая Россия, какую он строил, никак не укладывались в представления западных политических элит. Призрак возрождения обновленной Российской империи, которая вновь занялась «собираанием земель российских», стал кошмарным сном для англосаксов.

Предстоявшие в 2004 году президентские выборы в России могли привести к дальнейшему укреплению власти Путина. В Вашингтоне и Лондоне не намеревались допускать подобного развития событий, и, чтобы помешать, они готовы были использовать весь арсенал имеющихся у них средств. В решении поставленной сверхзадачи западные политики значительную роль отводили специальным службам, имевшим своих конфиденентов, в том числе агентов влияния в различных российских государственных органах, СМИ и внутренней оппозиции.

«Англичанка» снова гадит

Первую скрипку в партитуре Запада по смене власти в России предстояло сыграть *SIS*. У английской разведки, одной из самых коварных спецслужб мира, имелся вековой опыт борьбы с царскими, советскими и российскими органами безопасности. В ее руках находился, как они полагали, главный козырь в будущей Большой игре – Березовский. Азартный игрок, одержимый жаждой мести, он был готов вложить едва ли не все свое огромное состояние, чтобы снова вернуться в Кремль. Определившись с Березовским, тогдашний глава *SIS* Ричард Дирлав занялся поиском среди своих подчиненных главного координатора операции. Взвесив все «за» и «против», он остановил выбор на наиболее успешном – Антонио Альваресе де Идальго, он же Пол Миллер, он же Пабло Миллер. Выпускник престижного Кембриджского университета, в совершенстве владевший, кроме родного испанского, английским и русским языками, де Идальго пришел в разведку в конце 1980-х годов, и его специализацией была вербовка сотрудников советских, а потом и российских спецслужб. Профессионал высочайшего уровня, он за короткий срок службы добился ощутимых результатов: в его активе были вербовки нескольких крупных агентов. Позже одному из них, бывшему полковнику ГРУ Сергею Скрипалю, а заодно и его дочери Юлии британские спецслужбы уготовили участь «дохлой кошки». Весной 2018 года они подкинули эту «дохлую кошку» на «международный стол», чтобы накалить и отравить атмосферу вокруг России.

План операции по смене политического вектора российской власти, как и предложение Дирлава по кандидатуре де Идальго, получили поддержку на Даунинг-стрит, 10. Реализацию замысла предполагалось начать с сопредельной России Эстонии. Несмотря на скромные географические размеры, этой прибалтийской стране в планах руководства *SIS* отводилось важное место. К тому времени британская разведка создала там надежные оперативные позиции, и маленькая Эстония должна была стать одним из плацдармов для наступления на фронтах тайной войны с Россией. Также сотрудники *SIS* вели разработку перспективных кандидатов на вербовку, занимавших не последние должности в российских органах государственной власти. В их число входил подполковник в отставке Валерий Омяяэ. Не просто подполковник, а в недавнем прошлом сотрудник российской Службы внешней разведки. Уволившись, Омяяэ сохранил старые связи с коллегами и обзавелся новыми среди российских политиков и бизнесменов.

На него и нацелился де Идальго. Прибыв в Эстонию, он приступил к работе под прикрытием неприметной должности первого секретаря Британского посольства в Таллине. Учитывая специфику бывшей советской республики, он не считал зазорным обращаться за помощью к коллегам из департамента охранный полиции МВД Эстонии («Кайтсеполицай») и находил среди них понимание. В частности, он наладил деловые отношения с сотрудницей 1-го Главного бюро Зоей Тинт и активно использовал ее в интересах британской разведки.

Внешне привлекательная женщина, обладавшая поистине волчьей хваткой, Зоя блестяще воплотила шпионский замысел де Идальго. В принципе замысел был прост – как и предполагалось, бывший разведчик Омяяэ не устоял перед чарами обольстительницы. И если из «медовой ловушки» еще можно было как-то выпутаться, несмотря на компрометирующие фотографии и видео, то отвертеться от «незаконного бизнеса», предъявленного в качестве обвинения «Кайтсеполицай», у него не имелось ни малейших шансов. Печальная участь оказаться в таллинской тюрьме для braveго подполковника стала реальностью.

И тут пришло «спасение». Подтянутый и элегантный, с прекрасными манерами на фоне эстонских «горилл», посольский сотрудник Пол Миллер выглядел просто ангелом. Он сразу заговорил с Омяяэ на деловом языке и предложил сделку: информация по интересующему его, Миллера, направлению бизнеса в России в обмен на освобождение от уголовной ответствен-

ности, а в будущем вид на жительство в Британии. Омяэ без особых колебаний принял предложение и взялся за выполнение «просьбы».

Самое первое поручение «друга Пола» – выяснить отношение бизнесменов к президенту Путину и проводимому им курсу – для Валерия Омяэ не составило большого труда: такого рода информация лежала на поверхности. Однако следующая «просьба» носила откровенно шпионский характер: Омяэ должен был предоставить сведения о российских агентах, введенных в спецслужбы Великобритании и других стран НАТО. Бывший разведчик заартачился, и тогда ему напомнили о таллинской тюрьме. И вот уже следующее задание: сбор данных на руководителей Службы внешней разведки России и уточнение функций ряда ее подразделений.

Шпионская карьера Валерия Омяэ продолжалась чуть больше года. Развернуться ему не позволила система мер, разработанная еще в советские времена и усовершенствованная российскими контрразведчиками. Завербованный засветился на участившихся контактах с бывшими коллегами из СВР, которые оставались в строю, и был взят в оперативную разработку ФСБ. Пятнадцатого марта 2000 года Омяэ был задержан в Москве на Ленинградском вокзале. Оперативники действовали настолько стремительно, что агент не успел избавиться от улики. Ему предъявили обвинение по статье 275 Уголовного кодекса РФ (государственная измена в форме шпионажа). В ходе следствия нашли подтверждение связь подполковника с британской спецслужбой и передача сведений, составляющих государственную тайну. Двадцать третьего апреля 2001 года Московский городской суд вынес приговор: семь лет заключения в колонии строгого режима. Столь небольшой срок объяснялся тем, что Омяэ активно сотрудничал со следствием и с потрохами выдал своих хозяев из SIS.

Спеша восполнить потерю агента, де Идальго – Миллер приступил к оперативной разработке другой ключевой фигуры в операции, задуманной Ричардом Дирлавом. Ею стал бизнесмен, в прошлом выпускник Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, майор налоговой службы Вячеслав Жарко. Он располагал обширными связями в политическом и экономическом бомонде, а наводку на него SIS получила от Березовского и еще одного одиозного господина – беглого подполковника ФСБ, фигуранта нескольких уголовных дел, британского агента Александра Литвиненко.

Готовя западню для Жарко, де Идальго на первом этапе рассчитывал на помощь Березовского, и не без оснований: Жарко был ему обязан. В окаянные девяностые молодому и энергичному следователю Федеральной службы налоговой полиции (ФСНП) поручили расследование резонансного дела. В прессе и в профессиональной среде оно получило название «Дело НТВ», и в центре его находился Гусинский. По одному мановению пальца всесильного олигарха информационная «артиллерия» НТВ могла превратить в руины любую административную и коммерческую «крепость», и Жарко был полон решимости взять за жабры «кукловода». Участникам оперативно-следственной группы не потребовалось предпринимать титанических усилий, чтобы найти доказательства грандиозных финансовых афер, осуществлявшихся Гусинским и его окружением под крышей НТВ. Махинаторы, пользуясь покровительством неких персон из окружения Ельцина, не находили нужным скрывать следы преступлений, и Гусинский, уверенный в своей неуязвимости, рассматривал работу налоговиков не более чем мышиную возню. Но когда пошли выемки документов и аресты имущества, показал зубы. В адрес Жарко и других следователей группы поступили «деловые предложения», а когда они были отвергнуты, в ход пошли провокации и угрозы. Жарко не нашел поддержки в руководстве налоговой полиции и обратился за помощью к всесильному заместителю секретаря Совбеза России Березовскому. И тот взял расследование на контроль.

Вряд ли господин Березовский руководствовался государственными интересами, а тем более человеческими чувствами по отношению к Жарко и его коллегам. Нет, он расчетливо использовал их в своей очередной бизнес-комбинации. «Великий и ужасный» вывел Жарко

из-под удара Гусинского и одновременно руками следственной группы осадил конкурента. Отпраздновав очередную победу, на этот раз на информационном поле, он готовился к битве за Кремль и рассчитывал на победу. Но судьба распорядилась иначе.

В марте 2000 года в Кремль пришел новый хозяин – Путин. И здесь Березовскому изменило политическое чутье. Его подвели тщеславие и гордыня, он не почувствовал ветра перемен, повеявшего из Кремля, и в итоге его грандиозные аферы – «Дело ЛогоВАЗа», «Дело АвтоВАЗа» – стали предметом внимания следственных бригад Генеральной прокуратуры и ФСБ. Угроза сменить роскошные апартаменты на скромную камеру в «Матросской тишине» стала реальностью, и Березовский, не дожидаясь, когда на его руках защелкнутся наручники, бежал в Лондон.

Однако размеренная жизнь с непременным чаепитием в пять часов не прельщала Бориса Абрамовича. Амбициозный игрок по натуре, он не мог смириться с поражением.

Всю свою неукротимую энергию и немалые финансовые ресурсы «лондонский сиделец», одержимый мыслью о реванше, направил на борьбу с Путиным. А союзников он нашел в лице Британского правительства и британских спецслужб. Опираясь на внутреннюю оппозицию Путину, они приступили к реализации замысла, направленного на смену власти в России и ее политического курса. В поисках единомышленников Березовский вспомнил о Жарко. По его представлению, тот идеально подходил на роль связника с оппозиционерами.

К тому времени Жарко оставил службу, занялся бизнесом и преуспел. Его деловые интересы простирались далеко за пределы России. По своим делам он безостановочно сновал между Москвой, Питером, Хельсинки, Таллином и Стамбулом. Все, вместе взятое, а также подробные характеристики, данные Жарко Березовским и Литвиненко, стали весомыми аргументами для британской разведки, и после провала с Оямьяэ де Идальго сделал ставку на Жарко.

Готовя вербовочную ситуацию, де Идальго – Миллер предпочел до поры до времени не показывать перед Жарко «ушей спецслужб» и держался в тени. Искусную шпионскую паутину вокруг кандидата в агенты *SIS* он поручил плести Березовскому и Литвиненко. Под различными предложениями те приглашали Вячеслава на «деловые встречи». А чтобы избежать контроля со стороны ФСБ, назначали их за пределами России и стран СНГ. Встречи проходили под негласным контролем британской спецслужбы, каждое слово и каждое движение Жарко записывалось скрытыми микрофонами и видеокамерами, а затем изучалось аналитиками и психологами *SIS*. Результаты анализа убеждали в том, что с выбором фигуры потенциального агента де Идальго не ошибся.

Перед тем как выйти на личный контакт с Жарко, де Идальго втянул его в компрометирующую ситуацию. На этот раз красоте Тинт не понадобилось прибегать к своим чарам – Вячеславу и его деловым партнерам просто создали проблемы в бизнесе. Они грозили закончиться уголовным делом, и тут на помощь пришел «друг Саша» – Литвиненко. Он взялся «разрулить сложности» при помощи «хорошего знакомого Пола, который может все». Литвиненко организовал телефонный разговор между Полом и Жарко, и Пол согласился «вникнуть в суть вопроса», а подробности предложил обсудить при личной встрече. Встреча должна была состояться в престижном отеле «Савойя». За сутки до нее специалисты британской разведки напичкали номер средствами прослушки и видеозаписи.

Первого апреля 2003 года озорство и веселье, витавшие в воздухе, заразили, казалось, даже Старого Томаса. Бессменный страж Таллина вертелся на шпиле церкви Оливисте, как будто танцевал джигу. На лицах эстонцев, в общем-то не склонных к проявлению чувств, гуляли улыбки. Но де Идальго – Миллеру было не до веселья. В Лондоне возлагали большие надежды на его первую личную встречу с Жарко, и самолюбие «лучшего специалиста по России» никак не позволяло допустить сбой.

Стены посольского кабинета давили, и де Идальго задолго до встречи вышел в город.

Морской бриз развеял утреннюю дымку, и Таллин предстал во всем своем великолепии. На скальном уступе, за громадой крепостных стен, подобно драгоценному камню в изысканно-строгой оправе, сверкала разноцветьем крыш древняя часть города – Вышгород. По брусчатке Люхике-Ялг, что в переводе с эстонского значит «Короткая нога», несмотря на довольно ранний час, текли ручейки туристов. Могучая башня Толстая Маргарита в конце улицы Пикк приглашала подняться под крышу и полюбоваться прекрасными видами Таллина за чашечкой кофе. У ворот городской ратуши, как и восемь веков назад, мирно ворковали голуби. В их птичий разговор то и дело вплетался мелодичный перезвон колокольчика – это открывались двери самой старой аптеки Европы. Суровые каменные лики святых на стенах Олайской гильдии напоминали о некогда могущественном «Братстве черноголовых», объединявшем купцов и судовладельцев. Казалось, само всевластное время смирило здесь свой неумолимый бег.

Бой часов на ратуше прервал размышления де Идальго. До назначенной встречи с Жарко оставалось меньше часа. Он свернул к отелю, поднялся в номер, осмотрел и остался доволен – стол был сервирован по высшему разряду. Проверил аппаратуру и постоял у окна. Время еле тянулось. Наконец стрелки часов подошлись к десяти. Из коридора донесся шум шагов. Де Идальго, отметив пунктуальность Жарко, повернулся.

В номер уверенной походкой вошел высокий мужчина средних лет, спортивного сложения, с жесткими чертами лица. Первые впечатления разведчика совпали с выводами аналитиков и психологов *SIS*: *перед* ним был волевой человек, не пасующий перед трудностями. Жарко охотно принял предложение присесть за стол и поддержал тост за знакомство. В разговоре за словом в карман не лез, тепло отзывался о Березовском, оказавшем ему поддержку при расследовании «Дела НТВ». Пообещав Жарко «вникнуть в вопрос «собеседника» и решить его», де Идальго под предлогом того, что планирует заняться бизнесом в России, принялся расспрашивать об общественно-политической обстановке в стране, интересовался отношением собеседника к президенту Путину и оппозиции.

При всех тех проблемах, что испытывала Россия, Жарко не исходил желчью по отношению к действующей власти, а о трудностях, существовавших в стране, говорил без ожесточения и злобы. Позиция и взгляды этого человека были далеки от оппозиционных, и потому де Идальго не стал форсировать вербовку. Поспешный шаг мог перечеркнуть месяцы кропотливой работы. Он сменил тему, вернулся к разговору об особенностях ведения бизнеса в России и в заключение высказал просьбу «прояснить ситуацию по будущим партнерам в ряде российских компаний». Жарко не возражал. Расстались на том, что «Пол» «уладит проблему Вячеслава», а тот «подумает, с кем в перспективе бизнеса лучше иметь дело в России».

После встречи прошло несколько дней. «Пол» сдержал слово – «проблема» русского благополучно разрешилась. Движимый чувством благодарности, Жарко пригласил нового знакомого на ужин. Накануне встречи на стол руководителя британской резидентуры в Таллине легли сводки агентов наружного наблюдения и телефонных переговоров бизнесмена. Их содержание рассеяло опасения, что за кандидатом на вербовку тянется хвост российской спецслужбы.

В приподнятом настроении де Идальго отправился в ресторан отеля «Савойя». Обстановка располагала к общению. Жарко не скупился на угощение, сыпал шутками, а главное, подтвердил готовность к деловому сотрудничеству. В де Идальго крепла уверенность, что вербовка Жарко – вопрос ближайшего времени. Завершился ужин договоренностью о встрече в Лондоне.

В Большую игру вступает «великий и ужасный комбинатор»

По возвращении в Великобританию де Идальго доложил Ричарду Дирлаву результаты работы по Жарко. Они получили высокую оценку. Вербовку решили не откладывать и провести на «своем поле», в Лондоне. Минуло несколько месяцев. За это время де Идальго вместе с Березовским и Литвиненко доработали последние детали оперативной комбинации – ловушки для Жарко. В ней каждому отводилась своя роль. Их утвердил главный «режиссер» – Дирлав. Теперь «великому и ужасному комбинатору» – Березовскому и его покровителям из SIS оставалось запастись терпением и ждать появления будущего агента в Лондоне.

Шли дни, недели. Жарко не спешил на встречу. Он словно чувствовал нависшую опасность. Пауза в операции британских спецслужб затягивалась. Терпение у де Идальго иссякло. Он решил действовать и создал новые проблемы для бизнеса жертвы, и результат не замедлил сказаться. Из России в адрес Литвиненко посыпались телефонные звонки. Проблемы приобретали все более острый характер, и в конце концов Жарко отправился в Великобританию.

Де Идальго возликовал. Уж тут-то, где под рукой были все ресурсы спецслужб, вербовка представлялась делом решенным. А Вячеслав, прилетев, готовился к встрече с Литвиненко, Березовским и еще одним фигурантом – «проблемным» партнером по бизнесу Джоном Калаганом. С ним его свел Пол Миллер (де Идальго). Переговоры с Калаганом в Таллине и Хельсинки сулили большие перспективы, но в итоге привели к еще большим проблемам. Жарко не знал, что по-другому и быть не могло – Калаган являлся кадровым сотрудником SIS и занимался тем, что подготавливал почву для вербовки.

Пока все шло по плану Дирлава и де Идальго. Судя по той спешке, с какой Жарко собрался в Лондон, проблемы в бизнесе его серьезно беспокоили. И эта спешка ослабляла осторожность: Вячеслав не замечал «хвоста» британской разведки.

Машина ехала из аэропорта в центр. Скрип тормозов заставил Жарко встрепенуться. «Мерседес» представительского класса остановился у дома номер 7 на Даунинг-стрит. В офисе «великого и ужасного комбинатора» бизнесмена встретил Литвиненко. С последней их встречи минуло больше семи месяцев, и нельзя было не отметить, что жизнь в Лондоне пошла бывшему сотруднику КГБ – ФСБ на пользу. Он выглядел свежо, слегка раздобрел, в глазах появился азартный блеск. Предстоящая битва за Кремль, спланированная Березовским, добавила ему адреналина.

На пути к кабинету шефа Литвиненко сыпал именами известных британских политиков, стоявших «в очереди на прием к Борису Абрамовичу», он без тени сомнений заявлял о «скором крахе режима Путина» и рисовал захватывающие дух планы переустройства России. Но Жарко куда больше интересовали перспективы собственного бизнеса. Литвиненко обнадежил его: «Борису Абрамычу и Полу через свои связи *где надо*, – на этих словах он сделал ударение, – практически удалось все решить». Жарко, в прошлом следователя налоговой полиции, насторожило это «где надо». Он хотел было уточнить, но не успел – они зашли в кабинет.

Деловые апартаменты «великого и ужасного» впечатляли. Мебель была изготовлена из ценных пород дерева. С картинами старых мастеров (несомненно, подлинниками) соседствовал телеэкран, занимавший почти всю стену. За стеклами книжных шкафов тускло поблескивали корешками раритетные фолианты. Все, вместе взятое, должно было внушать случайным посетителям (случайных здесь не бывало) представление о могуществе хозяина. Но даже здесь, в этих стенах, Березовского не покидал страх перед вездесущими «агентами Путина». Везде были натканы зрачки видеокамер, отнюдь не скрытых, чтобы уstrasшить и предупредить.

Жарко перешагнул порог и сделал несколько шагов. Березовский восторженно, отшвырнул в сторону ворох бумаг, слетел с кресла и стремительной походкой направился навстречу. Это был тот же самый БАБ, которого Жарко знал еще по Москве, но – другой! Он стал как будто меньше ростом, тише, в движениях появилась суетливость. Для мужчины возраст – не возраст, но БАБ постарел.

Березовский по-дружески заключил Жарко в объятия, затем подхватил под руку и провел в зал для переговоров. По площади он был больше кабинета, и в нем также все говорило, что здесь решаются мировые проблемы и крутятся миллиарды долларов. В центре стоял большой овальный стол; по слухам, когда-то за ним сидел сам король Ричард Львиное Сердце в окружении рыцарей. Картины на стенах могли бы составить честь любому музею. На столе были выставлены закуски и дорожный алкоголь. Через несколько минут к ним присоединился Литвиненко, Березовский произнес тост за встречу, а затем за успех вынашиваемого предприятия – смену власти в Кремле.

Обстановка становилась все более непринужденной. Теперь Жарко видел перед собой прежнего неукротимого, фонтанирующего идеями «великого и ужасного комбинатора». Он сыпал фамилиями готовых помочь ему политиков и не испытывал ни малейших сомнений в том, что «режим Путина и гэбистов будет отправлен на свалку истории». Его голос наливался силой, когда он рассказывал, как будут сметены «прогнившие режимы Кучмы и Шеварднадзе» на Украине и в Грузии. По его словам, только в Ющенко и его окружение он вложил свыше семидесяти миллионов долларов. В ближайшие дни Березовский и Литвиненко собирались вылететь в Тбилиси и встретиться с главным оппонентом Шеварднадзе – Саакашвили, суммы в этом контексте звучали не меньшие.

Чуть понизив голос, БАБ сообщил, что в Киеве намечалась еще одна важнейшая встреча. Она будет носить особо конфиденциальный характер и пройдет с участием бывшего председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Иваном Рыбкиным. И тут Литвиненко, нетерпеливо ерзавший в кресле, огорошил Жарко сенсационными подробностями операции, получившей благословение британских спецслужб: катализатором массовых протестов оппозиции против «тоталитарного режима Путина» накануне проведения президентских выборов в России должна стать сакральная жертва. И этой жертвой будет Рыбкин, один из кандидатов в президенты. Но и это еще не всё. Для достижения своих целей они готовы были заключить сделку с самим дьяволом, почему нет? И в роли дьявола должен был выступить давний агент SIS Амир ибн аль-Хаттаб (Самер Салех ас-Сувейля), оставивший кровавый след в Афганистане. Он и Басаев снова собирали под свое черное крыло международный террористический интернационал, чтобы потрясти Россию чудовищными терактами. Один из них должен был произойти в самом сердце Москвы, на Красной площади.

Литвиненко сыпал подробностями своих встреч с Басаевым, Гелаевым, Яндарбиевым и другими главарями бандформирований, действовавшими на Северном Кавказе, рассказывал о деталях будущих диверсионных и террористических акций. Зализав полученные раны и получив финансовую поддержку со стороны спецслужб Великобритании, США и ряда арабских стран, террористы были на низком старте, чтобы сорвать президентские выборы в России.

Жарко казалось, что он находится в каком-то чудовищном Зазеркалье. Березовский и Литвиненко все говорили и говорили. Они снимали и назначали на должности министров и руководителей крупнейших компаний. На свой лад кроили республики, края и области. Литвиненко видел себя в кресле директора ФСБ и готов был согнуть в бараний рог своих противников. От этих чудовищных замыслов Вячеславу стало не по себе, он думал только о том, как бы поскорее выбраться на улицу, и наконец его отпустили.

Он плохо помнил, как покинул офис и как добрался до отеля. На ватных ногах поднялся в номер, на ходу разделся и без сил рухнул в кровать. Но сон не шел – голова трещала от мыслей. Спасла бутылка виски, выпитая одним махом. По телу разлилась слабость, невидимые

молоточки, стучавшие в ушах, стихли, потолок и стены поплыли перед глазами. На сей раз, едва голова коснулась подушки, Жарко провалился в бездонную яму сна.

«Рыцари плаща и кинжала» выходят из тени

Разбудил Вячеслава телефонный звонок. Это был Литвиненко, который начал разговор с сальной шутки, а затем сообщил, что договорился о встрече с Полом и Калаганом. Встреча была назначена на завтра. Пауза в разработке потенциального агента понадобилась SIS, чтобы еще раз убедиться в том, что за ним нет «хвоста» российских спецслужб.

Приняв душ, Жарко спустился в ресторан, позавтракал и вышел в город. Агенты наружки следовали за ним по пятам, а техслужбы перехватывали и записывали все телефонные разговоры. Но ничего такого не было – русский не давал ни малейших поводов для подозрений.

Поскольку никаких дел на текущий день не намечалось, Вячеслав воспользовался шансом, чтобы осуществить свою давнюю мечту – посетить музей легендарного литературного сыщика, блестяще описанного Артуром Конан-Дойлем в бессмертных «Записках о Шерлоке Холмсе». Он находился не так далеко от отеля, и Вячеславу не понадобился туристический путеводитель – надежным компасом служила память. Эта часть Лондона в том, что касалось архитектуры, почти не изменилась – была такой, как ее описывал литературный отец Холмса. Изменились сами лондонцы. Порой трудно было понять, где ты находишься, – уж не в Африке ли? а может, в Азии? Современный Лондон напоминал Вавилонское столпотворение. Слух резала разноязыкая речь, от черных и желтых лиц рябило в глазах. История совершила кульбит – в XXI веке бывшие колонии завоевывали бывшую метрополию.

Позади осталась станция подземки «Бейкер-стрит». Вячеслав перешел на противоположную сторону улицы и наконец увидел хорошо знакомый дом, ведь он к тому же засветился во многих кинофильмах о Холмсе. Полисмен на входе, облаченный в форму XIX века, старинные газовые фонари над дверью, узкие балкончики верхних этажей, увитые металлическим ограждением, – все это возвращало во времена королевы Виктории. Сам воздух у дома на Бейкер-стрит, 221-Б, казалось, был пропитан викторианским духом.

Вячеслав ускорил шаг и с волнением толкнул дверь. Первый этаж четырехэтажного особняка занимал сувенирный магазин, и здесь же была маленькая прихожая. Он осмотрелся и поднялся на второй этаж, в гостиную, где его встретила восковая горничная, также словно материализовавшаяся из XIX века. А когда глаза освоились с полумраком, перед ним возник он – Шерлок Холмс! Выразительный восковый профиль на фоне окна чем-то напоминал профили римских императоров, как их чеканили на монетах. Сценка была жанровой: Холмс что-то убедительно объяснял восковому доктору Ватсону, а тот, отложив в сторону армейский револьвер, внимательно слушал друга и компаньона. О том, что оба являлись первоклассными стрелками, красноречиво говорила первая буква имени королевы Виктории – V – на листе фанеры. Ощущение реальности подкрепляли знаменитые трубка, шляпа, скрипка и... да вот же она, восковая миссис Хадсон!

На третьем этаже были комнаты домовладелицы и Ватсона, а на четвертом размещались восковые фигуры героев различных рассказов о Холмсе – и злодеи, и жертвы. На взгляд Жарко, они производили жутковатое впечатление, и он не стал задерживаться; а завершил он свою экскурсию в пабе «Шерлок Холмс», где отменно кормили; только два типа с постными физиономиями хрустели гренками и пили чай: Британия переживала не лучшие времена и потому держала своих агентов в черном теле. Но Жарко даже не взглянул на них. Он с удовольствием съел суп от «миссис Хадсон», холодную телятину и, не поморщившись, выпил две чашки чая со сливками. На улицу он вышел в прекрасном расположении духа и продолжил прогулку по Лондону.

Прогулка русского не доставила хлопот агентам британской наружки. Жарко не скакал зайцем в подземке и не носился по проходным дворам, а как обычный турист бродил по городу и осматривал достопримечательности. Подозрительных контактов замечено не было, закла-

док-выемок из тайников тоже. С наступлением вечерних сумерек русский возвратился в отель, поужинал в ресторане и поднялся к себе в номер.

И здесь, в четырех стенах, когда впечатления дня схлынули, в сердце Жарко снова проснулась тревога. Он без конца возвращался мыслями к последнему разговору с Березовским и Литвиненко. О том, что оба авантюристы по натуре, ему было известно. И к грандиозной афере по смене власти в России можно было бы отнестись скептически, если бы не одно но. Скорее всего, за ними стоят могущественные политики и спецслужбы Британии и США. Жарко не сомневался, что на пути к своей цели Березовский и Литвиненко не остановятся ни перед чем. И ради ее достижения они, не задумываясь, сделают его жертвенным агнцем. Их высокие слова о «страдающей России» на самом деле ничего не стоят, а суэта вокруг помощи с решением проблем в его бизнесе лишь предлог, чтобы...

...втянуть меня в грязную игру британских спецслужб. И чем она закончится, знает один только...

Сердце Жарко бухнуло и провалилось вниз.

Лопух! Как же ты купился, Слава?! Пока не поздно, надо рвать когти!

Его взгляд заметался и остановился на чемодане.

Он вскочил на ноги, сделал шаг к нему и замер. По спине покатился пот, и бизнесмен тяжело опустился на кровать.

Незаметные глазу скрытые видеокамеры фиксировали каждое его движение. Де Идальго и Калаган подались к монитору, чтобы по мимике «клиента» понять, какие им владели чувства.

Чувства были очевидны – растерянность, может быть, страх, – но Вячеслав быстро овладел собой. Военная служба, а затем служба в налоговой полиции приучили его не паниковать в сложных ситуациях. Взяв себя в руки, он пытался представить будущий разговор с вербовщиками (он уже не сомневался в истинных целях Пола Миллера и этого скользкого типа – Калагана), предугадать, какие ловушки они расставят, и постараться обойти их. Нокак? Один вариант сменял другой. Время было далеко за полночь, когда его сморил сон.

На ноги Жарко поднял звонок будильника в телефоне. С тяжелой головой он поплелся в ванную. Холодная вода освежила, вернула уверенность в себе. Завершив туалет, он оделся, спустился в ресторан, позавтракал и прошел на стоянку.

Литвиненко приехал без опозданий. Предстоящая встреча Жарко с британскими спецами значила много и для него самого. Стремясь поднять себя в их глазах, он приврал де Идальго – Миллеру о влиятельности связей Жарко среди российских политиков и сотрудников спецслужб.

Машина остановилась перед массивными воротами, за ними проглядывал парк. В глубине за деревьями прятался двухэтажный особняк.

Видеокамеры, подмигнув багровыми зрачками, нацелились на машину. Луч лазера скользнул по номеру, и через мгновение створки ворот автоматически открылись. Литвиненко подъехал к особняку и остановился перед парадным крыльцом. Навстречу им вышел мрачного вида тип. Окотив холодным, липким взглядом посетителей, он кивнул и распахнул перед ними дверь.

Литвиненко и Жарко простояли пару минут в прохладном полумраке холла, и вот наконец раздались шаги. По лестнице легкой походкой спускался Пол, а за ним следовал Налагай. На лицах обоих играли вежливые улыбки. Поинтересовавшись настроением, они предложили Жарко подняться наверх, чтобы в более располагающей обстановке продолжить общение. А Литвиненко возвратился к машине.

Стандартно обставленная гостиная на втором этаже напоминала апартаменты дорогого отеля. В центре стоял богато сервированный стол – британская спецслужба не скупилась на расходы и, когда речь заходила о важной вербовке, размахом «гостеприимства» могла бы поспорить с русскими. Пол разлил виски по бокалам и предложил тост за встречу. Следующий тост – за долгое и плодотворное сотрудничество в бизнесе – произнес Калаган. Теперь и атмосфера застолья стала напоминать московскую или какую угодно другую, но никак не чопорный английский ланч.

Вскоре дежурные темы о погоде и «старом добром Лондоне» исчерпали себя. Подыгрывая друг другу, собеседники Жарко свернули тему на позавчерашнюю встречу с Березовским и Литвиненко. Вопросы не оставляли сомнений в том, что ее содержание было им хорошо известно. Но Жарко не подал виду; не вдаваясь в детали, он рассказал о разговоре в офисе БАБ и не преминул заметить, что оценки Березовского и Литвиненко не адекватны ситуации, складывающейся в России. А его заявление о том, что «если они будут продвигать демократию с помощью боевиков Хаттаба и Басаева, то это закончится плохо для всех», резко повысило градус беседы.

Де Идальго с трудом мог сдерживать негодование, это отразилось в глазах. Болтливость Литвиненко – ведь наверняка это он ляпнул про боевиков – могла сорвать вербовку. «Александра порой заносит, и его буйные фантазии не стоит принимать за чистую монету», – поспешил заметить он, а Калаган снова вернулся к разговору о перспективах общего бизнеса в России. Он совершенно справедливо заметил, что бизнесдолжен строиться на объективном аналитическом исследовании, и после многозначительной паузы продолжил, что в своих делах «больше полагается не на Березовского и Литвиненко, а на возможности Вячеслава и его связи».

К его мнению присоединился и де Идальго – Миллер. Подмигнув Жарко, он подчеркнул: «Ваши связи, Вячеслав, в ФСБ, ФСО и СВР и есть самая надежная “крыша”». Конечно же, это был намек на сотрудничество совсем в других сферах, но Жарко отбил подачу: «Полагаю, Борис Абрамович и Саша слишком преувеличили значение моих связей». «Профи» ему не поверили и принялись сыпать фамилиями сотрудников российских спецслужб, якобы знакомых Вячеславу. Тот продолжал выкручиваться, ссылаясь на то, что одни некоторое время назад уволились со службы, а те, кто остался, не горят желанием продолжать общение. Не желают? Пол не принял объяснений и уже не просил, а требовал, чтобы Жарко восстановил отношения с друзьями-чекистами. А Калаган предложил Жарко письменно изложить свое видение состояния обстановки в России, обрисовав место различных политических сил и их влияние в обществе.

Вячеслав предпринял еще одну попытку вырваться из западни. Ссылаясь на своих российских компаньонов, он заявил, что намерен перепрофилировать бизнес и целиком сосредоточиться на внутреннем рынке.

Терпение де Идальго лопнуло. Отбросив в сторону политесы, он назвал цену – две тысячи евро за каждое «аналитическое исследование» для одной из «самых влиятельных британских компаний», но какой именно – не назвал. Вячеславу и без того было понятно, что речь идет о британской спецслужбе. Его банально покупали, причем по бросовой цене. Пальцы сжались в кулаки. Он с трудом сдерживался, чтобы не смазать по физиономиям собеседников, но разум взял верх над эмоциями. За дверью не дремлют «гориллы». Помимо них, видимо, имеются и другие способы принудить его к «сотрудничеству». Взгляд упал на кейсу ног Калагана. В нем, вероятно, находились «весомые аргументы» – заявление какой-нибудь проститутки об изнасиловании, полицейский протокол об обнаружении партии героина или еще что-нибудь в этом духе.

Жарко лихорадочно искал выход из ловушки. Согласиться и написать то, о чем просит Калаган, так называемый аналитический отчет о перспективах бизнеса в России с характери-

стикой возможностей партнеров из числа силовиков, – значит отрезать все пути назад: отчет ляжет в досье «завербованного агента SIS», и потом не отмоешься.

«Что же делать?.. Что?!» – сверлила мозг только одна мысль.

На память пришли слова Калагана:

«Все в этом мире имеет свою цену. У каждого из нас она своя».

«Торговаться! Торгуйся, Слава! Это твой шанс отбрыкнуться от чертового отчета, выиграть время. Главное – вырваться отсюда, а там куда кривая выведет...»

– Так, значит, две тысячи евро за каждый отчет?

– Да! – в один голос повторили вербовщики.

– Нет, господа, так не пойдет! Моя работа стоит гораздо больше! – отрезал Жарко.

Возникла долгая пауза. Де Идальго обменялся взглядом с Калаганом и уточнил:

– Сколько же вы хотите, Вячеслав?

– Как минимум в два раза больше!

– Но это же... – У Калагана не нашлось слов, а де Идальго, поиграв желваками, буркнул:

– М-да, однако у вас и аппетиты.

– Я знаю цену информации, которая вам нужна.

– Хорошо, давайте так: вопрос подлежит обсуждению. И окончательное решение остается за президентом нашей компании, – пошел на уступки де Идальго.

– Ничего, я подожду. – Выдержав паузу, Вячеслав спросил: – Господа, а вы можете исполнить одну мою просьбу?

– Все, что в наших силах, – оживился де Идальго.

Призвав все свое артистическое мастерство, Жарко начал издали:

– Поймите меня правильно... У нас с Александром давние дружеские отношения, но...

– Вы имеете в виду Литвиненко? – уточнил Калаган.

– Вас что-то смущает, Вячеслав? – вторил ему де Идальго.

– Ну... дело в том... возможно, я ошибаюсь, но в последнее время Саша бывает неадекватен. И в том деликатном бизнесе, который нам предстоит развивать, он может создать проблему... Еще раз, поймите меня правильно, я бы не хотел...

– Можете не продолжать, Вячеслав! – перебил де Идальго и поспешил заверить: – Литвиненко не будет иметь никакого отношения к нашему сотрудничеству.

– В таком случае у меня нет вопросов. К следующей нашей встрече за мной – развернутый аналитический отчет, а с вашей стороны – размер гонорара. Если он будет выше четырех тысяч евро, то я конечно же не стану возражать.

Де Идальго кисло улыбнулся. В принципе, дело сделано – он посчитал, что видеозаписи встречи будет достаточно, чтобы схватить «клиента» за жабры. Калаган разлил виски по бокалам, и все трое выпили за успех.

На следующий день Вячеслав возвратился в Россию. Выскользнув из лап SIS, он отдавал себе отчет, что так называемое сотрудничество с британцами есть не что иное, как предательство, а предатели плохо кончают. Сбежать? Ну уж нет – ПМЖ за границей его нисколько не прельщало. Первое время он по-детски надеялся, что все само собой рассосется и о нем забудут. Но не рассосалось. Березовский и Литвиненко не давали ему покоя, без конца терзали телефонными звонками, напоминали о «просьбе наших общих друзей» и намекали на «большие проблемы», если он захочет соскочить.

Оказавшись перед беспощадным выбором, Вячеслав все-таки обратился к своим друзьям из российских спецслужб и нашел не только понимание, но и поддержку. Смертельно рискуя, после беседы в серьезном кабинете он стал одним из ключевых игроков в «Большой игре». Однако Вячеслав и те, кто находился с ним рядом, блестяще отыграли свои роли. Ни Ричард Дирлав, ни де Идальго, ни Калаган не заподозрили, что следуют сценарию, написанному в Москве. Уникальная по своей сложности и результатам операция продолжалась почти

пять лет и завершилась еще одной победой российских спецслужб над британской разведкой: коварный замысел привести в Кремль своих конфиденентов и добиться смены политического курса России был сорван. А Вячеслав Жарко и его товарищи, выполнив свой долг, скромно ушли в тень истории отечественных спецслужб.

Двадцать третьего ноября 2006 года в лондонской Университетской больнице скончался отравленный полонием Литвиненко. Спустя полгода, 25 июня 2007-го, Жарко обратился в Центр общественных связей ФСБ России и получил разрешение на интервью. В беседе с Андреем Барановым, на тот момент заместителем редактора отдела международной политики, он раскрыл некоторые детали операции. Также интервью с ним было опубликовано в британской газете *The Sunday Times* и прозвучало в эфире телеканала *Russia Today*.

«Вячеслав, как же вы попали в сети британской разведки?»

История длинная, а роковую роль в ней сыграли Березовский и ныне покойный Литвиненко. Именно они вывели меня на сотрудников «Секрет интеллидженс сервис», которую в обиходе еще называют МІ-6.

На британскую разведку вас вывел он [Березовский]?

Нет, Литвиненко. Но, думаю, с его подачи. Александр познакомил меня с неким Мартином Флинтом, заявившим, что он представляет деловые круги. Потом появились еще двое. Они мне предложили оказывать консультационные услуги. Их интересовал анализ политической и экономической ситуации в России.

Вы поверили, что имеете дело с бизнесменами?

Через какое-то время они прямо признались, что являются разведчиками. Не хочу хвалиться, но я раскусил их сразу-по стилю, по поведению. Как говорится, рыбак рыбака...

А что их в вас привлекло?

Ну, тут я могу лишь предполагать. По-моему, они купились на рассказы Литвиненко, что я, мол, обладаю допуском к секретам, а также располагаю колоссальными связями в политических, общественных кругах, в правоохранительных органах. Он еще наврал им, будто я связан с российскими разведструктурами.

А зачем?

И я ему этот вопрос задал. Он на них уже работал и очень хотел показать умение находить “важные источники”. Ну и получать за это деньги. Он и мне прямо сказал: “Ты, главное, надувай щеки. Чего-нибудь придумай и впарь им. Заработаем – и ты, и я”.

И британцы вам платили?

Около двух тысяч евро в месяц наличными.

Сколько на вас всего потратили англичане?

“Гонораров” они мне выплатили примерно на сто тысяч евро. Плюс авиабилеты, гостиницы. А ведь они требовали, чтобы я добирался к местам встреч не напрямую, а через одну-две страны. Кроме того, они привозили на эти “свидания” Литвиненко – тоже, кстати, по подложным документам, – да еще на себя тратились. В общем, стоила им эта работа со мной около полумиллиона евро – явно больше, чем я им принес какой-то пользы.

Литвиненко ведь участвовал в ваших встречах с сотрудниками МІ-6?

Да, в Лондоне, Стамбуле, Хельсинки, на Кипре... Его роль, как оказалось, была в том, чтобы подготовить мою вербовку англичанами. Он до последнего пытался играть роль посредника, чтобы не лишиться содержания у британской разведки. Политика его не интересовала, ему нужны были деньги, чтобы содержать семью в чужой, в общем-то, для него стране.

Расскажите поподробнее о тех британских разведчиках, которые с вами работали.

После Флинта со мной контактировали Джон Калаган и Пол – он участвовал в двух-трех встречах и свою фамилию не называл. Оба неплохо говорили по-русски. С Джоном я даже сдружился, немало виски было вместе выпито. Он мне рассказывал о себе, своей семье, делился взглядами на жизнь. Рассказывал, что несколько лет проработал под “крышей” посольства в Москве, участвовал в острых операциях. Например, как-то в ресторанном туалете фотографировал полученные секретные документы... Потом появился Кенн Филиппе. Этот Кенн тоже работал в Москве, а сейчас действует как разведчик в Британском посольстве в Стамбуле.

Интересно, в разговорах с вами британские шпионы высказывали свое мнение о России?

Да, не скрывали, что их все устраивало у нас в девяностые годы, при Ельцине. Им этот бардак был выгоден. Причем говорили откровенно, мол, мы прекрасно видим, например, кто такой Гусинский, но поддерживаем его, исходя из задач своей службы.

А что это за задачи?

Главная – оказание выгодного влияния на политику Российского государства»⁴.

С этим влиянием у британских спецслужб и политиков ничего не вышло. Четырнадцатого марта 2004 года на выборах президента России безоговорочную победу одержал Владимир Путин. Оппозиция и стоящие за ее спиной ненавистники России с треском проиграли, но не смирились. Впереди нашу страну ждали новые испытания. Впервые после Второй мировой войны ее противники решились на прямую вооруженную провокацию.

Очередной *Drang nach Osten* в истории современной России имел место в 2008 году.

⁴ См.: <https://www.kp.ru/daily/23930/69736/>

Drang nach Osten. Дубль один

Неудача с продвижением своего конфидента в Кремль не остановила стратегов из Вашингтона, Лондона и Берлина, и тогда они обратили внимание на ближайших соседей России. К тому времени в результате «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии к власти пришли подконтрольные Западу режимы В. Ющенко и М. Саакашвили. Территории Украины и Грузии представлялись идеальными плацдармами для нового наступления на Россию и последующего отстранения от власти президента Путина.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

Великий русский поэт Пушкин, посетивший в 1829 году дружескую православную Грузию, был покорен красотой ее природы и гостеприимством жителей. Они вдохновили его написание гениальных строк:

*...На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла...*

Но Александр Сергеевич даже в самом кошмарном сне не мог представить, что спустя полтора столетия на Грузию опустится мгла пещерного мракобесия. При Михаиле Саакашвили, который в 2004–2013 годах два срока подряд занимал пост президента Грузии, с поистине нечеловеческим остервенением уничтожалось все, что напоминало о советском прошлом. В Тбилиси Мелаанскую улицу на участке трассы от аэропорта до центра столицы называли именем президента США Джорджа Буша. Новое название должно было не просто напоминать, а кричать: впредь, на веки вечные, все дороги ведут не в «имперскую варварскую» Москву, а в «демократический и просвещенный» Вашингтон. В срочном порядке был слеплен музей «советской оккупации Грузии», вероятно, тоже для того, чтобы напоминать всем, как изнывала Грузия под игом грузина Сталина. Все это не оставляло сомнений у аналитиков западных спецслужб, что наиболее перспективной в реализации замысла по сдерживанию России Путина будет Грузия Саакашвили.

Военные мускулы Грузии принялись усиленно накачивать «всем западным демократическим миром». Военный бюджет вырос с 36 млн долларов в 2003 году до 341 млн в 2006-м. В рамках различных программ для силовых структур Грузии (МО, МВД и др.) – «Переподготовка и обучение кадров», «Обучение и оснащение», «Модернизация» – из США, Великобритании, Турции, Греции и других стран НАТО были направлены значительные финансовые средства. Только в 2002–2004 годах США выделили Министерству обороны Грузии 64 млн долларов на программу «Обучение и оснащение», в рамках которой американские инструкторы подготовили свыше двух тысяч грузинских командос и личный состав танковой бригады.

Другая страна НАТО, Турция, в октябре 2004 года выделила на модернизацию грузинской армии два миллиона долларов. Всего с 1998 по 2004 год она израсходовала на эти цели около 37 млн долларов.

К концу 2006 года армия Грузии, обученная и вышколенная натовскими военными инструкторами, была готова к серьезной войне. Так посчитали в Генштабе Министерства обороны Грузии и убедили в этом командование НАТО. В Вашингтоне на этот счет строили далекие планы. Будущая военная операция «Чистое поле» имела своей целью срыв предстоящей в 2014 году Олимпиады в Сочи и дискредитацию руководства России.

Рубикон

Подготовку операции ускорило событие, произошедшее за тысячи километров от Тбилиси, в далеком Мюнхене. Десятого февраля 2007 года в столице Баварии открылась международная конференция по вопросам политики безопасности – «Глобальные кризисы – глобальная ответственность». Она шла своим чередом, и ничто не предвещало сюрпризов. «Победители» в холодной войне, американцы и их союзники по блоку НАТО, вальяжно развалившись в креслах, посматривали по сторонам. Выражение скуки на лицах не изменилось, когда к трибуне вышел президент России. От руководителя «страны-лузера» не ждали ничего нового: как обычно, будет сыпать клятвенными заверениями в приверженности к общечеловеческим ценностям. Ну, пусть поговорит, впереди «сильных мира сего» ждал междусобойчик, на котором вдали от любопытных глаз будут решаться горячие вопросы: какую страну поставить на место, где сменить ее главу на более сговорчивого и как поделить ресурсы между собой.

С трибуны действительно прозвучали слова о европейском мультикультурализме, толерантности и приверженности демократии. Но в какой-то момент в интонациях президента России зазвучали стальные нотки:

«Формат конференции дает мне возможность избежать излишнего политеса и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами. Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. *И если мои* рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться».

По залу прокатился удивленно-настороженный шепоток. От полусонной дремы не осталось и следа. Неслыханное дело! Россия, которую Запад сбросил с мировых счетов, устами Путина посмела возвысить свой голос, и за спиной России угадывались те страны и народы, которые «золотой миллиард» поспешил зачислить во второй и третий сорт.

Путин прямо называл вещи своими именами:

«Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение».

Дальше он посмел назвать главного нарушителя спокойствия:

«Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. Ну кому это понравится?»

А затем последовало и вовсе возмутительное – президент России заявил:

«...ясно, что в этих условиях мы вынуждены задуматься об обеспечении своей безопасности. В этой связи позволю себе сделать одну маленькую ремарку. Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику».

Его справедливые упреки в адрес «западных партнеров», подобно булыжникам, падали в затянутое густой бюрократической тиной «натовское болото». По залу распространялись круги возмущения. Недоумение на физиономиях сменилось возмущением, во взглядах сквозило: «Что он несет?!», «Да кто ты такой, чтобы нас учить?!», «Пора поставить его на место!»

Это «поставить на место» – не просто фигура речи. На конференции в Мюнхене Путин впервые ясно и недвусмысленно обозначил национальные интересы России, заявив о ее возвращении в большую политику, что, конечно же, не осталось без внимания в Вашингтоне,

Лондоне и Берлине. Россию и ее президента решили поставить на место – и в качестве инструмента использовать режим Саакашвили.

«Всем демократическим миром»

После побед в Абхазии и Западной Сванетии Саакашвили торопил своих западных хозяев с «продолжением банкета», и в первую очередь он готов был преподнести им на блюде головы руководителей мятежных республик – Абхазии и Южной Осетии. Подобно дамоклову мечу, они нависали над «проектом века» – транспортировкой углеводородов по маршруту Баку – Батум – Джейхан. От «Большой трубы» грузинские войска отделял один марш-бросок. Однако в Вашингтоне, Лондоне и Берлине не спешили отдавать команду «Фас!». Там хорошо считали деньги и не собирались пускать их на ветер. К тому времени в «Большую трубу» было вложено свыше семи миллиардов долларов, и неудача с операцией «Чистое поле» могла обернуться колоссальными убытками. Чтобы действовать наверняка, «весь демократический мир» стал скидываться на поддержку силовых структур Грузии. В 2007 году вложения в этот сектор достигли астрономической для Грузии цифры в 700 млн долларов; для сравнения: в 2000 году вложения составлял смешную цифру в 23 млн долларов.

Тридцатого апреля 2008 года с участием членов правительства и парламента Грузии, а также военных атташе стран – членов НАТО состоялась торжественная церемония открытия военной базы в Сенаки. Ее строительство обошлось в 9 млн долларов; работы проводились турецкой фирмой *IBC*. *Этот* плацдарм в верхней части Кодорской долины – Западной Сванетии – строился с прицелом нападения на Абхазию.

Другая военная база вблизи города Гори, в тридцати километрах от южноосетинской столицы Цхинвала, также строилась по стандартам НАТО. По затратам и техническому оснащению она ничем не уступала базе в Сенаки и стала местом дислокации 4-й пехотной бригады сухопутных войск Вооруженных сил Грузии.

К весне 2008 года окончательно были сформированы организационные структуры высших органов боевого управления грузинским Вооруженными силами, которые включали в себя Сухопутные войска, войска ВВС и ПВО, а также Военно-морские силы. Общая численность личного состава Вооруженных сил превысила 26 тыс. человек. Общие расходы на оборону стали запредельными и достигли 11,5 % годового бюджета небольшой страны.

«Чистое поле». Миссия невыполнима

Весной 2008 года вооруженное противостояние на границах с Абхазией и Южной Осетией грозило перерасти в крупномасштабную войну. Вооруженные провокации со стороны силовых структур Грузии отмечались почти ежедневно.

Когда МО и МВД Грузии провели учения под кодовым названием «Огненный кулак» и «Броня» с участием военного контингента стран НАТО – США, Великобритании и Франции, в Москве забили тревогу и объявили о подготовке учений «Кавказ. Стабильность-2008». В ответ «главный режиссер» блицкрига «Чистое поле» прибегнул к «военной хитрости», которая заключалась в том, чтобы дипломатическими и пропагандистскими акциями скрыть армейский сапог и усыпить бдительность российской стороны.

В мае – июле 2008 года председатели различных комиссий ЕС и министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер челноками сновали между Москвой, Тбилиси и Сухумом. В итоге напряженных консультаций на свет появился так называемый план Штайнмайера. Хотя и с оговорками, его приняли в Москве и, скрипя зубами, в Сухуме и Цхинвале. Отвлекающий маневр сработал – был запущен переговорный процесс.

До начала операции «Чистое поле» оставалось чуть больше месяца.

Дипломатическая возня нарастала. Тбилиси предложил Сухуму провести предварительные неофициальные консультации по нормализации отношений. Встреча состоялась в Стокгольме 14–17 июня 2008 года. С абхазской стороны в ней участвовали: министр иностранных дел С. Шамба, вице-премьер Б. Кубрава и министр по налогам и сборам В. Пипия. В состав грузинской делегации входили: секретарь Совета безопасности А. Ломая, постпред Грузии в ООН И. Аласания, заместитель председателя Комитета по обороне и безопасности парламента Грузии Н. Руруа, госминистр по вопросам реинтеграции Т. Якобашвили.

В ходе консультаций грузинская сторона представила некий поэтапный подход к урегулированию конфликта в верхней части Кодорского ущелья. Случайно или нет, ряд его пунктов совпадал с «планом Штайнмайера». Предложения вызвали серьезные возражения абхазской делегации. Шамба прямо заявил о неприемлемости ряда положений а именно: замены российских миротворческих сил международными, расширении зоны безопасности и т. д.

Тогда члены грузинской делегации перешли к индивидуальной обработке своих оппонентов. Особую активность проявил Ираклий Аласания, который недвусмысленно намекал на то, что с Абхазией в случае несговорчивости будут разговаривать по-другому, а «в случае возникновения спонтанного военного конфликта российское руководство дальше политических и экономических демаршей не пойдет». Но эти страшилки на Шамбу, Кубраву и Пипию не подействовали. Министр иностранных дел Абхазии заговорил языком министра обороны, и на том консультации закончились.

До начала секретной операции «Чистое поле» оставалось 20 дней.

За несколько часов до того, как артиллерийский шквал обрушился на спящий Цхинвал, Саакашвили поставил дымовую завесу из омерзительной лжи. Он обратился к руководителям Южной Осетии с предложением сесть за стол переговоров без предварительных условий. Те согласились, поверив, что накануне Олимпиады тот действительно готов мирным путем обсудить все вопросы. Олимпийские игры – даже свирепые тираны прекращали войны, когда они проводились! Но, как оказалось, для «демократа» Саакашвили и кукловодов, стоявших за его спиной, исторические аллюзии были пустым звуком.

В ночь с 7 на 8 августа 2008 года в 22:45 грузинская артиллерия начала обстреливать столицу Южной Осетии и позиции российских миротворческих сил, находившихся в республике по мандату ООН.

В современной истории трудно найти более вероломную военную операцию, чем «Чистое поле». В те самые часы, когда Пекин купался в феерическом олимпийском шоу, Цхинвал пылал. И при этом западная, преимущественно американская, пресса трубила об «агрессии России против демократической Грузии». В Берлине и Париже предпочли особо не высываться, но было ясно, что они во всем поддерживают «большого заокеанского хозяина».

После завершения артподготовки 12-тысячная группировка грузинских войск и наемников с Украины, направляемая советниками НАТО, двинулась на штурм. Танки утюжили улицы Цхинвала, а к полудню были блокированы российские миротворцы. Казалось, еще несколько часов, и последние очаги сопротивления будут подавлены. Грузинский генерал М. Курашвили, выступая перед представителями западных телекомпаний, уже бравурно заявил: «Страна в ближайшие часы восстановит конституционный порядок во всем регионе».

Разработчики операции «Чистое поле» готовились торжествовать победу. Циничный план сработал. Главная угроза – Путин, на тот момент премьер, был нейтрализован. Он находился за тысячи километров от Южной Осетии – в олимпийском Пекине, где его внимание отвлекал президент Джордж Буш.

Мольбу о спасении мирного населения Южной Осетии «демократический Запад» не слышал – ее заглушали звуки олимпийских фанфар. Заместитель министра иностранных дел России Григорий Карасин обрывал телефоны в Госдепе и посольстве США в Москве, чтобы остановить кровавую бойню, но ему просто никто не ответил.

В Пекине разгневанный Путин пытался добиться внятного ответа от президента США, но тот отделивался общими фразами ни о чем, и премьер срочно вылетел на Северный Кавказ, чтобы взять ситуацию под свой контроль.

К исходу дня 8 августа грузинские коммандос прорвались в центр Цхинвала и блокировали российских миротворцев в «Южном лагере». В ходе боя наибольшие потери понес личный состав 2-го батальона 135-го мотострелкового полка 19-й мотострелковой дивизии и приданное ему на усиление подразделение армейского спецназа. Несколько разведывательно-диверсионных групп противника прорвались к дороге, ведущей к Рокскому тоннелю. Возникла угроза его блокирования.

Одновременно стремительно обострялась обстановка у границ Абхазии. В Кодорском ущелье воздушная разведка миротворческих сил зафиксировала сосредоточение крупных армейских и полицейских формирований. Военный флот Грузии покинул базы в Поты, Батуми и взял курс к побережью Абхазии. Крупномасштабная война грозила охватить весь Юго-Западный Кавказ.

Промедление было смерти подобно. И здесь нужно отметить личное мужество командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-полковника С.А. Макарова: так и не дождавшись приказа министра обороны Сердюкова, он двинул вверенные ему войска на выручку сражающимся. В бой были брошены десантники, блестяще проявившие себя в закончившихся 4 августа масштабных учениях «Кавказ. Стабильность-2008». В Пскове встала на крыло 76-я воздушно-десантная дивизия под командованием генерала А. Н. Колпаченко. Менее чем за сутки она перебазировалась за две тысячи километров, в Моздок. Совершив стремительный марш-бросок, десантники заняли исходную позицию для атаки в населенном пункте Джава. Одновременно 7-я воздушно-десантная дивизия, покинув базу в Новоросписке, через несколько часов прибыла в Абхазию и с ходу приступила к боевому развертыванию. А корабли Краснознаменного Черноморского флота двинулись на перехват морской группировки Грузии.

Десятого августа в боях за Цхинвал наступил перелом. Под ударами частей 58-й армии СКВО, 76-й дивизии и батальона «Восток» – элиты чеченского спецназа – грузинская армия дрогнула, а затем обратилась в беспорядочное бегство. Одиннадцатого августа десантники генерала Колпаченко вошли в грузинский город Гори. Его власти, бросив жителей, бежали в

Тбилиси. В опустевшем кабинете губернатора трезвонили телефоны. Боевой русский генерал взял со стола фломастер и на парадном портрете Саакашвили написал: «Цхинвал – 10.08.2008; г. Гори – 11.08.2008; Тбилиси – 12.08.2008, встали в 40 км. Гв. г-л/м-р А. Н. Колпаченко».

Нет сомнений в том, что российские десантники вошли бы и в Тбилиси, но такой команды не прозвучало. В любом случае военнослужащие СКВО и миротворцы выполнили свой долг. Стойкость русских солдат и южноосетинских ополченцев сорвала замысел тех, кто замышлял блицкриг на Кавказе. Цена? Шестьдесят семь молодых, полных сил и надежд русских парней уже никогда не вернутся домой.

Цхинвал, древний город, основанный в 1008 году, лежал в руинах; воздух был пропитан запахами смерти, крови и пороха. По сообщению властей Южной Осетии, при штурме Цхинвала и окрестных сел погибли 1500 местных жителей. Это чудовищно много! Но для тех, кто устроил эту кровавую бойню, жизни этих людей ничего не стоили, ведь на кону стояли миллионы баррелей нефти и геополитические интересы сверхдержавы – США – и ее европейских сателлитов.

Просчитавшись, кукловоды Саакашвили зашлись в истерике. Россию и ее политическое руководство обвиняли в агрессии и во всех смертных грехах. Лютые ненавистники России – тогдашний президент Украины В. Ющенко, тогдашний президент Польши Л. Качиньский и русофобские лимитрофы из стран Балтии – бросились спасать своего поделника. Двенадцатого августа в центре Тбилиси был устроен омерзительный шабаш на крови безвинных жертв. Собравшимся на митинг, а их было немало, пытались внушить, что Грузия защищала свое «право на свободу, право на независимость». Полторы тысячи погибших осетин, отнюдь не военных, а президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес заверял собравшихся, что «Грузия не одна, и рядом с ней весь цивилизованный мир». Вскоре сама судьба, словно в отместку за это кощунство, многим воздала по заслугам. Ющенко проиграл президентские выборы, а позже – и Саакашвили в Грузии.

Восьмого августа 2008 года Запад руками послушных марионеток из Грузии предпринял попытку вооруженным путем вытеснить Россию с Южного Кавказа и потерпел полное поражение. Операция «Чистое поле» провалилась с треском. Хватило пяти дней, чтобы армия Грузии исчезла. На поле боя остались горы натовской боевой техники, в полевых штабах – груды документации. А когда волна возмущения «агрессивными действиями России» стихла, «Цхинвальская война» стала освещаться по-другому.

Правду открыла Хайди Тальявини – председатель комиссии ЕС, созданной для расследования событий августа 2008 года в Южной Осетии (с 2002 по 2006 год Хайди Тальявини возглавляла миссию ООН по наблюдению в Грузии). Почти год комиссия скрупулезно исследовала все обстоятельства, предшествовавшие военному конфликту, и в июне 2009 года Тальявини представила доклад Совету министров ЕС. Однако рассмотрение доклада затягивалось, вмешались влиятельные силы, заинтересованные в том, чтобы спустить слушания на тормозах. Но Мадам Кураж, так окрестили Тальявини в швейцарской газете *Neue Zürcher Zeitung*, не стала молчать. В интервью авторитетному германскому изданию «Шпигель» она заявила:

«...собранные комиссией факты опровергают утверждения господина Саакашвили о том, что его страна 8 августа стала жертвой российской агрессии. <...> утром 7 августа у границ республики (Южной Осетии. – Авт.) было сосредоточено 12 тысяч военнослужащих армии Грузии».

Тальявини осмелилась назвать и кукловода Саакашвили:

«...посол США в Тбилиси Джон Тэффт был заблаговременно осведомлен о приказе господина Саакашвили на совершение марша на Цхинвал».

Трудно заподозрить в симпатиях к России и полковника британской армии в отставке Кристофера Лэнгтона. Он, констатируя военное поражение Грузии, отмечал:

«...мечты Грузии разбиты вдребезги, но винить она может только саму себя. И Запад должен взять здесь часть вины на себя. Ведь именно поддержка Саакашвили, особенно военная поддержка, способствовала авантюризму Тбилиси».

Брать вину на себя, а тем более ее признавать не захотели ни Саакашвили, ни его покровители. И все-таки, несмотря на бешеное сопротивление сил, поддержавших агрессию Грузии против Южной Осетии, правда и настойчивость госпожи Тальявини пробили себе дорогу.

В начале мая 2010 года на слушаниях в Хельсинкской комиссии Конгресса США Тальявини подчеркнула:

«...именно Грузия положила начало военным действиям в Южной Осетии, когда она атаковала Цхинвал с применением тяжелой артиллерии в ночь с 7 на 8 августа 2008 года... Не было никакого массированного вторжения российских военных до начала конфликта».

Спустя неделю на пленарной сессии высшего законодательного органа ЕС в Страсбурге ее участники согласились с этим выводом. Но при этом было сделано все, чтобы прикрыть фиговым листком преступления режима Саакашвили. В принятом решении констатировалось:

«...факты, которые нашли всестороннее отражение в докладе госпожи Х. Тальявини, могут быть использованы частными лицами при подаче исков в Международный суд в Гааге в отношении нарушения Европейской конвенции по правам человека».

В очередной раз покровители режима Саакашвили отказались признать с его стороны акт государственного терроризма и увели от ответственности в дебри юридической казуистики.

Прошло время, и оно многое расставило по своим местам. В 2013 году Саакашвили проиграл выборы и покинул страну. Тринадцатого августа 2014 года ему было предъявлено обвинение в растрате бюджетных средств. Четырнадцатого августа он был объявлен во внутригосударственный, а 31 августа – в международный розыск. Двадцать восьмого июня 2018 года Тбилисский городской суд заочно приговорил бывшего президента Грузии к шести годам лишения свободы. Одиннадцатого октября 2020 года он нелегально проник в Батуми, был задержан и помещен в тюрьму. И тем не менее Саакашвили официально все еще занимает пост главы исполнительного комитета Национальной рады реформ Украины. Еще бы, ведь он активно поддерживал Евромайдан 2014 года, успел побывать председателем Одесской областной государственной администрации и советником президента Украины П. Порошенко. Решением Порошенко Саакашвили было даровано гражданство Украины, а от гражданства Грузии он отказался.

С крушением Саакашвили стала меняться и риторика грузинских политиков. Нет сомнений, рано и или поздно мгла нетерпимой русофобии, лежащая на холмах Грузии, рассеется. Из исторической памяти грузинского народа – очень хочется верить в это – не уйдет признательность за то, что в конце XVIII века Россия спасла православную Грузию от угрозы насильственного военно-силового поглощения со стороны тогдашних Персии и Турции со всеми вытекающими для населения Грузии последствиями.

Drang nach Osten. Дубль два

Украина... Так сложилось исторически, что существует две Украины. Одна близкая России по духу, языку, культуре, общему историческому прошлому и другая – густо замешанная на местечковом галицийском национализме. Своими корнями эта «вторая» Украина уходит в XIX век. Именно тогда в утробе разлагавшейся Австро-Венгерской империи зародилась идея о «суверенной соборной Украинской державе».

С крушением Австро-Венгрии идея о независимой Украине не канула в прошлое. Жестоко и кроваво она вызревала в умах не только выходцев с Западной Украины, но и, к сожалению, в русских по крови. В конце XX – начале XXI века на деньги США и ЕС эта идея овладела миллионами. За «суверенную соборную Украинскую державу» приверженцы «самостийности» готовы безжалостно проливать как свою, так и чужую кровь.

Славяне, но уже не братья

Девятого мая 1989 года тогда еще единый советский народ отпраздновал очередную годовщину Великой Победы. И не просто годовщину: исполнилось 45 лет со дня освобождения от фашистской оккупации жемчужины в короне СССР – Украины. На экранах телевизоров в те дни показывали трогавшие до глубины души кадры, как жители украинских сел и городов цветами встречают Красную армию. Киев пышно и торжественно отмечал знаменательный юбилей. По Крещатику двигались ликующие колонны демонстрантов, убеленные сединами ветераны были окружены почестями, их снова, как и 45 лет назад, забрасывали пышными букетами.

Ни у кого не было сомнений, что Великая Победа, завоеванная такой непомерной ценой – жизнями 27 млн советских людей, – навсегда очистила души от скверны нацизма и пещерного национализма. Но нет. Прошел всего лишь год, и 1 января 1990 года на улицах Львова, Тернополя и Ровно появились листовки с портретом Степана Бандеры, главы Организации украинских националистов (ОУН). Он будто восстал из могилы и снова призывал:

«...Усі люди твої браття, але москалі, ляхі, угри, румуни та жида – се вороги нашого народу... Україна для українців!» («Все люди твои братья, кроме москалей, ляхов, венгров, румын да жидов – это враги нашего народа. Украина для украинцев!»)

Спустя годы «волчье семя» – галицийский национализм – возродилось в новом формате, очень близком к нацизму. Но тогда, в 1990-м, партийные вожди Украины поспешили объяснить Москве случившееся как «происки иностранных спецслужб, использовавших в своих провокационных целях отдельных политически незрелых граждан».

Прошло еще четыре месяца, и 9 мая по улицам Львова с воплями «Слава героям Украины!», «Москаль, на Украину зубы не скаль!», «Скинем москальское иго, и будэ дыво!» прошествовала опьяненная собственной смелостью команда бандеровцев.

В Москве на это никак не отреагировали. Было не до того: два клана – горбачевский и ельцинский – делили власть и страну. В Киеве политический перевертыш Леонид Кравчук (он был секретарем ЦК Компартии Украины, членом Политбюро ЦК КПУ, а с июня по сентябрь 1990 года – вторым секретарем ЦК КПУ) быстро смекнул, что к чему, и вместе со своим окружением поспешил откреститься от недавнего партийного прошлого. Куда выгоднее было рядиться в одежды радетелей западной демократии и националистической самобытности. Национальное движение «Рух», созданное еще в сентябре 1989 года, легко сметало с исторических подмостков обветшалые, сгнившие на корню бюрократические структуры псевдокоммунистов, каких было немало в партии. Первого декабря 1991 года Леонид Кравчук был избран президентом Украины, а уже 8 декабря вместе с Борисом Ельциным и председателем Верховного Совета Республики Беларусь Станиславом Шушкевичем он подписал от имени Украины Беловежское соглашение о прекращении существования СССР. Девятнадцатого июня 1992 года Кравчук подписал еще один закон – о полном исключении упоминаний об СССР из Конституции Украины.

В те окайнные дни на Украину, стоявшую на перепутье, подобно стервятникам, набросились эмиссары многочисленных украинских националистических организаций из США и Канады: «Украинский конгрессовый комитет Америки», включавший в себя 50 различных объединений; «Комитет украинцев Канады», в котором состояло 25 организаций, и многие другие. За их спинами орудовали опытные мастера гибридной войны. Одержимые жаждой реванша, зарубежные эмиссары системно и целенаправленно принялись промывать мозги населению бывшей советской республики и перекраивать на националистический лад славянскую матрицу. Плацдармом для наступления на центральные и юго-восточные области были избраны Львовская, Ровенская и Тернопольская области. Передовой «антирусский десант»

в лице потомков тех, кто был недоволен «коммунистической властью москалей», нашел полное понимание.

В короткие сроки западными эмиссарами, которым активно помогали агенты влияния во властных структурах в Киеве, были созданы сотни неправительственных организаций: «Содействие свободе и демократии», «За возрождение Украины» и т. д. Подобно раковой опухоли, искусно подогретые националистические идеи стремительно расплзались по всей Украине. Массированному давлению подверглась не столько Западная Украина, там-то давно все было схвачено, сколько центральная часть – города Киев, Днепропетровск, Запорожье, а также Юго-Восток. В игру вступили П. Порошенко, И. Коломойский, Р. Ахметов, Ю. Тимошенко и другие представители украинских прозападных политических элит. Интересы стратегов из Вашингтона, Лондона, Парижа, Рима, Берлина и Брюсселя совпали с интересами украинских олигархов и подвижников новой националистической идеологии.

По данным различных источников, число прозападных организаций на Украине к началу XXI века составляло более полутора тысяч. На их содержание, как позже скажет Виктория Нуланд, только по линии Госдепа США было израсходовано свыше пяти миллиардов долларов. Не остались в стороне и спецслужбы стран НАТО. Но сколько именно средств они вложили в подготовку боевиков «Правого сектора», не останавливающихся перед массовыми убийствами, еще долго будет оставаться тайной. Возвращаясь к Нуланд. Интересы выпускницы Бруновского университета всегда, так или иначе, были связаны с Россией. На заре туманной юности она работала по обмену вожатой в одесском пионерлагере, в 1991–1993 годах была сотрудницей посольства США в Москве; прославилась как пресс-секретарь Госдепартамента США, на этой должности Нуланд оставалась до мая 2013 года, а затем стала помощником Государственного секретаря по делам Европы и Евразии; у этой дамы, хлесткой на язык, интересный послужной список, найти который можно в «Википедии». Она несколько раз приезжала в Киев во время протестов на Майдане Незалежности (2013–2014). Не раз наведывался на Украину и Джо Байден, который при Бараке Обаме неофициально курировал украинское направление.

К концу 2013 года многолетняя деструктивная деятельность западных спецслужб и неправительственных организаций – деятельность, которую поддерживали и развивали местные националисты, – дала смертельные для Украины плоды. Если взять за точку отсчета 1991 год, хотя все началось гораздо раньше, за двадцать с лишним лет украинцам, а особенно украинцам молодым, внушили, что Россия – это зло, и под «русский мир» была заложена бомба замедленного действия.

Двадцать первого февраля 2014 года она взорвалась. Националистические силы при полной поддержке Запада, совершив государственный переворот, привели к власти в Киеве вероломную хунту – Порошенко, Яценюка, Турчинова, Наливайченко и других. Спустя полтора века мечта «железного канцлера» Германии Отто фон Бисмарка: «...могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины», – казалось бы, осуществилась.

Нет никаких сомнений в том, что для реализации этой мечты в «Вашингтонском обкоме» и его европейских представительствах был заблаговременно разработан детальный план, ключевым моментом которого стал государственный переворот на Украине. Однако, как и в случае с субсидированием «правосеков», вряд ли в ближайшие годы он станет достоянием общественности.

У разработчиков Майдана вполне хватило политической воли, но им пришлось столкнуться с еще более сильной волей – волей президента России Владимира Путина. Его решительность, смелость и способность мгновенно принимать решения, так же как и эффективность действий «вежливых людей», не позволили военной машине НАТО поиграть армейскими мускулами у наших границ.

Сегодня можно уверенно сказать, что в холодные февральские дни 2014 года имел место момент истины не только для России и Украины, но и для мира в Европе. Начнись операция

«вежливых людей» по пресечению провокаций радикально настроенных групп из числа «Правого сектора» и крымских татар раньше государственного переворота в Киеве, то есть раньше 20 февраля 2014 года, это вызвало бы громкие вопли на Западе. Опоздай Путин с принятием решения, вполне возможно, территория Крыма была бы оккупирована войсками стран НАТО.

Двадцать седьмого февраля «вежливые люди» – российский спецназ – взяли под контроль здание парламента Автономной Республики Крым. Депутаты Верховного Совета Республики отправили в отставку проукраинское правительство Анатолия Могилева; главой нового правительства был избран лидер партии «Русское единство» Сергей Аксенов. Шестнадцатого марта был проведен референдум о присоединении Крыма к России. Пункт «за» выбрали 96,77 % проголосовавших.

Можно предположить, что изначально для Украины в целом и для Крыма в частности западные стратегии готовили сценарий, подобный тому, что имел место в Абхазии и Южной Осетии. Цель была неизменной – нанести удар по набирающей силу России, чтобы вытеснить ее из этого стратегически важного региона и отбросить за геополитическую черту оседлости. Но сценаристы извлекли уроки из «Чистого поля».

Вся шпионская рать

Исполнителей для осуществления очередной «цветной революции», а точнее, государственного переворота, на этот раз окрашенного в алый цвет – цвет крови, его организаторам искать не пришлось. Они были под рукой и в избытке. Агенты влияния, «комсомольцы-пасторы», прошедшие обкатку в Госдепе США и ЦРУ, давно уже служили не интересам «ридной Украины» и ее народу, а своим забугорным хозяевам. Даже беглый взгляд на секретную докладную, подготовленную бывшим первым заместителем руководителя департамента контрразведки Службы безопасности Украины (СБУ) генерал-майором Владимиром Биком, дает основания говорить, что над зданием главной «бэспэки» впору было вывесить плакат: «ЦРУ – вон из СБУ».

Установлено, что таких агентов влияния только в СБУ и украинском Министерстве иностранных дел насчитывалось 17 человек, и все они были далеко не последними лицами во властной иерархии.

К примеру, Андрей Дешица – чрезвычайный и полномочный посол Украины в Польше в 2014–2022 годах. Шестнадцатого июня 2014 года, занимая на тот момент должность исполняющего обязанности министра иностранных дел Украины, он подстрекал и без того националистически настроенную толпу к совершению актов вандализма в отношении Российского посольства в Киеве и допускал оскорбительные выпады в адрес президента Путина.

По информации Бика, будучи советником посольства в Финляндии, Дешица «был завербован вторым секретарем посольства США в Хельсинки Катариной Райс. <...> Американка установила контакт с Дешицей А. Б. на заседании клуба молодых дипломатов и инициировала его развитие в неформальной обстановке»⁵.

Под стать ему был и Борис Тарасюк, министр иностранных дел Украины в 1998–2000 годах и с февраля 2005-го по начало 2007 года. В отношении него Бик сообщает: «...по полученным оперативным данным, в 1995–1998 гг., в период работы в Бельгии на должности посла, Тарасюк Б.И. имел частые и безосновательные контакты с установленными сотрудниками американских и английских спецслужб, что старался скрывать от своего окружения. В этот период спецслужбами США и Великобритании велась его активная разработка с целью вербовки в качестве перспективного агента влияния».

Следующим в списке украинских дипломатов-шпионов значился Богдан Соколовский, на него также был получен убойный компромат: «...в 2001 г. зафиксированы активные контакты посланника постоянного представительства Украины в Австрии Соколовского Б. И. со вторым секретарем посольства США в этой стране Робертсоном Фордом, который подозревается в причастности к американской разведке».

В этой же компании и другой высокопоставленный украинский дипломат Андрей Веселовский, посол по особым поручениям МИД Украины. Какого рода поручения он выполнял, хорошо известно в польской и канадской спецслужбах. Находясь в Канаде в 1993–1996 годах, Веселовский, «по полученным оперативным данным, характеризовался отрицательно, как лицо морально неустойчивое, склонное к использованию служебного положения в корыстных целях». Он «поддерживал неслужебные контакты с сотрудником посольства Польши в Канаде (сотрудник спецслужб Польши, работал под дипломатическим прикрытием) Подставским. Кроме того, поддерживал неофициальные контакты с сотрудником канадской контрразведки Сирским, что скрывал от окружения. Вышеупомянутые контакты с представителями спецслужб не были обусловлены его дипломатическим статусом».

⁵ Кондрашов А. Без суда и следствия // «Аргументы недели», № 44, 20 ноября 2014 г.; далее – там же.

В список дипломатов-шпионов и политиков-шпионов вошел и бывший глава СБУ Валентин Наливайченко. В прошлом слушатель Института внешней разведки им. Ю.В. Андропова (Академия Службы внешней разведки России), он запомнился своим однокашникам и начальнику курса отнюдь не с лучшей стороны: «...молодого старлея из Украины не раз ловил начальник курса с запахом алкоголя. Однажды на Новый год он так напился, что не успел добежать до туалета и заблевал коридор. С тех пор товарищи по учебе решили: Наливайченко больше не наливать.<...>15 февраля 1994 г. был подписан приказ о его досрочном увольнении из Института <...> и его отправили домой, на Украину. Но, дорвавшись до родной горилки, Наливайченко запил по-черному.

И новому начальству в Службе безопасности Украины уже пришлось увольнять его по компрометирующей статье – за несоответствие должности»⁶.

Если бы Наливайченко только пил, для Украины беда небольшая – пьет, ну и пусть пьет, как говорится, это личный выбор. А вот то, что он стал агентом ЦРУ, кардинально меняет дело. Девятнадцатого марта 2014 года в эфире телеканала «Комсомольская правда» об этом заявил бывший глава СБУ Александр Якименко: «...Наливайченко был завербован Центральным разведывательным управлением в то время, когда работал генеральным консулом Украинского посольства в США».

Именно с того времени карьера Наливайченко резко пошла вверх. Не без помощи хозяев из ЦРУ в декабре 2006 года он возглавил СБУ (занимал эту должность до начала марта 2010 года). Второй раз к руководству СБУ он вернулся в конце февраля 2014 года, как раз когда начались события в Крыму, и оставался в кресле до июня 2015-го. Наливайченко не скрывал, что в своей деятельности он опирается на традиции ОУН – УПА, и это чувствовалось по тому, с какой страстью он взялся за подавление инакомыслия. На руках карателей из СБУ кровь многих мирных граждан, которые осмелились выступить против организаторов государственного произвола.

В ноябре 2013 года был запущен хорошо просчитанный адский механизм смещения президента Виктора Януковича с последующим реформированием всей властной вертикали Украины. В течение следующих четырех месяцев в прямом эфире можно было наблюдать драму, разыгрывавшуюся на Майдане. Управляли этой драмой из посольства США в Киеве. В подогреве массовки использовались не только испытанные бойцы «цветных революций», такие как бывший президент Грузии Михаил Саакашвили, но и сенатор Дж. Маккейн, с трибуны Майдана подстрекавший толпу на противоправные действия. А уже упомянутая Виктория Нуланд 11 декабря раздавала протестующим на Майдане пирожки и печенье, после чего 7 февраля, уже вернувшись домой, в телефонном разговоре с послом США на Украине Дж. Пайеттом она нецензурно высказалась в адрес ЕС, который, по ее мнению, мало что делает в урегулировании политического кризиса на Украине: «Будет замечательно, если ООН поможет все это склеить, а ЕС пусть идет на...» Она же давала рекомендации, кого и на какие посты назначить, после того как будет «слит» Янукович.

Первые митинги прошли на Майдане 21 ноября 2013 года. Поводом для протестов стал отказ президента Виктора Януковича подписать Соглашение об ассоциации между Украиной и Евросоюзом (он считал, что евроинтеграция для Украины – безальтернативный путь). Но Янукович был не из тех, кто упустит свое. При его прямом попустительстве 4 января 2014 года был подписан засекреченный на 55 лет договор о фактической продаже пяти областей Украины, в том числе Донецкой и Луганской, корпорациям *Shell* и *Chevron* для добычи сланцевого газа. Согласно этому договору, если под вашим частным домом, или садовым участком, или под фермерским пшеничным полем, или на той территории, где работает какой-нибудь завод, то есть где угодно, найдут сланцевый газ (сланцевого газа на Украине очень много), вы

⁶ По американскому рецепту // «Аргументы недели», № 41, 30 октября 2014 г.

будете обязаны продать англичанам свое имущество по предложенной ими цене. А если цена не устраивает, государство на «законных» основаниях (договор с компаниями подписан) отбирает ваше имущество насильно и передает разработчикам. Более того, один из пунктов этого договора предусматривал вооруженную защиту инвестора от возможных протестов и акций неповиновения местного населения. Не в этом ли кроется причина столь активной помощи Украине странами Запада после начала спецоперации в феврале 2022 года?

Вернемся, однако, на восемь лет назад. Новый, 2014 год не остудил накала страстей на Майдане. На трибуне, сменяя друг друга, упражнялись в риторике американские сенаторы Дж. Маккейн и К. Мерфи, бывшие президенты Польши Л. Валенса и А. Квасьневский. Приехать в Киев «спасти демократию» стало модным трендом для многих европейских политиков первого ряда. Под грохочущую музыку местных и приезжих рок-групп озверевшие молодчики из «Правого сектора» и партии «Свобода» и примкнувшая к ним молодежь забрасывали бойцов «Беркута» и солдат Внутренних войск «коктейлями Молотова», избивали металлическими цепями. Жертвами снайперов часто становились гражданские лица.

Число убитых и раненых с обеих сторон росло, а президент Янукович все не решался восстановить порядок. Обстановка накалилась до предела и грозила перерасти в гражданскую войну. Но в сценарий Запада это не входило – Западу нужна была послушная и управляемая Украина.

«...И тогда снова воспрянет несокрушимая мощь “всех германских племен”, вновь запыхают неугасимые огни воинственной Пруссии» (У. Черчилль)

...И тогда на подмостках наживую сколоченной киевской сцены снова возникла Германия, уже больше ста лет алчно поглядывающая на плодородные земли Малороссии – Украины. Но если в трагические годы двух мировых войн она пыталась расширить свое «жизненное пространство» штыком, то в XXI веке предпочла прибегнуть к дипломатическим рычагам. В Киев в качестве «миротворца» был направлен министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер. Тот самый, кто со своим приснопамятным планом «мирного урегулирования» напустил дезинформационную завесу накануне нападения Грузии на Южную Осетию.

В январе – феврале 2014 года Штайнмайер практически жил между Берлином и Киевом, не забывая при этом и Москву. По тем коротким комментариям, которые следовали после его встреч и телефонных разговоров с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым, можно было предположить, что в конце «тоннеля украинского кризиса» наконец-то забрезжил свет мирного исхода. В частности, проект соглашения предусматривал возврат к Конституции 2004 года – парламентско-президентской республике, формирование «правительства народного доверия», проведение досрочных президентских выборов до конца 2014 года, а главное – прекращение насилия и сдачу оружия незаконными формированиями.

Многие действительно надеялись, что дипломатические усилия Штайнмайера увенчаются успехом. Но более внимательный анализ событий, происходивших в те дни за тысячи километров от столицы Украины, дает все основания усомниться в искренности тех, кто готовил это соглашение.

Тринадцатого февраля 2014 года, за девять дней до подписания документа конфликтующими сторонами, американская авианосная ударная группировка покинула военно-морскую базу в Норфолке и вышла в Атлантический океан. Флагманом был многоцелевой ударный авианосец *George Bush*, состав команды которого насчитывал почти шесть тысяч человек. На борту авианосца, оснащенного самым современным оружием, находилось 90 самолетов и вертолетов. Сопровождали его 16 кораблей, в том числе крейсер *USS Philippine Sea*, эсминцы *Truxtun* и *Roosevelt*, а в глубине скрывались три атомные подводные лодки. Через шесть дней ударная группировка вошла в Эгейское море и у порта Пирей залегла в дрейф.

Одновременно на американских военных базах в Германии – в Рамштайне и Шпангдалеме, а также на крупнейшей в Европе – в Косово войска были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Натовская военная пружина сжималась, чтобы в заданное время и в заданном районе ударить по своей цели. Какой именно – в Москве прекрасно понимали.

Военные приготовления, как и на Кавказе в 2008 году, в очередной раз должна была скрыть дипломатия. Двадцать первого февраля 2014 года в Киев прибыл «спаситель» Штайнмайер. На этот раз в окружении массовки: министра иностранных дел Польши Р. Сикорского и руководителя департамента континентальной Европы Министерства иностранных дел Франции Э. Фурнье.

В Кремле заподозрили во всем происходящем подвох и направили в украинскую столицу спецпредставителя президента России – уполномоченного по правам человека Владимира Лукина. На него, опытного политика и дипломата, возлагалась непростая миссия – не позволить российской стороне быть втянутой в грязную игру Запада.

До подписания соглашения в Киеве оставались считанные часы. В то самое время, когда Штайнмайер, Сикорский и Фурнье дожимали Януковича, в Эгейском и Черном морях происходили события, которые могли коренным образом изменить геополитическую ситуацию в

регионе. Американская ударная военно-морская группировка разделилась: авианосец *George Bush* и три атомные подводные лодки остались дежурить в Эгейском море, а остальные... В нарушение Конвенции Монтрё о статусе проливов 1936 года, согласно которой проход через Дарданеллы и Босфор разрешен только военно-морским судам с тоннажем не более 45 тыс. тонн, корабли ВМФ США вошли в Черное море. Кактакое стало возможным? Тут напрашиваются две версии. Первая: США наплевали на своего союзника – Турцию, обеспечивающую выполнение положений Конвенции, и Турция предпочла промолчать. Вторая: между ними имелись секретные договоренности. Так ил и иначе, но впервые после Второй мировой вблизи российских морских границ на Черном море появилась мощная военно-морская группировка. К этой «породистой стае» под предлогом совместных учений присоединились корабли неверных «братушек» – Болгарии и Румынии (последняя спала и видела расширить свои восточные границы до Одессы).

Не надо быть военным стратегом, чтобы понять: цель американского флота и его союзников по НАТО состояла в блокировке баз российского Черноморского флота в Крыму. Дальше к гадалке не ходи: новая власть после государственного переворота в Киеве в первые же дни отказалась бы от Харьковских соглашений «О пребывании Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины», подписанных 21 апреля 2010 года. Как итог – «непотопляемый авианосец» Крым стал бы крупнейшей военной базой США и других стран НАТО в непосредственной близости от границ России.

Кремль с возрастающей тревогой наблюдал за развитием событий в Киеве и маневрами военной машины НАТО и, конечно, не бездействовал. Но ответные меры хваленые спецслужбы Запада банально проспали, не обнаружив признаков повышенной активности российских спецформирований, армии и флота. Для электронных глаз Агентства национальной безопасности США, М1-6 и Федеральной разведывательной службы Германии, а также для чутких носов агентов западных разведок они по-прежнему оставались в местах постоянной дислокации и занимались повседневной учебно-боевой деятельностью. Всё как всегда. Радужная картинка придавала уверенности и нахальства разработчикам плана государственного переворота на Украине, и они поспешили форсировать события.

В Киеве, под истеричные вопли националистических кликуш «Витька, гэтъ», «Ганьба», «Москаляку на гиляку», бойцы «Беркута», милиция и подразделения Внутренних войск пытались сдерживать толпу, бесновавшуюся у зданий Верховной Рады и администрации президента. В те трагические для Украины часы и минуты подавляющее большинство ее граждан вряд ли предполагало, что массовка на Майдане играет роль декорации, призванной скрыть истинный, циничный и авантюрный спектакль, написанный в Вашингтоне. Кульминация намечалась на 22 февраля 2014 года.

Накануне не только киевлян, но и весь мир потрясла чудовищная бойня, устроенная «неизвестными» снайперами в центре украинской столицы. Сегодня уже не составляет тайны, что среди них были не только боевики «Правого сектора» и «Самообороны Майдана», но и наемники из Грузии, приезд которых организовал Саакашвили. Спустя время в интервью итальянским и израильским журналистам они сами расскажут, кто направлял их руку.

В тот роковой день, по информации разных источников, жертвами бойни стали более ста тридцати человек, как со стороны оппозиции, так и сил правопорядка.

Двадцать четвертого декабря 2014 года в интервью российской газете «Аргументы и факты» Виктор Янукович расскажет, как это происходило:

«Весь день 19 февраля я провел в сложных переговорах с лидерами оппозиции, по результатам которых была достигнута договоренность о перемирии. Однако радикальные группировки на Майдане сразу же отвергли любую мысль о перемирии. Утром 20 февраля количество вооруженных радикалов резко увеличилось. О наличии у протестующих оружия лидеры оппозиции стали открыто заявлять со сцены Майдана. В это же время начался прицельный

огонь на поражение по силовикам, в том числе со здания консерватории. Не имея приказа стрелять в ответ, силовики начали отступать. Воодушевленные этим “успехом”, стрелки Майдана продолжили прицельный огонь на поражение из ранее занятых помещений отеля “Украина” и “Жовтневого палаца”. Причем стреляли как в силовиков, так и в гражданских участников Майдана. Все знают о погибших из “Небесной сотни”, но в СМИ почти не упоминается о жертвах среди сотрудников милиции. По состоянию на 20 февраля погибли 20 милиционеров, еще 130 сотрудников милиции было госпитализированы с огнестрельными ранениями».

Власть, допустившая подобное, была обречена на поражение. Загнанный в политический угол, Янукович покорно брел в заготовленную для Украины и для него лично ловушку.

Двадцать первого февраля 2014 года в четыре часа дня пока еще занимавший президентское кресло Янукович и лидеры оппозиции Кличко («Удар»), Яценюк («Батькивщина») и Тягнибок («Свобода»), в присутствии Штайнмайера, Сикорского, Фурнье и Лукина, подписали соглашение «Об урегулировании политического кризиса на Украине».

Однако Лукин отказался завизировать соглашение: наспех состряпанный западными стратегами документ вызвал у него серьезные сомнения. Как и подписанты. Оппозиция откровенно смотрела на Януковича как на политический труп, а Россию воспринимала как лузера. На следующий день Лукин скажет: «Москва решила не подписывать эти соглашения по очень правильной причине. На самом деле не очень понятна ситуация с тем, кто является субъектом этого Соглашения, в Соглашении не видно сил и лиц, которые должны это реализовывать»⁷.

В отличие от Лукина, в Вашингтоне, Берлине, Париже и Брюсселе видели «реализаторов». Обязав Януковича не вводить чрезвычайное положение, Турчинов, Яценюк, Тягнибок и Кличко перешли в прямую атаку на беззубую власть, которая, проявив политическое безволие, еще до подписания Соглашения приступила к выводу из Киева Внутренних войск МВД и спецподразделений.

Сделав свое дурно пахнущее дело, «консультанты-наблюдатели» – Штайнмайер, Сикорский и Фурнье – поспешили раствориться в вечернем украинском небе, предоставив право своим доверенным конфидентам добивать президента и менять политический курс корабля под названием «Украина».

Оппозиция приступила к выполнению последнего пункта скоординированного плана госпереворота.

В 19:00 Верховная Рада, не без участия прежних сторонников Януковича – депутатов Партии регионов, которые толпами перебежали в лодку, плывущую к власти, – большинством голосов в трех чтениях приняла проект «Закона о восстановлении действия отдельных положений Конституции Украины 2004 года».

В 19:42 Яценюк, Тягнибок, Кличко и Турчинов вышли к толпе на Майдане и объявили о принятых решениях. Один из организаторов «Самообороны Майдана» Владимир Парасюк заявил о несогласии с подписанным ранее Соглашением и потребовал немедленной отставки президента Януковича. К нему присоединился главарь «Правого сектора» Ярош и назвал Соглашение «очередным взмыванием глаз». «“Правый сектор”, – заявил он, – не сложит оружия и не снимет блокады административных зданий, пока не будет выполнено главное требование – отставка Януковича».

Не прошло и четырех часов после митинга на Майдане, как оппозиция, узурпировавшая власть в нарушение Соглашения и Конституции, в 23:00 вынесла на рассмотрение Верховной Рады законопроект об импичменте президенту. К тому времени боевики «Правого сектора» и «Самообороны Майдана» взяли под контроль здания Верховной Рады, президентской администрации и МВД.

⁷ NEWSru.com. 22 февраля 2014 г.

В ночь на 22 февраля Янукович, опасаясь расправы над собой и близкими, бежал из Киева. Позже в интервью российским телеканалам он объяснит это тем, что на него готовилось покушение: «...мой автомобиль был обстрелян». Все произошедшее на Украине он справедливо назовет государственным переворотом⁸.

Пока Янукович метался по Восточной Украине в поисках убежища, в Киеве, а еще больше в кабинетах забугорных «кукловодов» торопились придать благопристойность узурпаторам власти. Под их диктовку Верховная Рада один за другим штамповала «легализующие» документы.

Двадцать второго февраля в 17:15 с подачи Кличко и Яценюка в Верховную Раду был внесен проект постановления об отстранении от власти президента Виктора Януковича. В тот же день Рада, избрав спикером Турчинова, принялась формировать коалиционное правительство и назначила выборы президента на 25 мая 2014 года. Следующим ее шагом, с которым торопили Вашингтон и Берлин, стало назначение руководителя на должность главы СБУ. Им стал действующий агент влияния ЦРУ Валентин Наливайченко. После назначения он отвел целый этаж здания СБУ на Владимирской, 33, для «старших товарищей» – сотрудников ЦРУ.

Спешка с назначением главы СБУ, а также и. о. министра МВД Арсена Авакова обуславливалась тем, что организаторы и исполнители государственного переворота возлагали на них особые политические задачи. Им предстояло замести следы преступлений, совершенных на Майдане провокаторами и «неизвестными снайперами», свалить все грехи на старую власть, а затем нейтрализовать лидеров протеста, выступавших против государственного переворота.

Первым делом Наливайченко и Аваков, по решению Верховной Рады, в сопровождении бойцов украинских спецподразделений «Альфа» и «Сокол» ринулись в Крым, чтобы изловить «государственного преступника» Януковича, но тот нашел «счастливое спасение» в Ростовской области.

Двадцать третьего февраля Верховная Рада возложила на Турчинова обязанности президента Украины (до выборов, а на выборах победит Петр Порошенко). Двадцать седьмого февраля было сформировано так называемое коалиционное правительство. Любопытный факт, что большинство портфелей в нем досталось выходцам с Западной Украины — 16 мест, или 76 %. Шесть министерских постов получили депутаты Львовской области, представлявшие интересы менее чем 4 % населения Украины.

⁸ Новости политики. Mail.ru. 1 апреля 2014 г.

Момент истины

Теперь, когда вопрос власти в Киеве был решен, все внимание Турчинова, Яценюка, Наливайченко и их американских покровителей сосредоточилось на Крыме. Точнее, полуостров стал фокусом геополитических интересов и Запада, и России. Впервые после окончания Второй мировой войны непосредственно у границ мощнейшей ядерной державы происходили поистине драматические по своему накалу события, развитие которых грозило самыми непредсказуемыми последствиями для будущего не только Европы, но и всего мира. По сценарию, написанному за океаном, именно в Крыму должен был завершиться последний акт «украинской драмы». А в роли «политической примы» должны были выступить Вооруженные силы НАТО.

Сначала все шло как задумывалось. Двадцать третьего февраля 2014 года председатель Совета Министров Автономной Республики Крым Анатолий Могилев (ранее, с 11 марта 2010 года по 7 ноября 2011 года, он возглавлял Министерство внутренних дел Украины) заявил о своей безусловной поддержке новой киевской власти. Местные националисты устроили шумный митинг в центре Симферополя. Они заблокировали подходы к административным зданиям, чтобы не позволить пророссийским силам выступить единым фронтом. Одновременно по приказу из Киева части Украинской армии и флота, находившиеся на территории республики, были приведены в повышенную боевую готовность.

К этому времени ударная военно-морская эскадра США заняла положение в непосредственной близости от берегов Крыма, затрудняющее развертывание сил российского Черноморского флота. По данным разведывательных источников, подтвержденным в западной прессе материалами итальянского журналиста М. Блонде, на борту *USS Truxtun*, *USS Donald Cook* и *USS Taylor* отмашки для броска на крымский берег ожидали шесть групп командос численностью по шестнадцать человек каждая. Им предстояло выполнить ряд специальных задач. Каких – догадаться несложно. Многие из состава командос в совершенстве владели русским языком. Под прикрытием «майданов», а то и организуя эти «майданы» в нужных местах, «тихие американцы» подогревали бы толпу, а за ее спиной совершали диверсии и теракты. Почерк знакомый – так делали германские командос в Гляйвице, когда 31 августа 1939 года инсценировали нападение «польских диверсантов» на немецкую радиостанцию с целью обвинить Польшу в агрессии, что дало бы повод для начала военных действий против нее (и ведь дало!), и точно так же поступали абверовские диверсанты из группы специального назначения «Бранденбург 800». Последние для верности любили переодеваться в форму советских солдат, и апофеозом свеженаписанного циничного плана, как можно предположить, стали бы нападения на значимые объекты, военнослужащих и гражданское население, совершенные лицами в форме бойцов Российской армии и флота. Были подготовлены и свидетельства «агрессивности русских», которые надлежало продемонстрировать «цивилизованному миру», – трупы убитых. Поданным ряда источников, тела заблаговременно заготовили в моргах. Дальше – «Русский флот, гэтэ с украинской земли», «Убийцам нет места на нашей земле». «Праведный клич» был бы мгновенно подхвачен в Киеве, и, можно не сомневаться, подконтрольная кураторам из Вашингтона Верховная Рада денонсировала бы Харьковские соглашения от 21 апреля 2010 года о пребывании Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины. После этого «Крым – наш» могли бы говорить американцы и другие страны НАТО.

Подошла к очередной знаковой черте программа реализации глобальной русофобской концепции одного из апологетов войны с СССР и Россией Збигнева Бжезинского, бывшего помощника президента США по национальной безопасности, красочно расписанная в его книге 1998 года «Внешняя шахматная доска. Главенство Америки» и в бесконечных анти-

советских и антироссийских выступлениях этого бесноватого представителя националистических теорий: «Чем меньше будет населения на этой территории бывшего СССР и России, тем успешнее будет происходить ее освоение Западом. Славянство, а именно русские, белорусы, украинцы – самые непокорные народы в мире. Их можно уничтожить, но не покорить. Вот почему это семя подлежит ликвидации. Гитлер был глупым мальчиком, он действовал открыто, у нас не будет следов...

После победы над коммунизмом нам нужны раскол православия и распад России. Поможет нам в этом Украина, где предательство является нормой общественной морали».

В таком же запелляционном духе высказался еще один стратег гибридного противостояния с СССР и Россией Джордж Сорос: «Украина нужна нам в качестве торпеды в войне с Россией. Судьба граждан этой страны вообще нас не волнует».

Крымская весна

Для России наступил момент истины. Чтобы предотвратить задуманное, президент принял важнейшее для будущего страны решение. Его принятие основывалось на данных разведки и диктовалось глубинным пониманием президентом политического момента: в те дни был сделан ключевой исторический выбор. Путина не ввели в заблуждение дымовая завеса, пущенная Штайнмайером, и пресловутое Соглашение от 21 февраля 2014 года. За событиями на Майдане он сумел разглядеть не просто иезуитски тонко разработанный сценарий очередной смены власти в Киеве, а давний замысел ненавистников России – разрушить исторически сложившуюся связь двух братских славянских народов. Решение Путина тех дней фактически стало Рубиконом в отношениях между Россией и Западом: закладывался новый миропорядок – реальный, а не декларируемый с позиции силы. Ошибись он на день, да даже на час, возможно, был бы потерян не только Крым, но и будущее самой России становилось зыбким.

Тем временем события в Крыму приобретали все более драматичный оборот. Из Киева и западных областей Украины на полуостров устремились сотни вооруженных боевиков-националистов. В Керчи сторонники евроинтеграции устроили митинг в поддержку узурпаторов власти в Киеве.

Но были и другие. Двадцать третьего февраля на площади Нахимова в Севастополе свыше тридцати тысяч горожан выразили решительный протест против государственного переворота в Киеве. Они избрали нового главу города – предпринимателя Алексея Чалого и приняли резолюцию: «Верховная Рада незаконна. Севастополь ее решения выполнять не будет».

Реакция Киева последовала незамедлительно. Двадцать четвертого февраля в здание администрации Севастополя прибыли сотрудники СБУ и прокуратуры с ордером на арест Чалого. Но на их пути встали горожане, и ареста не случилось. В тот же день решением 49 депутатов Севастопольского горсовета А. Чалого избрали главой администрации, а над зданием подняли флаг России.

«Крымская весна», как позже назовут дни присоединения Крыма к России, продолжила свое победное шествие. Двадцать пятого февраля в Симферополе, у стен Верховного Совета Крыма, состоялся многочисленный митинг. Его участники потребовали от депутатов взять на себя всю полноту власти в республике. Их поддержали в Севастополе, где собралось около пятидесяти тысяч человек. Над городом, как когда-то в 1941-м, зазвучала песня:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..*

Крым стремительно втягивался в воронку противостояния. Двадцать шестого февраля националистические украинские группировки и часть радикально настроенных крымских татар под предводительством председателя Меджелиса Рефата Чубарова с лозунгом «Крымские татары не дадут оторвать Крым от Украины» предприняли попытку штурма здания Верховного Совета Крыма. У его стен произошли массовые столкновения с защитниками парламента, пролилась первая кровь.

Это не остановило накала противостояния. Над полуостровом летали слухи об аресте лидеров протеста – А. Чалого, С. Аксенова и В. Константинова – группой «А» Центра специальных операций СБУ, о прорыве через перешеек вооруженных отрядов «Правого сектора» и высадке морского десанта НАТО. Крымчане с замиранием сердца ожидали прихода нового дня.

Наступило 27 февраля 2014 года. Над горизонтом появилась багровая кромка солнца. Под его лучами рассеялись утренние сумерки. Вместе с ними исчезла и зловещая тень граж-

данской войны, нависшая над землей, обильно политой русской кровью. Пока в Киеве думали о том, как бы примерно наказать крымских строптивцев, у зданий Верховного Совета и Совмина автономной республики, у ворот украинских воинских частей, в аэропорту и на железнодорожном вокзале Симферополя словно из воздуха возникли они – «вежливые люди». Их слаженные, отработанные до автоматизма действия, современное вооружение и хорошо продуманная экипировка, а главное – уверенность в себе и решимость отбивали всякую охоту к сопротивлению даже у самых оголтелых националистов.

«Россия с нами!», «Россия нас не оставила!» – с этими словами на площади городов и поселков Крыма вышли сотни тысяч крымчан. Участники грандиозного митинга в Симферополе потребовали отставки премьера Могилева. Тот, не имея поддержки, бежал.

Турчинов, Яценюк, Порошенко, Кличко и те, кто стоял за их спиной, не могли смириться с таким поворотом событий. В ход пошли уже опробованные на Майдане средства гибридной войны: дезинформация, провокация, попытка столкнуть людей в кровавый омут братоубийственной войны. К примеру в ночь с 27 на 28 февраля на блокпосту трассы Херсон – Симферополь бойцы самообороны Крыма при досмотре автомашины обнаружили взрывчатку мощностью 400 килограммов в тротиловом эквиваленте. Задержанные были переданы в правоохранительные органы Херсонской области. В Симферополе и Бахчисарае распространялись листовки анти-российского, подстрекательского характера. Но крымчане не поддавались на провокации.

Двадцать восьмого февраля в срочном порядке в Симферополь был десантирован Порошенко. Он пока еще не был президентом, но уже начал готовиться к гонке, которую его помощники собирались провести в рамках технологии «Выборы в один тур – и Путин не будет нападать». Но в столице Крыма сладкие речи «шоколадного короля» не произвели впечатления. Под улюлюканье толпы: «Вон из Крыма!», «Чемодан! Вокзал! Граница!» – Петр Алексеевич несолоно хлебавши убрался восвояси.

Тогда Киев изменил тактику: не уговоры, не устрашение диверсиями, а прямое давление с оружием в руках. В ночь на 1 марта спецподразделения СБУ и МВД, подчиненные Наливайченко и Авакова, предприняли попытку захвата здания Главного управления внутренних дел автономной республики, но, встретив организованное сопротивление со стороны сил самообороны, вынуждены были отступить. В тот же день Сергей Аксенов, указом Президента РФ назначенный временно исполняющим обязанности главы Республики Крым, переподчинил себе все силовые структуры, находившиеся на территории полуострова, и обратился к Путину с просьбой об оказании помощи в обеспечении безопасности крымчан.

И она была оказана. Первого марта статс-секретарь – заместитель министра иностранных дел РФ Григорий Карасин зачитал перед Советом Федерации обращение президента, в котором говорилось:

«В связи с экстраординарной ситуацией, сложившейся на Украине, угрозой жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава воинского контингента Вооруженных сил Российской Федерации, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым), на основании пункта “г” части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации вношу в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обращение об использовании Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране».

Члены Совета Федерации единогласно проголосовали за. Но воспользоваться правом введения войск Путину не пришлось. Ситуация в Крыму находилась под полным контролем местной власти, отрядов самообороны и «вежливых людей».

Шестого марта парламент автономной республики огласил день проведения референдума о статусе Крыма: 16 марта 2014 года.

Крым уверенно дрейфовал к родной российской гавани. Словесные демарши Киева уже не могли остановить этот процесс, и тогда на передний план вновь попытались выйти силы НАТО. Пятого марта авианосец *George Bush* предпринял еще одну попытку войти в Черное море. Но на этот раз хитроумные турецкие политики, понимая, что в Крыму появился новый-старый политический хозяин, вспомнили о Конвенции Монтрё 1936 года и закрыли проливы. А чтобы подсластить горькую пилюлю, экипажу авианосца было предложено приятно провести время на курортах Анталии.

А тем кораблям, которые ранее зашли в акваторию Черного моря, пришлось доигрывать безнадежную партию под названием «Крым». Используя средства технической разведки, они пытались перехватывать приказы из российского штаба и одновременно устанавливать помехи, затрудняющие работу Центра космической связи Черноморского флота. На что тут же получили адекватный ответ. Два самолета Су-24МР Черноморского флота одиннадцать раз «побоевому» заходили на *USS Donald Cook*, применяя бортовую систему блокирования в диапазоне работы радара, затрудняли съем информации. У американцев сдали нервы, и они дали задний ход.

И вот наступило 16 марта. В референдуме приняли участие 83,1 % избирателей, из них 96,77 % высказалось за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации. По городу Севастополю эти цифры составили 89,5 % и 95,80 % соответственно. Результаты референдума стали своего рода шахом властям Киева и их покровителям в той опасной и рискованной игре, что была затеяна западными политиками.

В тот же день, 16 марта, «учения» НАТО в Черном море были свернуты. Иностранным кораблям пришлось покинуть Черное море и направиться к берегам Бахрейна. Очередная попытка Вашингтона и его покорных сателлитов «поставить Россию на место» провалилась.

Что век грядущий нам готовит

Прошло восемь лет. США и его сателлиты не смирились с тем, что их план провалился, и, как это уже имело место с Грузией, с удвоенной силой принялись накачивать военные мускулы Украины, подготавливая ее к войне с Россией. В сущности, война началась сразу, в апреле 2014 года, и велась на территории Донецкой и Луганской народных республик, которые «посмели» 6 апреля провозгласить независимость. Седьмого апреля 2014 года и. о. президента Украины Александр Турчинов объявил о том, что «против тех, кто взял в руки оружие, будут проводиться антитеррористические мероприятия»⁹. Тринадцатого апреля Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранению территориальной целостности Украины». Однако реальную угрозу мирным жителям Донецкой и Луганской республик несли украинские войска. За восемь лет многие потеряли кров, так как их дома были разрушены украинскими снарядами. По данным ООН на 27 января 2022 года (то есть до начала спецоперации), общее число подтвержденных смертей на Донбассе оценивалось в 14200-14400 человек, включая небоевые военные смерти. Среди погибших было много детей.

Двадцать четвертого февраля 2022 года наступил очередной геополитический момент истины. Опережая очередную военную провокацию объединенного Запада, проводимую руками украинских политиков и военных, Россия бросила вызов Западу и навязываемому им новому глобальному миропорядку. Противостояние в очередной раз пошло не на жизнь, а на смерть. Чтобы выстоять и победить, нам как воздух необходима объединяющая, независимая от национальности, социального положения, религиозных верований, общегосударственная идеология... и общегосударственная мечта. Про идеологию сказано много и политиками, и философами. В сущности, это то, что определяет нашу жизнь, ибо «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». К словам Достоевского можно добавить «ни государство», ибо идеология определяет лицо государства и объединяет большинство в нем живущих. Но кроме идеологии должна быть и общегосударственная мечта – дерзкая, но реалистичная. В нашем случае – мечта о построении общества, основанного на справедливости, в центре которого будет находиться человек с его духовными исканиями. В том, что касается России, выросшей из СССР, соединение мечты и идеологии вырвало страну из невежества, нищеты и сделало великой державой.

Возможно, нам возразят, что в России до сих пор нет четко сформулированной идеологии. Пусть так, зато есть четко осознаваемое абсолютным большинством наших соотечественников понимание необходимости отстаивать исторически сложившиеся традиции, на которых всегда строилось российское общество, понимание необходимости поддерживать, а если нужно, и возрождать все лучшее, что накопилось в нашем многонациональном и многоконфессиональном государстве. Используя лучшие мировые тенденции, мы не должны становиться безмолвными рабами чуждых нам социальных, политических и идеологических догм. Новая-старая российская идеология рождалась в крови и муках на нашей многострадальной земле. Она – стержень всего сущего. Российский человек, не важно, кто он по национальности и кто по вероисповеданию, так устроен, что для него человеческая справедливость всегда была и будет самым высшим законом.

Идеология современной России должна опираться на мощный социально-политический фундамент, а его основу должны составлять динамично развивающаяся национальная экономика и сильные современные Вооруженные силы. Не случайно император Александр III говорил: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот... Все осталь-

⁹ РИА Новости, 12 апреля 2014 г.

ные при первой возможности сами ополчатся против нас». Огромные территории России, ее несметные богатства были и остаются предметом вождения многих иностранных государств. Поэтому во все времена необходимо поддерживать обороноспособность нашей армии и флота, высочайший уровень компетенции отечественных специальных служб, беречь их как зеницу ока.

Ключевым условием сохранения сильной России является сплочение российской нации. И здесь, конечно, важнейшая роль принадлежит российской женщине-матери. От ее позиции, от того, что она будет вкладывать в своих детей, зависит «надстройка» – духовная составляющая нашего общества, в том числе и патриотизм – не бумажный, а идущий от сердца. Именно от женщин зависит, будут ли наши потомки читать Пушкина, Тургенева и Толстого, слушать музыку Чайковского, Мусоргского и Бородина, будут ли гордиться победами выдающихся отечественных полководцев Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Георгия Жукова. Женщину-мать необходимо вернуть на заслуженный социальный пьедестал почтения, глубочайшей государственной заботы. А о «базисе» обязаны позаботиться мужчины.

Весь исторический опыт существования нашего государства наглядно показывает: понижение Русского мира губительно отражается на остальных нациях и приводит к серьезнейшим потрясениям. В XIX веке эту мысль по-военному кратко и емко выразил боевой генерал Алексей Ермолов, честно служивший России: «Когда русские слабеют, остальные звереют».

К сожалению, и это тоже показывает история, главные беды для Российского государства приходят не только извне, а зачастую рождаются внутри, и в первую очередь разносчиками гнильцы, которая рождает недоверие к власти, скепсис по отношению к государственной политике, становятся чиновники. Думая о собственных интересах или же просто опасаясь ответственности, из перестраховки избирающие основным принципом работы классическое «низ-зя», они порой могут нанести вреда больше, чем это сделали бы подкованные идеологи из «недружественных стран». Читатель сам может вспомнить близкие ему примеры, а мы в подтверждение того, что губительная «чиновничья» болезнь появилась не сегодня, обратимся к воспоминаниям выдающегося ученого В. И. Вернадского, входившего в канун революции в Госсовет Российской империи от кадетской партии: «... в Госсовете были люди с именами – Витте, Кони, Ковалевский и др. Но не они задавали тон... а жадная и мелкохищническая толпа сановников, не имеющая ни блеска образования, ни идеи государственности, а думающая о том, как бы выгоднее пристроить своих детей и как бы заполучить лишние деньги».

Об этом же писал и выдающийся российский философ Николай Бердяев: «... среди деятелей старой власти последнего периода трудно было встретить людей с ясным человеческим образом, такие люди составляли исключение, и они недолго держались. В час кончины царизма его окружали Распутин, Сухомлиновы, Штюрмеры, Протопоповы и т. п. двоящиеся и двусмысленные образы. Монархия утонула в мути, во лжи, в предательстве... Она не столько была свергнута, сколько сама разложилась и пала».

Высшая власть и власть на местах может быть эффективной только тогда, когда ее осознанно поддерживает народ, и только в том случае, если ее носители проявляют высочайший профессионализм и преданность Отечеству. В противном случае будут повторяться трагедии, которые России приходилось многократно и болезненно переживать на протяжении своей долгой истории. И такая власть действительно падет.

Но сегодня крепнет убежденность, что Россия справится с застарелой болезнью. Специальная военная операция – безусловно, трагическая страница в отношениях двух родственных народов, русского и украинского. Но и эта страница будет перевернута, как всегда бывает в истории. И на новых, чистых страницах будет писаться история созидания – других вариантов нет. Но уже сегодня властная вертикаль очищается от «политических тромбов» – «мелкохищнической толпы сановников, не имеющих ни блеска образования, ни идеи государственности», а общество, вопреки ожиданиям и прогнозам, становится все более единым.

Ранним утром 24 февраля 2022 года Владимир Путин, объявив о начале специальной военной операции, четко обозначил: цель операции – спасти людей от геноцида и добиться демилитаризации и денацификации Украины. «Ведущие страны НАТО для достижения своих собственных целей во всем поддерживают на Украине крайних националистов и неонацистов, которые, в свою очередь, никогда не простят крымчанам и севастопольцам их свободный выбор – воссоединение с Россией», – отметил он. Но в беспощадной борьбе с Западом за будущее нас ждет успех, и подтверждает это наше славное прошлое. История человечества не знает таких примеров, когда бы могущественные империи после своего крушения возрождались вновь, за одним исключением – России. Только за последнее столетие это произошло дважды: после бурных событий 1917 года и после 1991 года, когда распался Советский Союз.

В борьбе с объединенным Западом у России есть уникальное преимущество: само Провидение сохранило уникальную общность наших народов. Даже после распада СССР Россия осталась многонациональным государством, и в трудные для страны минуты нации сплотились. «В основе нашей политики – свобода, свобода выбора для всех самостоятельно определять свое будущее и будущее своих детей. И мы считаем важным, чтобы этим правом, правом выбора, могли воспользоваться все народы, проживающие на территории сегодняшней Украины. Все, кто этого захочет», – в своем обращении от 24 февраля сказал российский лидер.

Нынешнее развитие событий в мире предоставляет России новый геополитический шанс стать подлинно суверенным, динамично развивающимся, великим мировым государством. Государством, в котором его гражданину было бы комфортно жить и работать, в котором будет властвовать социальный закон, в котором каждый достойный человек мог бы чувствовать себя защищенным и мог уверенно смотреть в свое будущее, будущее своих детей и внуков.

Глава 1

Снежная, с трескучими морозами зима 1941 года недолго продержалась в Маньчжурии. В конце февраля со стороны Южно-Китайского моря подули теплые ветры, и вместе с ними пришла ранняя оттепель. Под лучами яркого солнца быстро таяли снежные шапки на рыжеватых макушках сопок. К середине марта о зиме напоминали лишь грязные ноздреватые клочки снега на северных склонах, да и те исчезали прямо на глазах. С каждым новым днем весна все уверенней вступала в свои права. Прошло еще несколько недель, и пологие берега Сунгари, правого притока Амура, берущего начало на плоскогорье Чанбайшань, покрылись золотистым цветом распутившейся вербы, южные склоны сопок заполыхали нежно-голубым пламенем фанфына – лазурника, а ниже по течению реки, где начинались пригороды Харбина, опережая все сроки, зацвела вишня. Бело-розовый туман совершенно преобразил город, сделал его неузнаваемым.

Однако ранний приход весны не радовал ни русских, ни китайцев, между которыми лежал пока еще скованный ледяным панцирем Амур. В разгар дня, когда солнце жарило что есть силы, лед начинал угрожающе потрескивать, и в верховьях реки зарождался грозный гул. Казалось, природа чувствовала, что впереди будут большие потрясения. Свыше тридцати советских дивизий, сосредоточенных на границе, со дня на день ожидали рокового прыжка рвущегося воевать «японского самурая» на территорию советского Дальнего Востока и Сибири.

Харбин, где после революции и Гражданской войны осели тысячи русских, в те дни напоминал готовый в любую минуту ожить вулкан. Вооруженная до зубов семисоттысячная Квантунская армия, к началу 1932 года оккупировавшая северо-восточную провинцию Китая – Маньчжурию, только и ждала приказа, чтобы прорвать призрачные границы марионеточного государства Маньчжоу-го и обрушиться всей своей мощью на советские приграничные поселки и города, а затем двинуться дальше, поливая свинцом тех, кто будет оказывать малейшее сопротивление. В воздухе витало тревожное ожидание близкой войны. Об этом, не таясь, говорили не только в штабе японской армии, не только в казармах, но и в каждой забегаловке, куда под вечер стекался народ хлебнуть рисовой водки и обменяться новостями. Гудела, конечно, и главная харбинская «брехаловка» – портовый оптовый рынок.

Город жил прифронтовой жизнью. План «Кантокуэн» («Кантогун токусю энсю» – «Особые маневры Квантунской армии»), предусматривающий вооруженное нападение Японии на Дальний Восток, командующий японской армией генерал Ёсидзиро Умэдзу готов был привести в действие немедленно, по первому приказу из Токио, но император Хирохито приказа пока не давал. Генерал догадывался, по каким причинам. Там, наверху, любят затевать дипломатические игры. Большая политика – удел избранных, но тайная возня между Токио, Берлином, Римом, Москвой и Вашингтоном все больше напоминала игры под одеялом в хорошо освещенной комнате, и Умэдзу с трудом удерживал рвущихся в драку солдат. Любые вопросы должны решаться на поле боя, а не в кабинетах политиков, только и думающих о том, чтобы урвать лично себе кусок побольше и повкуснее.

И все же отсрочка, какой бы она ни была, оставалась только отсрочкой. Запущенная на все обороты военная машина уже не могла остановиться. Первый звонок прозвучал из Берлина 16 апреля 1941 года, когда посол Японии в Германии Хироси Осима, убежденный милитарист, заслуживший особое доверие Гитлера, направил в Токио шифровку, в которой сообщал: «В этом году Германия начнет войну против СССР».

Более определенно на сей счет высказался в доверительной беседе с министром иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуокой «архитектор восточной политики» Иоахим Риббентроп.

Он недвусмысленно заявил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, если она начнется, то завершится в ближайшие два-три месяца. Наша армия уже наготове».

Заявление Риббентропа, не так давно подписавшего с Москвой пакт о ненападении, еще больше подлило масла в огонь, который и без того полыхал в душах японской военной верхушки. Ее вожди опасались опоздать к дележу огромного пирога – советской России. Назначенный в 1940 году военным министром, Хидэки Тодзио, карьера которого только начиналась, спал и видел шагающие победным маршем по Дальнему Востоку и Сибири колонны императорской армии. И это несмотря на то, что Мацуоке, приехавшему в апреле 1941 года в Москву подписывать документ о нейтралитете, были оказаны поистине сказочные почести: по завершении церемонии сам Сталин вызвался проводить его на вокзал, подчеркивая тем самым особый характер советско-японских отношений.

В конце апреля в ходе экстренного совещания в Генштабе Тодзио потребовал от своих подчиненных: «Невзирая на пакт, активно осуществлять военные приготовления против СССР».

Это его требование до предела накалило обстановку в армии. Если отдельные «голуби» в Генштабе еще пытались соблюсти политес, то окопные генералы – «ястребы» – требовали немедленного активного выступления против русских.

Командующий Квантунской армией генерал Умэдзу бомбардировал Генштаб шифровками: «Именно сейчас представляется редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении СССР. Необходимо ухватиться за это».

Ему вторил начальник штаба генерал Ёсимото: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию “спелой хурмы” и самим создать благоприятный момент».

Японские «ястребы» не хотели ждать, когда «поспевшая хурма» – Советский Союз – под ударами вермахта упадет в «германскую корзину». Рвущийся к власти Гитлер после победы над Советами точно не захочет делиться с кем бы то ни было лаврами триумфатора. И потому по мере приближения часа «икс» узел Большой политической игры затягивался все туже и туже.

Грандиозная мировая драка и без того уже охватила большую часть Европы, но главные события были еще впереди. Участники Большой игры – Япония, Германия, Италия, Россия, США и Великобритания – нутром чуяли добычу и, как в игре краплеными картами, норовили обжечь противника, раздеть его до нитки, чтобы потом на его горбу влезть на мировой трон. И чем меньше времени оставалось до рокового взмаха маятника, тем более нервно вели себя политики: никто не хотел прогадать и остаться в круглых дураках на задворках истории.

Тайные дипломатические переговоры шли полным ходом, но казенные улыбки на постных физиономиях Мацуоки, Халла, Риббентропа, Молотова, равно как и их клятвенные заверения о мире, уже никого не могли ввести в заблуждение. Запущенная военная машина требовала особого горючего – человеческой крови, и уже ничто не могло остановить эту вселенскую готовность принимать и отдавать жертвы.

Наступил май сорок первого, и напряжение достигло наивысшего накала. Оставались считанные дни и часы до того рокового момента, когда план «Барбаросса» должен был осуществиться. Под лязг гусениц и оглушительный вой штурмовиков военная армада фашистской Германии, подчиняясь железной воле Адольфа Гитлера, должна была совершить бросок на восток, чтобы сокрушить «колосса на глиняных ногах» – большевистскую Россию и открыть путь к мировому господству избранной расы германских ариев.

Но вермахт, до этого не знавший поражений, неожиданно забуксовал в Югославии и Греции. Южные славяне оказали упорное сопротивление, и Гитлер был вне себя от ярости. Осечка на Балканах ставила под угрозу срыва не только план «Барбаросса», она могла изменить планы ближайших союзников Германии – Японии и Италии.

Тщеславный фанфарон Муссолини, возомнивший себя отцом национал-социализма, затянул отправку итальянских дивизий на границу Румынии с большевистской Россией. Прикрылся взмахами политического веера и микадо Хирохито. Теперь он отделялся туманными обещаниями в нужное время открыть «второй фронт» против большевиков на Дальнем Востоке и в Сибири.

План «Кантокуэн» пока был мертворожденным ребенком, и мелкая возня на границе передовых частей Квантунской армии, белогвардейских банд атамана Семенова и боевиков «Российского фашистского союза» не могла ввести в заблуждение умную германскую разведку. Один из самых молодых ее шефов Вальтер Шелленберг регулярно докладывал Гиммлеру и Гитлеру о том, что ударные силы японской армии и флота по-прежнему находятся в местах своей постоянной дислокации.

Как всегда, за все это пришлось отдуваться «толстяку Герману». После разноса, устроенного Гитлером, «главный летчик» фашистской Германии поднял в воздух всю авиацию, и несчастные Югославия с Грецией содрогнулись под тоннами бомб. Бел град, Скопье, Ниш, Салоники, Коринф, Гераклион и десятки других городов запылали, охваченные испепеляющими пожарищами. Безжалостный бронированный кулак обрушился на слабо укрепленные позиции югославской армии, и к 18 апреля страна целиком оказалась под кованым сапогом вермахта.

Чуть дольше продержалась Греция, но и она не смогла противостоять превосходящим силам противника. Потомки древних ахейцев вынуждены были уйти в горы, чтобы начать там партизанскую войну.

Теперь, когда у Гитлера были полностью развязаны руки для решающей схватки с заклятым врагом Иосифом Сталиным в споре за лавры мирового вождя, фюрер снова принялся торопить императора Хирохито. Удар японских армий в спину русским мог снять последние сомнения у верхушки слишком осторожных, профессионально скептических генералов, не упускавших возможности лишний раз ткнуть ему, рейхсканцлеру Великой Германии, в лицо ефрейторским прошлым и потрясти «священной иконой» – Бисмарком, остерегавшим против войны с «русским медведем». Сборище жалких холуев, получивших из его рук маршальские жезлы, они не хотели видеть дальше своего носа и понять всей гениальности идей национал-социализма. За каких-то семь лет ему удалось превратить униженную, раздавленную позорным Версальским миром страну в настоящую мировую сверхдержаву. У ног Германии сегодня валяется половина Европы, а завтра ей будет принадлежать весь остальной мир.

Но на пути к этой цели оставался еще один не взятый бастион – большевистская Россия. Даже беглый взгляд на карту мира вызывал в душе невольный трепет. Советский Союз занимал одну шестую ее часть. Проглотить такой огромный кусок в одиночку и при этом не подавиться было весьма трудно, и потому здесь, в Берлине, министр иностранных дел Риббентроп, как мог, выкручивал руки хитрой лисе, японскому послу Осиме, а в Токио шеф германского посольства генерал-лейтенант Ойген Отт настойчиво подталкивал в спину японских генералов и требовал назвать точный срок начала выступления императорской армии. Но в ответ неизменно звучали заверения в вечной дружбе и готовности в нужное время поддержать союзника в войне против Советов, а дальше этого дело не шло.

В тот последний месяц перед началом Большой войны на Западе император Хирохито стоял перед непростым выбором, и его можно было понять. Соблазн после нападения Германии на СССР сокрушить мощью Квантунской армии советские дивизии и захватить Дальний Восток, а за ним и Сибирь был слишком велик. Но после неожиданной заминки вермахта в Югославии и Греции в императорском дворце невольно призадумались и стали тянуть время, выжидая, как будет развиваться германский блицкриг в России.

Однако не только это обстоятельство удерживало японскую армию от немедленного вступления в Большую войну. Трезвый японский расчет охлаждал боевой пыл даже самых

воинственных генералов. На бескрайних просторах Востока России после полутора месяцев боевых действий японская боевая техника запросто могла превратиться в груды бесполезного металла. За это время все запасы горючего иссякнут. Держа в уме эту весьма серьезную причину, японские дипломаты вели двойную игру. В Берлине они убеждали нетерпеливых союзников в своей готовности выступить против Советского Союза в ближайшее время, а в Вашингтоне вели закулисные переговоры о заключении секретного мирного договора.

Военной машине Японии позарез требовались нефть и сталь. Нефть была на Борнео, в Таиланде и Бирме, но она находилась под контролем американцев, британцев и голландцев, а вести войну на два фронта было крайне рискованно. Японский «самурай» стоял перед непростым выбором: вцепиться наконец в глотку жадному «дяде Сэму» и стать полновластным хозяином в Индокитае и на Тихом океане или прыгнуть на спину грозному «русскому медведю», осуществив то, что не удалось сделать ни в победном 1905 году, ни в провальном 1922-м.

Тот, 1922 год оставался в сердцах воинственных самураев незаживающей раной. После развала Российской империи мировая кладовая природных ресурсов – Дальний Восток и Восточная Сибирь – буквально сама свалилась в руки Божественному микадо. Но радость оказалась недолгой. Высшие небесные силы не захотели помочь своему прямому потомку – императору Японии – и, к изумлению всего самурайского сословия, повернулись лицом к большевикам. В сентябре 1922 года части Красной армии под командованием Василия Блюхера при поддержке партизан наголову разбили хваленые японские и белогвардейские войска, а горстке оставшихся вместе с марионеточным «приамурским правительством» братьев Спиридона и Николая Меркуловых пришлось спешно бежать.

Спустя девятнадцать лет в Токио снова возникла дилемма: попытаться взять реванш или развивать наступление в южном и юго-восточном направлениях? Чаша войны на востоке на время застыла, и здесь свое веское слово должна была сказать разведка. В те майские дни резидентуры 2-го (разведывательного) отдела Квантунской армии не знали передышки. Граница по Амуру порой напоминала линию фронта. С наступлением ночи десятки разведывательно-диверсионных групп и агентов-одиночек пробирались на советскую территорию, выводили из строя связь и инженерные коммуникации, занимались сбором информации о боеготовности частей Красной армии. Липкая паутина японской агентурной сети старалась не упускать ни одной, даже самой незначительной, но важной мелочи.

Седьмого мая 1941 года один из руководителей разведки, капитан Каймадо, он же Де До Сун, он же Пак, прибыл в Харбин. Здесь его с нетерпением дожидались руководитель японской военной миссии генерал Янагита и начальник 2-го отдела подполковник Ниумура.

Безмятежную тишину кабинета нарушал ритмичный шорох напольных часов. В двухэтажном особнячке, отгороженном от улицы высоким каменным забором, жизнь текла так же размеренно: разведка не любит постороннего внимания и суеты.

Ниумура, утонувший в огромном кожаном кресле, со скучающим видом перелистывал страницы «Харбинского вестника», изредка бросая взгляды на Янагиту. Тот уже больше часа не мог оторваться от материалов личного дела одного из самых опытных резидентов японской разведки в Советском Союзе. К делу были подшиты пожелтевшие от времени рапорты, собственноручно написанные Каймадо. За ровными колонками донесений скрывалась поразительная по своей удачливости судьба разведчика. Каймадо оказался единственным из более чем двух десятков японских агентов, заброшенных в Советский Союз в середине двадцатых годов, кто не только сумел избежать безжалостной косы ОГПУ – НКВД, выкосившей к 1937 году практически все резидентуры, но и исхитрился получить такую «крышу», о которой приходилось только мечтать. Накануне упомянутого года он стал секретным сотрудником управления НКВД по Приморскому краю, получив оперативный псевдоним Ситров. Вышло все до смешного просто. Почувствовав нависшую над собой опасность, Каймадо (преданный партии коммунист Пак) своевременно проявил политическую бдительность и сумел выявить четырех

замаскировавшихся троцкистов, пробравшихся в руководство управления железной дороги. Органы среагировали быстро, и после того, как службы НКВД прошли по железнодорожной верхушке, Каймадо (Пак) вырос не только в должности, но и в секретной иерархии, став работчиком «неблагонадежного элемента». К началу 1941 года он еще больше укрепил свое положение. В органах высоко оценили его информацию о пораженческих настроениях среди командиров Китайской бригады и после зачистки пораженцев рекомендовали не куда-нибудь, а в святая святых – в разведуправление Дальневосточного военного округа.

Там поднабравшийся опыта сотрудник тоже пришелся ко двору. Он на лету хватал премудрости «нового» для себя дела. Явные успехи Каймадо (Пака) не мог не заметить и начальник 3-го разведывательного отдела майор госбезопасности Виктор Казаков. Он принял решение готовить «товарища» для ответственной работы в качестве резидента нелегальной советской сети в Маньчжурии.

Для японской разведки это был неслыханный успех. Генералу Янагита, уж на что он долго служил в секретном ведомстве, с таким сталкиваться еще не приходилось, и поэтому он с особым вниманием вчитывался в каждое слово, пытаясь понять, как Каймадо удалось обвести вокруг пальца опытного советского противника.

В 1926 году молодой армейский офицер из древнего рода самураев неожиданно отказался от блестящей военной карьеры в пользу службы в разведке. Что заставило его сделать столь неожиданный выбор? Верность древнему девизу «Жизнь – императору! Честь – никому!» или жажда любой ценой восстановить былую славу своей Родины, которой горели сотни и тысячи юношей из благородных военных семей после позорного поражения на Дальнем Востоке? Об этом в личном деле не было ни слова, зато указывалось, что будущего гения-нелегала в Каймадо сумел разглядеть капитан Такасаки, давно ушедший в мир теней.

Сменив строгий военный мундир на замызганную корейскую дабу, Каймадо перевоплотился в молодого рабочего и активно включился в революционную борьбу. В 1927 году, якобы спасаясь от преследования полиции, он с группой революционеров, бредивших идеалами коммунизма, бежал из Маньчжурии в Советский Союз. После проверки в ГПУ, которая для него закончилась легким испугом (пара синяков в счет не шли), Каймадо вышел на свободу и активно включился в строительство социализма уже на новой территории. Ударный труд на железной дороге, равно как и упорство в изучении трудов Ленина, Маркса и Энгельса, были вознаграждены. Через год молодого человека приняли в комсомол и вскоре поручили руководить рабочим комитетом в поселке Нагорный. Там на него обратили внимание старшие товарищи и в 1929 году рекомендовали в партию большевиков, а затем направили учиться во Владивосток на рабочий факультет университета.

На этом месте Янагита остановился и уточнил у Ниумуры:

– С какого времени он приступил к выполнению задания?

– После третьего курса, когда проходил заводскую практику на паровозоремонтном заводе в Улан-Удэ. Позже, в тридцать четвертом, он создал свою первую резидентуру. Если вас интересуют подробности, то материалы по соответствующему периоду подшиты в рабочий том дела, – пояснил Ниумура и потянулся к пузатому портфелю у своих ног.

– Спасибо, позднее! – остановил его генерал и заявил: – Сейчас меня больше интересует, кто и при каких обстоятельствах позволил ему пойти на сотрудничество с НКВД.

– Это была его личная и вполне оправданная инициатива! В тридцать седьмом, как известно, большевики провели Большую чистку. Подчищали не только верхушку, но и весь сомнительный элемент. Мы тогда потеряли почти всю агентурную сеть. Агентов не спасло даже то, что некоторые, как Каймадо, вступили в партию и занимали в ней далеко не последние должности. А он не только уцелел, но и сумел сохранить резидентуру. Четверо из его агентов стали секретными сотрудниками в особых отделах и управлениях НКВД.

– И что, среди них не оказалось ни одного двуликого Януса? – усомнился Янагита.

– Да! Что лишний раз говорит о классе работы Каймадо. Он разведчик волею Неба!

– Неба, говорите? Это мы еще посмотрим! Кто до вас поддерживал с ним связь?

– Хая Си.

– И он такого же мнения? – продолжал допытываться генерал.

– Самого превосходного. Его рапорт подшит в деле! – с вызовом ответил Ниумура, его задевало недоверие, сквозившее не столько в вопросах, сколько в тоне, каким они произносились, и в качестве главного аргумента в защиту Каймадо он привел цифры: – Последние его материалы на восемнадцать советских агентов в Харбине, Дацине, Цицикаре, Синьцзине и верхушку руководства разведуправления Дальневосточного военного округа перепроверялись через другие наши источники и нашли полное подтверждение.

Янагита промолчал и снова углубился в дело Каймадо. Диапазон его разведывательной работы поражал. После окончания университета молодой человек получил направление на химзавод № 92 в далекий Сталинград. Там молодой и инициативный инженер стал настоящей палочкой-выручалочкой. За год работы Каймадо успел перебывать в командировках в пяти городах: Азове, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сталине и Астрахани. Ему удалось проникнуть в закрытые цеха завода «Баррикады», на военные верфи, на испытательные полигоны.

Потеряв связь с курирующим резидентом, Каймадо действовал на свой страх и риск. В неполные двадцать девять он самостоятельно провел три вербовки агентов в Сталинграде и добыл ценнейшую информацию о производстве танков. В Азове он сумел скопировать чертежи нового пограничного катера. О результативности его работы в тот крайне рискованный период свидетельствовали семнадцать листов отчета, подшитых в дело!

По возвращении в Улан-Удэ в 1934 году Каймадо восстановил связь с японской разведкой и передал ее резиденту Хая Си добытые материалы. Их содержание, а также вербовки, проведенные среди инженеров паровозоремонтного завода, произвели впечатление наверху, и вскоре Каймадо стал считаться самым перспективным японским разведчиком в Советском Союзе.

Янагита перешел к чтению очередного донесения, но в это время раздался звонок из приемной. Раздались быстрые шаги, и в проеме дверей появился Каймадо. За его спиной топтался растерянный дежурный, не сумевший доложить о прибытии резидента по всем правилам, что непосредственно входило в его обязанности. Генерал поморщился, раздраженно махнул рукой, и дежурный мгновенно растворился в полумраке приемной.

Ниумура с любопытством наблюдал, как генерал и капитан мерили друг друга взглядом. Первым опустил глаза Янагита, сделав шаг навстречу Каймадо. Они по-военному изысканно поклонились друг другу. Янагита подчеркнуто уважительно пригласил резидента пройти в заднюю комнату, где уже был накрыт столик на троих. Каймадо проявил должную тактичность и, подождав, когда генерал опустится в кресло, сел напротив.

В свете торшера черты лица Каймадо смягчились, в них, как показалось Ниумуре, проглядывала усталость. Последний раз он видел его год назад. В уголках рта залегли морщины, на висках проступила седина. Прежними остались только глаза. Прячась за сильно выступающими скулами, они цепко всматривались в собеседника.

Янагита вежливо поинтересовался:

– Что будите пить, Каймадо-сан? Саке? Есть чо текусен кинпаку, золотое, есть михоса-кари баншку, серебряное. Или вино? Хачимито умешу, сливовое желтое, акай умешу, сливовое красное? А может, – на лице генерала появилась улыбка, – русскую водку?

– Если, конечно, не заподозрите во мне настоящего большевика, то позвольте водку, – в тон ему ответил Каймадо.

В комнате зазвучал сдержанный смех. Когда он стих, Янагита дружески заметил:

– Сегодня вы можете забыть про легенду и быть самим собой. Выбирайте, пожалуйста.

– Тогда чо текусен кинпаку и чай маття последнего урожая.

Генерал кивнул, Ниумура засуетился над столом и, наполнив крохотные рюмочки золотистым напитком, с чувством произнес тост, отдавая должное одному из лучших разведчиков:

– За ваши, господин капитан, успехи во имя величия Ямато!

Похвала не оставила Каймадо равнодушным, его глаза неожиданно повлажнели, капитан встал и чуть дрогнувшим голосом произнес:

– Благодарю, господин генерал! Я тронут высокой честью! Моя жизнь принадлежит Великой Японии и ее Божественному императору!

– Жизнь каждого из нас принадлежит им! – одобрительно сказал Янагита и пододвинул к капитану блюдо с дымящимися геза – пельменями из молодой перченой свинины, а к ним острый соус. В миске исходил ароматом рис гохан, без которого не обходится ни одна трапеза в Японии. В маленьких изящных чашечках были разложены цукимоны – традиционные японские маринованные овощи. – Готовил наш лучший повар, их вкус напомнит вам о далекой родине, – счел нужным пояснить генерал.

Каймадо благодарно улыбнулся. Какое-то время в комнате слышалось лишь легкое постукивание хаши – традиционных палочек для еды. После опостылевших русской картошки и капусты капитан позволил разгуляться аппетиту. Старшие по званию не торопились начинать беседу, они дали ему в полной мере насладиться едой и только затем перешли к делу.

– Как чувствуют себя большевики? – поинтересовался Янагита.

Каймадо промокнул губы салфеткой и не без легкой иронии ответил:

– Как графины, господин генерал.

– Простите, как? – не понял тот.

– Есть у русских такое выражение – жизнь как у графина.

– И что это значит?

– Русские знают, что возьмут за горло, но кто и когда – это остается тайной.

Янагита и Ниумура расхохотались, а потом генерал продолжил:

– Значит, будем брать русских за горло, и вы, Каймадо-сан, должны нам в этом помочь. С вашей помощью мы вскрыли их шпионскую сеть в Маньчжурии, но наши военные требуют большего, им необходимы самые точные данные о силах и средствах большевиков на направлениях будущих ударов Квантунской армии.

– Я их прекрасно понимаю, господин генерал, – согласился разведчик, – но мои личные возможности и возможности моей агентуры в силу известных вам причин сильно ограничены.

– Знаю, но постарайтесь выйти на вербовки агентов в армейских штабах большевиков.

– Пытаюсь, но здесь есть один непреодолимый барьер... – Каймадо болезненно поморщился и с горечью сказал: – Завербовать старшего офицера, а тем более в штабе, мне, для них корейцу, практически невозможно.

– Мы тоже пришли к такому выводу, – заключил Янагита и предложил: – А если мы передадим вам опытного вербовщика из русских? Есть один такой на примете, Серж Воронцов.

Каймадо нахмурился, подобное решение больно било по самолюбию, но внешне он никак не выразил свои эмоции, лишь сухо спросил:

– Из бывших русских офицеров?

– Да! – подтвердил Янагита и продолжил: – Воевал у генерала Каппеля, а затем у атамана Семенова. До тридцать первого участвовал в налетах на советские погранзаставы, после тяжелого ранения перебрался в Харбин, где перебивался случайными заработками, пока не устроился на службу в полицию. Работал в полиции активно и успешно. Там мы и обратили на него внимание. С нами Воронцов сотрудничает с тридцать седьмого года, за это время четырежды перебрасывался через границу с разведывательными заданиями. Имеет опыт вербовочной работы. Одним словом, настоящий и проверенный профессионал.

– Да, вижу, что не дилетант, – согласился Каймадо и язвительно заметил: – Но чего он стоит на самом деле, можно будет сказать, когда возьмут за горло в НКВД.

– Надеюсь, такого не случится, но, если попадется, уверен, будет стоять до конца. У него самого руки выше локтя в русской крови, – поспешил заверить Ниумура.

– Полагаю, для вас это послужит наилучшей рекомендацией, – сухо добавил Янагита.

– Для сведения: Воронцов из дворян, знает немецкий и французский, прекрасно играет на фортепьяно, – дополнил характеристику Ниумура.

Каймадо хмыкнул:

– Это лишнее, с таким багажом ему точно прямая дорога в подвалы НКВД.

– Уверен, с вашим опытом работы ничего подобного не произойдет, – в тон ему произнес Ниумура.

– Поживем – увидим, – уклончиво, в русском стиле, ответил японский разведчик.

Янагита подметил это:

– Вы уже и рассуждаете как русский. – И, кивнув на рюмки с саке, которые успел наполнить Ниумура, произнес тост: – Я пью за то, чтобы наша следующая встреча, уважаемый Каймадо-сан, произошла уже поту сторону Амура!

– Спасибо! – поблагодарил тот и поинтересовался: – Как долго осталось ждать?

– В ближайшие время все должно решиться, – заверил генерал и, не удержавшись, с пафосом, заявил: – И тогда наш Божественный император по достоинству оценит ваши заслуги перед Великой Японией.

Каймадо встал и произнес древний девиз:

– Жизнь – императору! Честь – никому!

Все трое склонили головы в ритуальном поклоне.

На этом беседа закончилась, и Ниумура проводил Каймадо во двор. Там уже поджидала машина, чтобы отвести капитана в ресторан «Ямато», где предстояла встреча с Сержем Воронцовым. Услышав шаги, водитель поспешно выбрался из кабины и вытянулся в струнку. Ниумура окинул его придирчивым взглядом, под которым бедняга, казалось, вот-вот лопнет от напряжения, и распорядился:

– Отвезешь господина в город и будешь выполнять все, что он прикажет!

– Да, господин подполковник! – послушно склонился в поклоне водитель и распахнул дверцу перед Каймадо.

Тот сел на заднее сиденье, и машина плавно тронулась с места.

Харбин мало напоминал прифронтовой город. По крайней мере, в центральной его части в глазах не рябило от мышинных армейских мундиров, куда чаще встречались пары в модных костюмах. Яркими огнями рекламы зазывали посетителей ночные рестораны и плодившиеся, будто грибы после июльского дождя, шумные варьете. Но это был и не Харбин годичной давности, когда Каймадо находился в Маньчжурии с заданием советской разведки. В городе все меньше и меньше оставалось места русскому. Раньше на главной улице едва ли не в каждом доме располагались магазины именитых русских купцов: «Кузнецов и К^о», «Каплан и Варшавский», «Эскин и К^о», среди которых конечно же лидировал знаменитый «И. Чурин и К^о». Прилавки ломились от дорогой пушнины и галантереи, а теперь все это великолепие теснилось японскими фирмами. О прошлом величии Российской империи и ее могучей руке в Китае – Китайско-Восточной железной дороге – свидетельствовали лишь монументальное здание управления КВЖД и величественный Свято-Николаевский собор.

Каймадо с жадным интересом наблюдал за тем, как близкий ему дух японской предприимчивости все увереннее утверждал себя в Маньчжурии. Его сердце наполняла вера в то, что очень скоро этот дух будет господствовать на всем Дальнем Востоке. После разговора с генералом Янагитой у него не оставалось ни тени сомнения в этом. Недалек и тот час, когда сам император оценит принесенные им, Каймадо, жертвы во имя Великой Японии. Жизнь в стылых бараках на комсомольских стройках, набитые киркой мозоли на ладонях и ледяное дыхание НКВД в затылок – скоро все это будет позади!

От тешащих тщеславие мыслей его отвлекли резкий толчок и скрип тормозов. В свете фар мелькнула тень рикши. Водитель, проклиная всех китайцев, вместе взятых, энергично крутил баранку, пытаясь развернуть машину на главную улицу – Китайскую. Отсюда было рукой подать до ресторана «Ямато», и Каймадо, подчиняясь внезапно нахлынувшему порыву хоть немного побыть самим собой, распорядился:

– Останови машину, дальше я пойду пешком! Заберешь меня позже на этом месте.

– Слушаюсь, господин! – кивнул водитель и, выскочив, предупредительно распахнул дверцу.

Капитан окунулся в оживленный поток празднующей публики. Русских ресторанов в аристократическом квартале по-прежнему хватало: «Тройка», «Модерн», «Погребок Рагозинского», – но и они постепенно вытеснялись японскими и китайскими заведениями. В них уже почти не звучали песни кумиров – Вертинского, Лещенко, Коли Чегина, чей малиновый тенор так любили слушать ностальгирующие дамы разных возрастов.

Вечер выдался теплым, и в глаза бросалось явное преобладание китайцев. Они семьями занимали столики, выставленные прямо на тротуарах. В воздухе витали завлекательные запахи тяхана – жареного риса с грибами и овощами, изрядно приправленного перцем, соуса табаджан, супа набе, приготовленного из морского угря и водорослей вахали. В задней части китайских ресторанов повара колдовали над огнем, готовя самое знаменитое свое блюдо – зажаренную на каштановых углях утку по-пекински; к ней еще подают стопочку маленьких пресных лепешек, маринованный или свежий лук, мелко нарезанные огурцы и сладковато-терпкий густой соус. Каймадо знал, что настоящую пекинскую утку опытные мастера предварительно вымачивают в ячменной патоке, затем на несколько часов вывешивают на сквозняк, снова вымачивают и только после этого обжаривают на вертеле.

Вакханалия ароматов, несмотря на предшествующую трапезу, вновь пробудила зверский аппетит, и он невольно ускорил шаг. Ресторан «Ямато» находился за знакомым зданием фармацевтической компании «Сун Тайхан». Раньше здесь была русская купеческая миссия, но теперь о ней напоминали лишь вензеля на фасаде.

Капитан поднялся по ступенькам, вошел в холл и окунулся в приятный мир трогательных ощущений: здесь все до мелочей напоминало посетителям о далекой Японии. Не успел он осмотреться, как перед ним, словно джинн из бутылки, появился метрдотель. Склонив голову в низком поклоне, он произнес:

– Мы рады видеть господина в нашем ресторане. Для нас высокая...

– Спасибо! – оборвал его Каймадо. – Я заказывал ужин на двоих в отдельной кабинке.

– Да-да, господин! – поспешил подтвердить метрдотель и мелкими шажками засеменил в глубь зала.

Кабинка Каймадо понравилась. Здесь можно было поговорить на самые сокровенные темы. Прослушка исключалась, за это отвечал Ниумура. Метрдотель, конечно, работает осведомителем в японской контрразведке, в этом можно было не сомневаться. Из разряда «липких» был и официант. Но сейчас это мало волновало Каймадо, все его мысли сосредоточились на будущем помощнике – Серже Воронцове, до прихода которого еще оставалось время.

Сметливый официант, видимо, догадался, что клиент был не простой птицей, и из кожи вон лез, чтобы угодить. Даже не спрашивая Каймадо, он выставил на стол керамическую бутылочку с холодным саке и серию маленьких порций традиционных японских закусок. В металлическом чайнике на толстой подставке манил легким ароматом чай генмайча с добавлением обжаренного риса.

Капитан отпустил официанта, налил в чашку пахучего напитка и, делая мелкие глотки, расслабился.

По Воронцову можно было сверять часы: ровно в девять тихий шелест бамбуковой ширмы возвестил о его приходе. Каймадо изучающим взглядом пробежался по навязанному

ему помощнику. Серж Воронцов выглядел как типичный русский: русоволос, светлоглаз, выше среднего роста, косая сажень в плечах. Холеный вид выдавал в нем дворянскую породу.

Внимательно посмотрев на Каймадо, Воронцов назвал первую часть пароля:

– Вы не ошиблись с выбором. Здесь хорошая японская кухня.

– Я по ней давно соскучился. – В отзыве Каймадо был вполне искренен, последний раз ему приходилось обедать в настоящем японском ресторане более года назад, и это было в Харбине.

Он поднялся и протянул Воронцову руку.

Тот ответил крепким рукопожатием и не без иронии спросил:

– Представиться не надо? Ниумура, наверное, все рассказал?

– Все знает только один Господь, – уклончиво ответил Каймадо и в свою очередь представился: – Пак.

– Пак, Тянь... – хмыкнул Воронцов и философски заметил: – А собственно, какая разница, лишь бы своей смертью помереть.

– Ну зачем же так пессимистично, Серж!

– Ладно, не будем о наболевшем, я себе не враг, – отмахнулся Воронцов и грустным взглядом окинул накрытый стол.

Каймадо улыбнулся:

– Для вас, Серж, я заказал перченую свинину и морского угря. Водку, к сожалению, выпьем в другой раз, а сегодня только холодное саке.

– Согласен, – пожал плечами Воронцов.

– Вот и хорошо, – подытожил Каймадо и тронул колокольчик.

На его звон тут же пришел официант и принес заказ.

Они старались не говорить о том, что могло их ждать за Амуром, благо и других тем было предостаточно: наступление японской армии в Индокитае, неожиданная заминка вермахта в Греции, да просто хорошая погода, установившаяся в Маньчжурии. И все же они исподволь прощупывали друг друга наводящими вопросами. За беседой стрелки часов незаметно приблизились к одиннадцати, и Каймадо стал собираться. Пожелав Воронцову веселого вечера, он серой тенью выскользнул из кабинки.

Следуя правилам конспирации, Воронцов еще какое-то время наслаждался вкусом приготовленных блюд и одну за другой выпил две рюмки саке. Затем небрежно набросил на плечи пиджак и вышел в зал. Официант встретил его слащавой улыбкой и, кланяясь точно заведенный, проводил до самого выхода. Воронцов знал эту породу. Холуй, да еще на секретной службе, он и есть холуй, что с него взять!

Прикупив у гардеробщика пачку исчезнувших в последние дни из магазинов сигарет «Каска», Серж не спеша направился к стоянке такси. Сегодня он вполне может позволить себе нечто большее, например закатиться в бордель к мадам Нарусовой, где самые дорогие проститутки в Харбине, или покутить в «Погребке Рагозинского», где собирались последние осколки русской аристократии. Распухший от восьми сотен долларов кошелек приятно оттягивал карман, и дни, оставшиеся до переброски за Амур, стоило провести с толком.

Воронцов барственно махнул рукой, и через мгновение, весело скрипнув тормозами, рядом с ним остановился «форд». Серж с трудом втиснулся на заднее сиденье и произнес:

– К Свято-Николаевскому собору... Э... нет! К мадам Нарусовой! Буду у нее грехи замаливать...

Закончить фразу ему не удалось. Дверцы машины синхронно распахнулись, и в следующую секунду Сержа так стиснули с обеих сторон, что он не мог ни вдохнуть, ни пошевелиться. Тупое дуло пистолета уперлось в левый бок, а на голову упал холщовый мешок.

Глава 2

Свидетелей этого в целом не странного для Харбина происшествия не было. Тусклый свет газовых фонарей едва пробивался через вечерний полумрак. Начавший накрапывать мелкий дождь быстро смел с улиц праздных гуляк. На пяточке перед рестораном «Ямато» никого не было, швейцар поспешил спрятаться от дождя под козырек над входом и вряд ли обратил внимание на странную суету у такси.

Налетчики действовали молниеносно и слаженно. Не успели захлопнуться дверцы, как «форд», чихнув выхлопными газами, сорвался с места и, набирая скорость, помчался в сторону пристани.

Дуло пистолета, упирившееся в бок Воронцова, сняло с него хмель как рукой. Он попытался пошевелинуться, но тут же похолодел от грозного рыка:

– А ну, тихо! Цацкаться не будем!

Проворные пальцы сноровисто обшарили его с головы до ног. Кошелек с деньгами и браунинг переключивались в чужой карман. Но и с браунингом он вряд ли что мог предпринять. Тертый калач Воронцов сразу сообразил: это не просто бандитский налет.

«Японская контрразведка? – лихорадочно соображал он. – Чушь! Зачем было давать ему явки четырех агентов во Владивостоке и Находке? Мяслики из охранных отрядов „Российского фашистского союза“? Вполне! Таксист русский... Какой, к черту, таксист! Он с ними заодно, везет и не спрашивает. Но зачем я им? Контрразведка атамана Семенова? Так она ходит под японцами. А может... Агенты НКВД!» – обожгла догадка, и сердце бешено забилося.

А «форд», повизгивая тормозами на поворотах, продолжал выписывать замысловатые круги по Харбину. Запахи хуашэна – жаренного на сковороде арахиса и печенной на каштановых углях свинины, проникавшие в кабину, – говорили о том, что они проезжают китайский квартал. Затем тихое шуршание шин сменилось дробным грохотом по брусчатке, и могучий бас главного колокола Свято-Николаевского собора развеял последние сомнения: машина въехала в Новый город, туда, где по-прежнему проживала большая часть русских и находилось советское генеральное консульство.

Прошло еще несколько минут, «форд» плавно сбросил скорость и вскоре остановился. В наступившей тишине послышался лязг металла, затем пронзительно скрипнули петли на воротах.

– Давай въезжай, – послышался чей-то голос во дворе.

Тихая русская речь подтвердила самые худшие предположения Воронцова: он оказался в лапах НКВД! Его бесцеремонно вытолкнули из машины и волоком потащили куда-то вверх. Первое, что он увидел, когда пыльный мешок был наконец сдернут с его головы, – это портреты советских вождей. С одного злорадно таранился всеильный нарком НКВД Лаврентий Берия, а с другого – сам большевистский вождь Иосиф Сталин. Под портретами за двухтумбовым столом, покрытым зеленым сукном, по-хозяйски развалился в кресле, сидел затянутый портупьями крепыш. Голубые петлицы на вороте гимнастерки и говорящий шеврон со щитом и мечом на рукаве невольно заставили Сержа поежиться. Расстегнутая кобура, из которой торчала рукоять пистолета, и двое громил у двери не оставляли сомнений в том, чем все это закончится.

Крепыш энкавэдэшник с ожесточением раздавил о край пепельницы недокуренную папиросину «Беломорканал», прошелся большими пальцами под ремнями портупей и, расправив складки гимнастерки, злорадно процедил:

– Ну что, японский выкормыш, добежался?

Ослепленный ярким светом настольной лампы, направленным в лицо, Воронцов не поплыл и не сломался. Внезапно в нем проснулась жгучая ненависть к большевикам, которые лишили его всего – поместья во Владимирской губернии, блестящей военной карьеры,

будущего, наконец! Вместо этого он оказался на японской помойке, ну так и чего ему теперь бояться?

Серж побледнел и с вызовом ответил:

– Я, русский офицер, ни у кого в холуях не ходил и ходить не буду!

– Не ходил, говоришь? – с полуоборота завелся крепыш и, схватив лежащий перед ним кошелек, потряс им в воздухе.

На стол, будто опавшие листья, посыпались доллары, врученные перед встречей в ресторане «Ямато» шефом Воронцова капитаном Кокисаном. Волосатая пятерня жестко сгребла их, и бумажный комок полетел в лицо Сержа.

– Ах ты, тварь! В ваше благородие решил сыграть! Сейчас поиграем! Ты у меня кровавыми соплями умоешься!

Воронцов не выдержал и взорвался:

– У... Ненавижу! Краснопузая сволочь! Мало я вас, тварей, реза...

Удар кулака заставил его захлебнуться в собственной крови. В следующую секунду тугая петля сдавила запястья, дикая боль пронзила плечи, и Серж, судорожно трепыхнувшись всем телом, низко завис над полом. Кабинет был подготовлен под пытку. Для особо несговорчивых в потолок был вделан крюк. Энкавэдэшники накинудись на него и принялись хлестать резиновыми шлангами по ногам, спине и животу. Серж продолжал материть своих мучителей, но силы быстро покинули его. Как сквозь вату, до него донеслось:

– Хорош! А то сдохнет!

Веревка скользнула по крюку, и тело Сержа тряпичной куклой распласталось на полу. Очнулся он от резкого запаха нашатыря, а вместе с сознанием к нему снова вернулась боль, сконцентрировавшаяся под левой лопаткой.

– Давно работаешь на узкоглазых? Тебя вербовал Кокисан? Кто твой резидент? – сыпался на него град вопросов. – Кто обеспечивает проводку через границу? Говори, тварь, кто?!

Кокисан... Он сказал «Кокисан»... Эта поразительная осведомленность повергла Сержа в ужас. Они знали всё! Да, но откуда? Впрочем, он не находил объяснений, да, собственно, это уже не имело никакого значения. В его положении не оставалось иного выхода, как покончить одним разом и с пытками, и с жизнью. Собравшись с силами, Воронцов плюнул в ненавистную рожу кровавой слюной. Энкавэдэшник взбеленился, удар сапогом отбросил Сержа к стене, и пытки продолжились. Желанная смерть не приходила – вместо нее одна только жгучая боль.

Под воздействием холодной воды и нашатырного спирта он время от времени приходил в сознание. В один из таких моментов ему показалось, что он слышит голос Кокисана. Серж с трудом разлепил налившиеся свинцом веки и среди энкавэдэшников действительно увидел своего шефа. Нет, не может быть... Серж тряхнул головой, но Кокисан никуда не пропал. Серый костюм в клеточку, знакомая заколка в виде дракона на галстуке, шрам на подбородке – все совпадало до мельчайших подробностей: перед ним стоял живой, из плоти и крови, Кокисан.

Разжав запекшиеся от крови губы, Серж попытался что-то сказать, но его никто не услышал.

– Болваны тупоголовые! Скоты! Чего стоите, еще воды! – взревел шеф.

Это подействовало. Мнимый энкавэдэшник трясущимися руками схватился за графин и принялся наливать воду в стакан. Кокисан вырвал стакан из его рук, приподнял голову Воронцова и попытался напоить. Тот, давясь и расплескивая воду, жадными глотками опустошил стакан до дна и без сил распластался на полу. Какое-то время в кабинете стояла мертвая тишина. Серж понял, что ему устроили проверку, и готов был растерзать на куски своего шефа.

– Как вы себя чувствуете, Серж? – пряча глаза, спросил Кокисан.

Воронцов ожег его таким взглядом, что японец невольно поежился и выдавил из себя:

– Извините, Серж, но обстоятельства оказались выше нас и...

- Какие... еще об... обстоятельства?
- Вы знали Вадима Шувалова? – прозвучал вопрос.
- Ротмистра?
- Да! И что?
- Он агент НКВД!
- А?... – У Сержа не нашлось слов.
- Он дал показания на вас.
- Что?! – забыв о боли, Серж вскочил.
- Да-да! Он сообщил, что вы состояли в шпионской сети красных.
- Я?... Вы сумасшедший, капитан!

Кокисан распорядился:

- Егоров, пусть приведут Шувалова!

Затянутый портупьями крепыш суетливо выскочил за дверь, а вместе с ним и его «гориллы». Оставшись наедине, Воронцов и Кокисан еще долго сверлили друг друга взглядами. Потом Серж с ожесточением сказал:

- Капитан, зачем весь этот спектакль с советским консульством, с мясниками из НКВД?

Если вы...

– Извините, Серж, – перебил его Кокисан, – повторяю, обстоятельства оказались выше нас, и потому...

- Какие, к черту, обстоятельства!

– Позвольте продолжить? Задание, которое вам предстоит выполнить с Паком, крайне важное...

- И потому из меня надо сделать отбивную?! – вскипел Воронцов.
- Мы вам верили, а теперь верим вдвойне, и если бы не Шувалов...
- Да при чем тут Шувалов! Он что...

В этот момент дверь распахнулась, и, подталкиваемый в спину, в комнату ввалился ротмистр. Воронцов с трудом узнал своего бывшего однополчанина. Пыточных дел мастера поработали на славу: вместо лица была сплошная синюшная маска, глаза под нависшими веками смотрели с испугом.

Кокисан зловеще ухмыльнулся:

- Ну, Шувалов, повтори, что ты нам сообщил!

Ротмистр молчал, Кокисан занес руку для удара.

– Серж, прости! – Воронцов с трудом расслышал вылетевшие из разбитых губ покаянные слова.

- Э, Егоров, освежи-ка память этой сволочи!

Удар кулака переломил тело ротмистра надвое. Воронцову было неприятно смотреть на это, он даже поймал себя на мысли, что сочувствует доносчику. А кровавый спектакль между тем продолжался. Ведро холодной воды привело Шувалова в чувство. Ротмистр судорожно дернулся, приоткрыл глаза и в предчувствии нового удара сжался в комок. Кокисан наклонился над ним и прорычал:

- Такты говоришь, Воронцов работает на вас?!
- Ну и сволочь же ты... – сам не понимая, к кому обращает эти слова, проговорил Воронцов.

- Серж, это... не... это невозможно в... выдержать, – прошелестел Шувалов. – Они...

– Ты в своем уме?! – Теперь уже негодование Воронцова было вполне искренним. – Я... большевик?! Ах ты, тварь!

- Серж, я... Я эт-того не говорил... Это ска... сказал М-ме... ли... хов.

- Кто?

– Мелихов, главарь большевистского подполья в Главных железнодорожных мастерских, – счел нужным пояснить Кокисан.

– Я агент Мелихова?! Я... – От злости у Воронцова перехватило дыхание.

– Серж, про... прости, эт... это вы... выше моих сил, – взмолился Шувалов.

– Заткнись, тварь! – взревел Воронцов.

Бешеная злоба вернула ему силы. Невзирая на боль, он метнулся к столу, на котором лежал изъятый у него еще в машине браунинг.

– Не-ет! – закричал Шувалов, нелепо выставив вперед руки, словно пытаясь защититься от пули.

Первая же пуля сразила его наповал. Кокисан с Егоровым замерли. В обойме браунинга оставались еще патроны, секунда – и Воронцов разрядит всю обойму в них. Егоров потянулся к кобуре, но это оказалось лишним – Воронцов положил оружие на стол. Из его разбитого носа струей хлынула кровь, он качнулся и как подкошенный рухнул на пол.

Первым пришел в себя Кокисан. Срывающимся голосом он распорядился:

– Егоров, срочно врача!

Крепыш выскочил в коридор.

Через полчаса в кабинете уже ничего не напоминало о разыгравшейся трагедии. Тело Шувалова унесли во двор, чтобы позже вывезти и зарыть на глухом пустыре. Воронцова выхаживал местный эскулап, большой специалист по такого рода лечению. «Музыкальная шкатулка» японской разведки закрылась до проверки очередного «солиста». На сей раз обошлось...

* * *

Над Харбином занимался рассвет. Тусклые лучи солнца пока безуспешно пытались пробить густую пелену тумана, поднимавшегося над Сунгари. От легкой ряби на воде веяло холодком. В китайских кварталах оглушительно пели петухи. Но вовсе не они нарушили чуткий сон Каймадо. Разведчик проснулся от тихого скрипа форточки на утреннем сквозняке. Инстинкт грозящей опасности, поселившийся в нем лет пятнадцать назад и не покидавший все это время, мгновенно прогнал остатки сна. Каймадо пробежался глазами по комнате. Кажется, ее недавно отремонтировали. На потолке ни единой трещины, на стенах, покрытых светлой краской, висело несколько незатейливых картин. Одна из них, с любовно выписанным снежным конусом Фудзиямы, заставила Каймадо улыбнуться. О нем проявили заботу – это приятно. Ниумура явно хотел, чтобы его подчиненный чувствовал себя в Харбине как дома.

Вставать не хотелось, но привычка оказалась сильнее. Разведчик рывком отбросил в сторону одеяло, направился в ванную, умылся холодной водой и, потягиваясь, вышел во двор. Бодрящая прохлада заставила поежиться. Каймадо сошел с посыпанной гравием дорожки и по мокрой от росы траве прошел в глубь сада, где мог заняться привычным для него комплексом упражнений.

Настоящий самурай должен заботиться о крепости тела ничуть не меньше, чем о крепости духа. Эту нехитрую истину он впитал с молоком матери. Как бы ни складывались обстоятельства, свой день Каймадо всегда начинал с зарядки. Даже в мрачном подвале ОГПУ, где ему пришлось провести несколько дней после перехода советско-китайской границы, он не изменил своей привычке. Путь Меча – боевое искусство, которым владеют немногие, не прощает лености.

Идеалом Каймадо был Великий мастер боевых искусств, бог и дьявол одновременно – Коро Абэ, ушедший из жизни так и не побежденным. В свои шестьдесят он сумел устоять даже перед Большим воином, молодым и дерзким Такамотой, которому помогал сам сёгун, Великий

полководец, покоряющий варваров, подаривший Такамото свой меч, как говорят, обладающий колдовской силой.

Этой схватки с нетерпением дожидались многие самураи. У крепостной стены было не протолкнуться. Свободной оставалась только маленькая площадка, посыпанная желтым речным песком, – именно на ней должны были произойти решающие события.

Когда горизонт на востоке робко окрасила бледно-розовая полоса, толпа замерла. В воздухе пахло кровью. «Кто – кого?» – этот вопрос занимал каждого из присутствующих. Порыв ветра, налетевший с гор, разорвал в клочья туман, и взорам предстали две фигуры, поблескивающие легкими доспехами. Большой воин Такамото и Коро Абэ, издав грозный клич, двинулись навстречу Великой славе. О смерти в этот момент никто из них не думал. По правилам поединка сначала они мерили друг друга взглядами; во взглядах концентрировалась сила духа, без которой немислим настоящий боец. Молодой Такамото прелюдию к бою проиграл, он первым опустил глаза и потянулся к мечу, рассчитывая взять реванш просчитанным мастерством ударов. Кору Абэ отступил на шаг, не торопясь подобрал края хакама, привычным движением обнажил свой фамильный меч. Теперь он был готов к поединку.

Такамото первым ринулся в атаку, и над площадкой поплыл тягучий, сладостный для воинов звон металла. В лучах восходящего солнца волшебный меч Такамоты сверкал как молния, выпады были смелыми и опасными. Кору Абэ вынужден был отступить под натиском молодой силы. Казалось, еще чуть-чуть – и меч Такамоты достигнет своей цели, но многоопытный боец каким-то чудом все же ускользал от смертельного удара.

Такамота продолжал наступать. К ужасу самураев, болевших за Абэ, молодой воин выбил меч из рук старика. Осталось нанести последний удар, и Такамота может праздновать победу. Но удар пришелся в пустоту. Кору Абэ, упавший на песок, на удивление легко проскочил под мечом противника, затем невообразимым образом прыгнул ему на спину и кувырком увлек вниз. Такамото ничего не сумел предпринять. Смерть оказалась мгновенной.

Мертвая тишина над поляной была взорвана восторженным ревом. Но старый Абэ остался невозмутимым. Он молча подобрал меч противника, ставший теперь его достоянием. Поединок у стен старинного замка в очередной раз подтвердил главную истину боевых искусств – когда соперники равны, когда тела одинаково тренированы и мечи остры, победить может только дух...

Каймадо все эти годы неукоснительно следовал заветам Великого мастера, упорно, изо дня в день он закалял свой дух и тренировал тело. И сейчас, повернувшись к востоку, он подставил лицо солнцу, развел руки в стороны, подобно лепесткам лотоса, и застыл как изваяние. Медитация пробуждала в каждой клеточке его тела силу, которой должно было хватить не на один поединок.

Минута, другая, третья... Наконец Каймадо открыл глаза, сделал глубокий вдох и, как крадущийся барс, плавно заскользил по лужайке. Следующие десять минут он посвятил ката – техническим формам борьбы с воображаемым противником. Молниеносные выпады вперед и назад сопровождались веером ударов, один защитный блок сменял другой. Короткая пауза – и упражнения повторялись. Мастерство надо оттачивать, только в этом случае оно станет мастерством. Со стороны Каймадо напоминал гигантского паука, готового сразить сотни врагов.

Чуткое ухо уловило стук калитки. Каймадо прервал тренировку и обернулся. По дорожке быстрым шагом шел Кокисан, а за ним тенью скользил смотритель конспиративной квартиры Никамура. Каймадо был искренне рад появлению Кокисана, с этим человеком он познакомился недавно, в свой прошлый приезд в Харбин, но о его успехах в разведке был наслышан и раньше.

Кокисан, бросив оценивающий взгляд на фигуру потомка самураев, с восхищением сказал:

– Я вижу, вы в отличной форме, Каймадо-сан!
– Благодарю вас. Следовать истине – высший идеал воина, но вторая заповедь гласит: содержи свое тело в порядке.

– Извините, что прервал ваше занятие.

– Ничего страшного. Ваш приход скрасит мой досуг. Сидеть в четырех стенах я не привык. Тем более, мне и словом перекинуться не с кем.

Кокисан хмыкнул:

– О, понимаю вас. Хозяин этого дома, конечно, не Цицерон, зато ему нет равных в другом искусстве.

– Догадываюсь, – коротко сказал Каймадо, не желавший развивать эту тему. – Но все же позвольте поинтересоваться – что вас привело в столь ранний час?

– Указание господина Ниумуры. Он просил ознакомить вас с одним материалом.

– Что-то срочное?

– Нет, но, ручаюсь, вам это будет интересно. Вопрос касается вашего помощника... Может, пройдем в дом?

Каймадо кивнул на беседку:

– Там нам будет удобно.

– Что ж, не возражаю, – согласился Кокисан и распорядился: – Никамура, принеси-ка халат господину Каймадо и подай нам чай!

Смотритель склонил голову в поклоне и поспешил в дом. Каймадо аккуратно поставил рядом со входом бокен – тренировочный меч – и вслед за Кокисаном прошел в беседку, скрытую от любопытных глаз кустами персидской сирени. Здесь можно было спокойно поговорить, но Кокисан не спешил открывать портфель, который ни на секунду не выпускал из рук. Несколько минут они вели пустой разговор об изменениях, произошедших в Харбине за последнее время.

Вскоре появился Никамура с подносом в руках и шелковым халатом, переброшенным через плечо. Смотритель передал халат Каймадо, молча сервировал стол и так же молча вышел.

Кокисан разлил чай по чашкам, и они еще какое-то время без слов наслаждались нежнейшим вкусом. Но затягивать церемонию не хотелось: Каймадо знал о проверке Сержа Воронцова, и ему не терпелось узнать, чем она закончилась. Знал он о том, что автором испытаний для будущих резидентов был Ниумура. «Застенок НКВД», гнездившийся под крышей «советского генконсульства», был отличным мерилем стойкости. Многие, сломившись под пытками, спешили сознаться даже в том, к чему ни имели никакого отношения; другие стойко держались до конца. Первых расстреливали, вторые составляли костяк японской разведки.

Допив свой чай, Кокисан наконец щелкнул застежками портфеля и извлек на свет три листа бумаги, исписанные чьим-то размашистым почерком. Каймадо жадно пробежался глазами по первому листу и покачал головой:

– Но ведь здесь нечего читать!

– Да, действительно нечего, дальше сплошной мат, – улыбнулся Кокисан.

– Выходит, не сломался?

– Держался до конца. Ненависть к красным у него в крови. Такой скорее язык проглотит, чем выдаст нас врагу.

– А что, немые в нашем деле – это совсем неплохо... – Ухмыльнувшись, Каймадо продолжил чтение.

Пока он читал, Кокисан наслаждался тишиной сада. Свежая зелень радовала глаз. Над пестрыми клумбами порхали бабочки. Мирная картина, но как быстро она может измениться. За высоким забором, ограждающем сад по периметру, все по-другому. Пыльная улица, чахлые деревца, тревожные звуки клаксонов... И проблемы, проблемы, проблемы, связанные с работой. Вот одна из них – Мелихов. Большевистского вожака следует устранить. Сделать это – не

проблема, но какому способу отдать предпочтение? И потом, куда девать тело? Опять перекапывать пустырь? А может, зарыть его под этой клумбой? Кокисан кисло улыбнулся – фантазия в последнее время стала его подводить.

Дочитав до конца последний лист, Каймадо спросил:

– А что, Шувалов действительно был агентом НКВД?

– Конечно нет! Просто сочувствовал большевикам, и нам это удалось установить, – пояснил Кокисан.

– Но как вы все это подстроили?

– Очень просто, вышли на Мелихова. В конце концов, Воронцову тоже нужна хорошая легенда.

– Мелихов? А это еще кто?

– Большевистский вожак в Главных железнодорожных мастерских.

– А что он знает о Воронцове?! – Каймадо раздраженно забарабанил пальцами по столу.

Кокисан внимательно взглянул на собеседника:

– По-моему, вам не о чем беспокоиться. Комбинацию «Воронцов – Шувалов – Мелихов» придумал лично Ниумура. Шувалов сообщает Мелихову, что Воронцов готов помочь красным...

– Боюсь, это плохой сценарий, если о Воронцове осведомлено все харбинское подполье! – раздраженно перебил собеседника Каймадо. – Проверка – необходимый элемент нашей работы, но, мне кажется, вы выбрали слишком сложный путь.

– Сложный? Вовсе нет! Воронцов – стреляный воробей, и его, как говорят русские, на мякине не проведешь. Нужна была именно такая встряска. Многоходовая комбинация, Каймадо-сан, была придумана исключительно для вашей безопасности. Ну хорошо, давайте я уточню. Настроение Шувалова в последнее время нам не нравилось. Тогда мы подсунили его Мелихову, и сделали это через одного надежного агента, которому Мелихов доверяет безоговорочно. Шувалов рассказал Мелихову о Воронцове: мол, есть у него старинный приятель, служили вместе... Мелихов клюнул и поручил Шувалову прощупать друга. А дальше дело техники. Мы забираем Шувалова, пускаем «утку», что Мелихов настучал на обоих, и на Шувалова, и на Воронцова, и дожимаем до нужной кондиции.

– Об этом я уже читал, – недовольно дернул головой Каймадо. – Напрягает другое: у подпольщиков могли остаться концы...

– Любые концы можно обрубить, – легко заверил Кокисан.

Однако Каймадо знал, что лишняя информация в разведке часто возвращается бумерангом к тем, кто ее запустил. Если фамилия Воронцова засветилась перед Мелиховым и Шуваловым, значит, рано или поздно она может всплыть и в военной разведке русских, и в НКВД. А там есть свои мастера тянуть за ниточки...

По лицу Каймадо пробежала тень, и это не скрылось от глаз внимательного Кокисана.

– О, я, кажется, понимаю ваши опасения, но они излишни. Шувалов уже ничего не скажет!

– Не скажет почему?

– Воронцов его прикончил.

– Прикончил? Как это ему удалось?

– Смею вас заверить, неожиданно для нас. Хотя... мы на это рассчитывали. Егоров специально оставил браунинг на столе. Воронцов схватил его и разрядил в Шувалова. Конечно, мы рисковал и, но, к счастью, обошлось без лишних жертв.

– Вот как? И не жаль агента?

– Я же вам сказал, что он оказался с гнильцой. У нас и получше материал есть, – с презрением ответил Кокисан.

– А Мелихов? Он тоже застрелился?

– Нет, но шестое чувство подсказывает мне, что сегодня он... утонет. Вода в реке еще слишком холодна для купания.

– Утонет? – усмехнулся Каймадо. – Однако вы с фантазией работаете!

– Поверьте, Каймадо-сан, Ниумура разработал превосходную комбинацию. Вы – один из лучших наших кадров, и рисковать мы не могли.

Каймадо приятно было слышать эти слова, но сейчас его интересовало совсем другое.

– Когда вы собираетесь переправить Воронцова за Амур?

– Как только он придет в себя.

– И долго ждать?

– Думаю, через неделю будет готов.

– Через неделю? Представляю, что вы с ним сотворили! Последствия могут быть непредсказуемыми...

– Пусть скажет спасибо, что мы не разглядели в нем агента красных.

– Ну что ж, посмотрим, как он поведет себя у русских, – примирительно сказал Каймадо и предложил перейти к другим делам.

А дел у резидента советской разведки Каймадо/Пака набралось немало. За полтора месяца ему предстояло исколесить пол-Маньчжурии, встретиться с девятью агентами и получить от них информацию. Особое место в этом вояже занимала поездка в Синьцзин, где терялись следы Вана. Информация этого агента всегда отличалась точностью, перепроверять ее не было нужды. Связь с Ваном оборвалась два месяца назад. В разведуправлении не хотели мириться с мыслью о провале и грешили на связника, испарившегося где-то на полпути к штабу. Убит? Захвачен в плен? В любом случае потеря была неизмерима с потерей Вана. И все же надежда на то, что Ван уцелел, оставалась. Подкрепляло ее и последнее донесение другого агента Абэ, работавшего в святая святых – в контрразведке Квантунской армии. В железнодорожном управлении Синьцзина был разоблачен советский агент, но более об арестах ни слова. Значит, Ван на свободе, а это уже кое-что. Но что?

Взвесив все за и против, начальник Третьего разведывательного отдела майор госбезопасности Виктор Казаков решил рискнуть и отправить для выяснения ситуации одного из лучших своих резидентов, полагаясь на его невероятную удачливость. Так Каймадо/Пак оказался за Амуром. Надо сказать, что руководство разведуправления округа долго колебалось, прежде чем принять окончательное решение. Однако накаленная обстановка на советско-маньчжурской границе, грозившая в любой момент перерасти в войну, не оставляла времени для раздумий. Служебное положение Вана позволяло ему раздобыть глубоко засекреченный план передвижения железнодорожных составов, а по нему можно было о многом догадаться. Ради этого стоило рискнуть.

В Европе война полыхала уже полтора года, и в надежность заключенного 23 августа 1939 года советско-германского договора о дружбе уже мало кто верил. Какая там дружба, когда Гитлер уже тысячу раз доказал свою вероломность? Польша покрылась сетью гетто; относительно легкой добычей наци стали Норвегия и Дания; Великобритания один за другим теряла свои суда; тяжелые танки отутюжили территорию Бельгии, Нидерландов и Люксембурга и через них проникли во Францию. Перед истеричным диктатором склонились капитулянты и предатели, прежде имевшие репутацию серьезных политиков, Рейно, Петен и Лаваль, а Комитет свободной Франции, возглавленный генералом де Голлем, пока еще только набирал силы и был слишком слаб...

Российские обыватели, может быть, еще верили в чудо. Вернее, даже не в чудо, а в беспечное наше авось. Но в разведуправлениях Особого Киевского, Белорусского, Дальневосточного и Забайкальского военных округов работали реалисты. Показания арестованных шпионов, которых пачками засылали на советскую территорию, участвовавшие налеты белогвардейских банд на погранзаставы, но главное – оперативная информация, поступающая от закордонных

резидентур, красноречиво свидетельствовали: мирные дни на излете, единственное, что остается, – быть готовым к отпору врага, знать о возможных направлениях его стратегических ударов, – и работу разведки в решении этой задачи невозможно было переоценить.

* * *

Каких-то три года назад ни майор Казаков, ни его непосредственное начальство из разведуправления не могли и предположить, что окажутся в самой гуще дальневосточных событий. Советский агент Ван успешно легализовался в тихом провинциальном городке под поэтическим названием Чанчунь: Чан – «длительный», Чунь – «весна», получается Длительная Весна. Об этом городке никто и не знал, пока в 1897 году здесь не начали строить КВЖД. В 1931 году Чанчунь был оккупирован японскими войсками. Новые власти объявили его столицей марионеточного государства Маньчжоу-го и переименовали в Синьцзин, что означало Новая столица. На берегах реки Итунхэ вырос крупный железнодорожный узел, и этом нельзя было не воспользоваться.

Китай к этому времени переживал свою трагедию. Единственное назначение возникшего на северо-востоке Китая в марте 1932 года марионеточного государства Маньчжоу-го было создание военного плацдарма для нападения на СССР. Верховным правителем Маньчжоу-го стал последний император маньчжурской династии Цин (и кто сказал, что она Чистая, если следовать точному переводу с китайского?) – безвольный и по-своему несчастный Пу И, игрушка в руках более сильных игроков. Власть императора ровным счетом ничего не значила, всем заправляли японские советники, имевшие завидную военную выправку. Квантунская армия росла не по дням, а по часам. С 1935 года ей противостояла Северо-Восточная объединенная антияпонская армия, но силы были неравны. В 1938 году японские войска устроили заварушку в районе озера Хасан, а в 1939-м – на берегах реки Халхин-Гол. К 1941 году от китайской армии не осталось почти ничего, и потомки самураев смогли вздохнуть спокойно.

Очевидным было то, что в Маньчжоу-го завязался тугой узел политических интриг, который пыталась распутать советская разведка. Синьцзин поражал чистотой центральных улиц, богатство витрин ослепляло даже европейцев, которые спешили открыть здесь представительства своих фирм. Как водится, за фирмами могло скрываться что угодно, и Каймадо, выполняя приказ Казакова, первым делом намеревался отправиться в Новую столицу.

Но уже по пересечении границы поездка неожиданно была отложена. Генерал Янагита преследовал свои цели. Он прекрасно знал об агенте Ване и не спешил подложить русским «дезинформационного ежа». Опыт разведчика подсказывал ему подождать, в противном случае задуманная штабными генералами Квантунской армии операция могла сорваться.

Кокисан не стал говорить Каймадо о том, какие жаркие споры на этот счет велись наверху.

– У нас еще будет время поговорить о работе, – уклончиво сказал он. – Пользуйтесь моментом, отдыхайте, такое ведь нечасто бывает.

– Я не привык отдыхать, – признался разведчик. – К тому же тишина меня угнетает. Вы знаете, я люблю поговорить, но с таким собеседником, как Никамура, боюсь, это невозможно. Я так забуду родной язык, – позволил он себе пошутить.

– О, я понимаю! Скажите, а вы не монах?

– Монах? Что вы имеете в виду?

– Ну... вино, девочки... Или большевики отучили вас от этих радостей жизни?

– В большевистской России совсем другие радости.

– А знаете что, отправляйтесь к мадам Нарусовой. У нее такие девочки! – Кокисан мечтательно закатил глаза.

Каймадо едко заметил:

– Воронцов, помнится, тоже нахваливал ее бордель, а в итоге оказался в лапах у вашего Егорова. Признайтесь – к чему вы клоните?

– Да так, просто к слову пришлось, – рассмеялся Кокисан. – Ну что ж, не буду вас больше беспокоить. И все же постарайтесь отдохнуть. После обеда пришло машину, она в вашем распоряжении. Гарантирую, слежки не будет.

Каймадо проводил его до калитки и вернулся в дом. Чтобы убить время, после завтрака он занялся чтением на удивление пустых местных газет.

Вместо обещанной машины через три часа в доме снова появился Кокисан. Как выяснилось, Янагита все же сумел убедить армейских генералов не спешить с дезой. Воскресить агента Вана мог только «русский резидент». Большую игру надо вести по всем правилам. Каймадо надлежало немедленно выехать в Синьцзин.

В тот же вечер Каймадо без особого сожаления покинул пахнувший свежей краской дом в саду и отправился на вокзал. Сопровождал его Кокисан. В машине капитан передал ему билет в вагон второго класса. Документы остались прежние, сработанные в советской разведке. Господин Пак, руководитель отдела крупной фармацевтической компании «Сун Тайхан» в Центральной Маньчжурии. Во всяком случае, ни один полицейский патруль придаться к ним не смог.

Расставание было коротким, без слов. В пути Каймадо намеревался еще раз пробежаться глазами по перечню лекарственных препаратов: настоящий разведчик должен знать всё. Подхватив саквояж, он плотнее запахнул плащ и неспешно зашагал к главному входу в здание вокзала.

Несмотря на поздний час, народу было много. К поезду торопился и военный, и гражданский люд. Галдящий поток пронес разведчика через зал ожидания и выплеснул на перрон, где царил настоящий японский порядок. Благоухающая дорогим одеколоном, еще более дорогим табаком, но главное – властью, чинная очередь выстроилась у вагонов класса люкс. Проводники услужливо кланялись пассажирам, за безопасностью которых зорко следили полицейские. Публика попроще шла в конец состава.

У Каймадо были билеты в пятый вагон. В купе, судя по внешнему виду, собрались коммерсанты средней руки. В вагоне были и советские чиновники из «Дальторга» (Каймадо сразу уловил русскую речь). Кажется, они были его «коллегами» – проводили закупки местных лекарственных трав. Чуткий нос уловил запах хэймура – незаменимого средства при болях в желудке, приятно пахло лимонником, или увэйцзы, способным поднять тонус даже у мертвого, и резко – пинбэйму, рябчиком, луковичным растением семейства лилейных, незаменимым для туберкулезников. Каймадо усмехнулся: а из него получился бы неплохой фармацевт.

Предпосадочную суету сменило тревожное ожидание. Проверка документов была нештучным испытанием, подкопаться могли к любой запятой. Для Каймадо она окончилась благополучно, для его спутников, в общем-то, тоже. Жертвой едва не стал русоволосый здоровяк из соседнего купе. Мешковатый костюм не мог скрыть его военной выправки. Чувствовалось, что мужчина с трудом скрывает классовую ненависть (японского жандарма сопровождали двое русских, явно из бывших белогвардейцев), но все же он совладал с собой и дал проверить багаж, в котором ничего предосудительного не оказалось. Пострадал только безвестный китаец, который, кажется, пытался проехать по неправильно оформленному билету. Его выволокли из вагона и потащили по перрону под сочувственными взглядами других пассажиров.

Конец тревожения положил сиплый гудок паровоза. За окном все быстрее замелькали тусклые огни газовых фонарей, а вскоре и они пропали из виду. Пассажиры расслабились. Через полчаса проводник уже разносил по купе вечерний чай, но Каймадо отказался от него. Впереди его ждал напряженный день, и, разобрав постель, он быстро нырнул под одеяло.

Глава 3

Всю ночь поезд тащился по унылой маньчжурской степи и только к утру прибыл в Синьцзин. Несмотря на ранний час, на перроне было много народу. Бросались в глаза жандармы, их было столько, что хватило бы для разгона небольшой демонстрации.

Когда поезд застыл у платформы, пассажиры недружной стайкой потянулись к выходу. Каймадо неспешно надел пиджак, перебросил через руку элегантный плащ – только такой подобает носить настоящему коммерсанту – и, подхватив саквояж, вышел в тамбур.

В толпе встречающих мелькнуло знакомое лицо – майор Дейсан, правая рука Ниумуры, занимается вопросами разработки и проведения сложнейших комбинаций. Впервые судьба свела их во Владивостоке в тридцать втором, Дейсан тогда делал первые шаги в разведке. Вспомнив пронырливого «торговца пушниной», который трясущимися руками принимал у него для дальнейшей передачи секретные материалы, Каймадо усмехнулся. От того Дейсана ничего не осталось. Изменился взгляд – стал жестким и уверенным, стала другой осанка: теперь это был человек, знающий себе цену.

Увидев Каймадо, Дейсан коротко поклонился и предложил пройти к машине, которая ждала на площади. Ехать долго не пришлось, гостиница, в которой, как правило, останавливались преуспевающие бизнесмены, обычно китайцы и японцы, находилась в нескольких кварталах от вокзала.

Каймадо с интересом оглядывался по сторонам. Вокзал и прилегающая к нему площадь по размерам хотя и уступали харбинским – те были обустроены с истинно русским размахом, поражали изысканностью восточного колорита. Бросался в глаза идеальный порядок. Власти Маньчжоу-го (а точнее, японская военная администрация, контролирующая любые начинания) лезли из кожи вон, чтобы продемонстрировать «цивилизованному миру»: мы способны противостоять и коммунистам, и гоминьдановцам, создав образцовое – во всем – государство.

За короткое время Синьцзин преобразился. Ничем не примечательный городок удивительно похорошел, приобрел европейский лоск. На месте ветхих китайских фанз, хаотично лепившихся друг к другу, выросли невысокие удобные дома, подорогам, мощенным булыжником, а кое-где даже покрытым асфальтом, оглушительно сигналила клаксонами, без всякого уважения к пешеходам сновали новенькие «форды» и «мерседесы», в торговых заведениях толпился народ. Сохранился, конечно, и другой Синьцзин – все такой же неухоженный, как и его предшественник Чанчунь. Но на зловонные узкие улочки, вившиеся по окраинам, иностранцы предпочитали не заглядывать. Жизнь сосредоточилась в центре города, где открыли свои представительства крупнейшие мировые компании. По вечерам город освещался сотнями огней. Для местных жителей диковинным было электрическое освещение, но еще более диковинным – пестрые огни рекламы, зазывавшей в казино, синематографы и прочие увеселительные заведения. Под императорский дворец частично были переделаны несколько зданий транспортного управления соляной компании. Смотрелись они неплохо, хотя и представляли нетипичную для Востока эклектику: японский модерн соседствовал с готикой, а рядом дома в традиционном китайском стиле. Надо думать, Пу И во дворце было комфортно. К прогулкам располагал тенистый сад, он мог поплавать в открытом бассейне и даже размяться на теннисном корте – к этой игре его пристрастила некоторое время жившая в Америке четвертая, любимая, жена.

Каймадо с неподдельным интересом разглядывал новую столицу, и сердце его наполнялось гордостью за Японию, это была великая идея – создать в Маньчжурии цветущий оазис благополучия. Но он не мог не думать о предстоящем задании. Советский агент Ван... Почему так долго не выходит на связь? В душе Каймадо все более разгоралась тревога. А тревожиться было о чем. Установив связь с Ваном, он передаст его японской разведке. Ниумура клялся, что до его, Каймадо, возвращения в Советский Союз Вана не тронут, но словам старой лисы

доверять было бы глупо. Накануне войны с Советами Вану никто не позволит безнаказанно передавать информацию русской разведке. Агент обречен, и, скорее всего, его арестуют сразу после встречи. А это уже грозило самому Каймадо. Арест Вана утаить не удастся, подозрения в этом случае падут на него: цепочка слишком прозрачна. Можно, конечно, рассчитывать на поддержку майора Казакова, но и он будет бессилён перед НКВД. Каймадо нахмурился. Русские умеют пытать. Пятнадцать лет назад, в двадцать пятом, ему довелось провести два дня в подвалах ОГПУ. Воспоминаний хватит на всю жизнь. Тогда он выдержал только потому, что имел прекрасную подготовку и умел медитировать. И конечно, ему повезло, других так просто не отпускали.

Автомобиль остановился у входа в гостиницу. Вышколенный китаец-портёе принял у Каймадо саквояж и засеменил вперед. Номер, забронированный на имя торгового представителя известной фармацевтической компании, находился на втором этаже. Каймадо номер понравился. Чисто, уютно, хотя и без особого шика. Двухспальная кровать, секретер, маленькая ванная с отдельным входом. Из окна виден ухоженный скверик, в котором цвела сирень. В последний свой приезд в Синьцзин он жил в дешевых меблированных комнатах китайского квартала. Веселое было время! Днем ему приходилось воевать с толпами нищих, досаждавших постояльцам, а по ночам – с полчищами ненасытных клопов.

Ноздри щекотали аппетитные запахи, доносившиеся из ресторана. Каймадо вспомнил, что последний раз ел почти сутки назад. Дейсан предложил позавтракать в номере, по крайней мере здесь можно было поговорить. За завтраком они успели обсудить детали предстоящей операции. Выполнить задание было не так-то просто. Майор Казаков поспешил на информацию, о Ване сообщил лишь необходимый минимум, которого было недостаточно для того, чтобы за короткий отрезок времени отыскать нужного человека в громадном управлении железной дороги, ведь в списке служащих он был указан под другой фамилией. Но Каймадо надеялся на удачу, к тому же он не мог не оправдать возлагавшиеся на него надежды.

Выпив традиционный чай, он отправился в город. Согласно инструкции ему предстояло отыскать редакцию газеты «Манею Симбун» и опубликовать объявление, которое должно было послужить сигналом для Вана. Идти пришлось довольно далеко – редакция располагалась в китайском квартале, – но Каймадо шагал уверенно: профессиональный разведчик, он прекрасно ориентировался в незнакомых местах.

Нужный дом оказался настолько старым, что даже подойти к нему было страшно. Редакция располагалась в полуподвальном этаже. Рассохшиеся деревянные ступени угрожающе скрипели под ногами, и Каймадо поторопился нырнуть в грязноватый, с облупившимися стенами коридор, в самом конце которого располагался нужный ему отдел объявлений. Облупленная дверь легко поддавалась, и он вошел в тесную каморку, интерьер которой составляли небольшой стол, зеленое сукно которого было густо закапано чернилами, два шатких стула и покосившийся шкаф, заваленный доверху кипами бумаг.

Отделом заведовал похожий на маленькую юркую обезьянку человечек. Каймадо удивил его дорогой, европейского покроя костюм, совершенно не гармонировавший с обстановкой. Имеет источник дополнительных доходов? Но кто ему платит и за что?

Человечек вопросительно взглянул на Каймадо, проворно убрал со стула стопку пыльных папок и предложил сесть:

– Я весь внимание, господин... господин...

– Пак, – брезгливо поморщившись, представился Каймадо, достал из кармана пиджака кожаное портмоне, вытащил из него заранее написанное объявление и требовательно произнес: – Это должно выйти в ближайшем номере газеты!

– Хорошо, хорошо! Любое пожелание клиента для нас закон. Для нас...

– Так когда это будет опубликовано? – перебил человечка Каймадо.

– Не позже завтрашнего утра! Свободное место на полосе мы найдем! – Прочитав объявление, человек сочувственно зацокал языком: – Ах, какая неприятность! Ах, какая неприятность! Но вы знаете, все можно исправить! Это прекрасно, что вы решили обратиться к нам!

Казалось, он вот-вот расплатится, но глаза-бусинки при этом алчно буравили туго набитое портмоне.

На первый взгляд в тексте ничего особенного не содержалось: «Представительство фармацевтической компании “Сун Тайхан” в Синьцзине будет признательно тому, кто найдет и возвратит утерянную печать. Обращаться в гостиницу “Кокоро” к господину Паку. Вознаграждение гарантировано». Ежедневно на последних страницах «Манею Симбун» печаталось нечто подобное, но агент Ван, прочитав это, должен выйти на связь.

Каймадо швырнул на стол четыре доллара и на ходу бросил:

– Повторите объявление в четырех номерах!

– Конечно, конечно! – закивал человек, схватил деньги и спрятал в карман.

На улице дышалось гораздо легче, хотя китайский квартал есть китайский квартал. Пропитанный специями воздух казался густым. Солнце припекало, и Каймадо перешел в тень. Можно было бы нанять рикшу, но он направился к центру города пешком.

Газета даст объявление только на следующее утро, значит, до встречи с Ваном оставались целые сутки. Каймадо улыбнулся. Прекрасно! Двадцать четыре часа он может оставаться самим собой, а потом... а потом, когда Ван придет на встречу, сыграет роль товарища из Москвы, секретного сотрудника, резидента. Ему не привыкать, он всю жизнь играет роль, и Ван ни о чем не догадается. А там... Может, и пронесет, как говорят русские. В конце концов, почему арест Вана обязательно должен быть связан с его персоной?

Настроение стало улучшаться, Каймадо бесцельно брел по городу, рассматривая витрины магазинов. Табачная лавка, книжная... В книжную он решил заглянуть. Страсть к чтению, зародившаяся в раннем детстве, не покидала его никогда. У него не было возможности собрать свою библиотеку, но он всегда с жадным интересом копался в книжных развалах. Здесь, в Китае, можно было найти уникальные экземпляры. Смутное время, начало которому положила Синьхайская революция, свергнувшая маньчжурскую династию Цин, опустошила дворцы многих правителей. И если предметы роскоши растаскивали неумные в своей жадности обыватели, то книги никому не были нужны. Их жгли, на них сидели, как на стульях, просто выбрасывали, но Каймадо не позволял себе взять ни единого фолианта. Железное правило разведчика – любые привязанности есть слабое место – удерживало от искушения.

К концу дня ноги уже гудели от усталости, но в гостиницу идти не хотелось. Каймадо решил перекусить в городе. Чтобы доставить самому себе удовольствие, он решил полакомиться деликатесом из деликатесов – супом из ласточкиных гнезд. Такой суп стоил целое состояние, но Каймадо располагал средствами.

Сидя за столиком ресторана, он вспоминал легенду, которую в далеком детстве рассказывала ему мать. Первыми суп из ласточкиных гнезд попробовали китайские воины, вытесненные войсками Чингисхана на скалистый остров Нансей. В поисках съестного они перерыли все, но остров был пуст, даже трава не росла. Тогда кто-то решил положить в походный котелок с кипятком пустое гнездо, сорванное со скалы. Суп оказался прекрасен на вкус. Кроме того, все отведавшие его почувствовали, как в измученные тела возвращаются силы. Секрет, очевидно, в том, что в каждом гнезде содержится ценнейший белок – рыба икра и высушенные солнцем мальки, скрепленные слюной птиц. Гнезда эти собирают вручную, и часто без жертв не обходится. Крохотные ласточки, защищая свой дом, становятся настоящими фуриями. А рецепт приготовления супа прост. Сначала гнездо вымачивают, затем очищают его от грязи и... варят, пока не станет мягким.

Однако каждый повар положит в суп свои специи, поэтому суп, приготовленный в Пекине, будет отличаться от супа, приготовленного в Синьцзине, и даже в соседних ресторанах вкус блюда будет отличаться.

Под суп Каймадо заказал водку – не саке, а настоящую русскую водку. Водка оказалась «правильной» (Каймадо знал, что в некоторых китайских ресторанах ее любят разбавлять), и вскоре по телу разлилось приятное тепло. Он ценил такие минуты, редкие в его профессии, и в гостиницу засобиравшись только к вечеру, когда на улице уже стали сгущаться плотные сумерки.

Темные глазницы окон насторожили, но, как выяснилось, из строя вышла проводка. Услужливый бой встретил его у входа с керосиновой лампой в руках и проводил в номер.

Отпустив его, Каймадо не стал зажигать свечи. Лег в кровать и постарался заснуть, однако сон не шел.

Предстоящая встреча с Ваном не давала покоя. Кто знает, как будут развиваться события... Не исключено, что Ван не придет. Бывает, люди теряются, и никакая разведка их не найдет – ни русская, ни японская, ни немецкая. В глубине души Каймадо надеялся именно на такой исход. Поворочавшись с боку на бок, он все же заснул.

Утро, как обычно, началось с упражнений, правда, проделывать их пришлось в номере. После зарядки он принял душ, заказал в номер легкий завтрак и стал ждать.

Через полчаса в дверь постучали, но это оказался Дейсан. В глазах майора читалось нетерпение: поимка «красного агента» служила гарантом его дальнейшего продвижения по службе. Каймадо это не понравилось. Сухо поздоровавшись, он позволил себе ненужную фразу:

– Ждете, когда я вытащу на свет русского «крота»?

– Вы чем-то недовольны, Каймадо-сан?

– Майор, давайте начистоту. Вы собираетесь отслеживать мои действия? Уверю вас, это лишнее. Ваном я займусь сам.

– Ну разумеется, какие могут быть вопросы! – натянуто улыбаясь, произнес Дейсан.

Каймадо не поверил в его искренность.

– Позволю себе повторить: это лишнее. Я настаиваю на этом. Не забывайте, Ван – опытный агент. Такие, как он, нутром чувствуют опасность. Допустим, мы встретимся с ним в городе. Если слежка будет обнаружена, все пойдет насмарку!

– Каймадо-сан, мне кажется, вы даете слишком лестную характеристику агенту большевиков, – пожал плечами Дейсан.

– Дело не в нем, – досадливо поморщился Каймадо. – В отличие от вас я прекрасно знаю, что такое НКВД. Если Ван располагает запасным каналом связи, то тогда...

– Запасным каналом? – перебил его Дейсан. – Стал бы Казаков рисковать вашей головой, имей Ван таковой!

Каймадо нечего было возразить, но он продолжал упорствовать:

– И все равно давайте доверять друг другу. Я требую – никаких «хвостов»!

– Хорошо, даю вам слово японского офицера, что слежки не будет, – кивнул Дейсан.

– Надеюсь, ваше слово такое же надежное, как меч самурая?

– Вы... Вы сомневаетесь? – От обиды у Дейсана загорелись щеки.

Каймадо холодно извинился и кратким поклоном завершил неприятный диалог. Дейсан покинул номер.

Выждав некоторое время, разведчик спустился в холл и купил свежие газеты. Его объявление было помещено на последней полосе. Это давало надежду на то, что Ван откликнется. Он либо придет сюда, в гостиницу, либо даст законспирированный ответ в той же «Манею Симбун». Оставалось ждать.

К вечеру Ван так и не появился, зато на следующий день Каймадо, просматривая утренний выпуск газеты, нашел понятные лишь ему строки: «Представителю компании “Сун Тайхан”. Находка у меня. Готов передать лично в руки. Ресторан “Маньчжурия”, 19 часов».

Каймадо решил не оповещать Дейсана о предстоящей встрече, тот и так наверняка о ней уже знал. Покинув гостиницу, он бесцельно болтался по городу, убивая время, и ровно в семь вошел в «Маньчжурию».

Несмотря на громкое название, это было простенькое второразрядное заведение. В зале было много народу, кормили здесь вкусно и недорого. Свободный столик удалось разыскать с трудом.

Сделав заказ, Каймадо принялся листать газету. Агент запаздывал, и Каймадо это не нравилось. Может быть, Ван пристроился где-то по соседству, тянет sake и исподволь изучает его? Но какой в этом смысл? «Хвоста» за ним не было, Дейсан сдержал слово, хоть тут можно перевести дух.

В зале разрешено было курить, и табачный дым все более сгущался. Каймадо приходилось напрягать зрение, чтобы осматривать зал. Народу по-прежнему много. Напротив гуляла шумная компания с женщинами. Каймадо потянулся за графином, чтобы налить себе воды, но в эту минуту к столику подошел незнакомец. Казалось, он возник прямо из воздуха.

– Господину повезло, я давний клиент вашей компании. – Слова пароля подтвердили: это Ван.

Скорее всего, они были ровесниками. Во внешности агента сочетались черты и японца, и китайца, но чего в нем было больше, Каймадо определить так и не смог. «Стреляный воробей, такого голыми руками не возьмешь!» – подумал он и назвал отзыв:

– Компания дорожит своими клиентами. Присаживайтесь, пожалуйста!

– Спасибо! – вежливо поблагодарил Ван и пробежался взглядом по тарелкам: – Я смотрю, вы времени даром не теряли!

– Да, сделал заказ по своему вкусу. Надеюсь, вам понравится. А знаете, давайте для начала выпьем за знакомство!

– Что, русские привычки заразительны? – усмехнулся Ван, но выпить не отказался.

Китайская рисовая водка под жаренные в бамбуковом масле трепанги отлично развязывает языки, но Ван на все вопросы Каймадо о работе в управлении, о семье и прочих мелочах, не затрагивающих сути дела, отвечал уклончиво. А потом спросил напрямую:

– Что с вашим предшественником?

– С моим предшественником? – напрягся Каймадо. – С ним все в порядке, руководство решило перебросить его на другой участок.

– Странно, что меня не поставили об этом в известность... Итак, теперь я буду работать с вами?

– Не только со мной. В ближайшее время к вам будет направлен радист.

– Радист? – Ван прекратил жевать и с возмущением сказал: – Но это невозможно!

– Почему? – удивился Каймадо.

Ван наклонился к нему и тихо спросил:

– Скажите, милейший, когда вы были здесь в последний раз?

– Здесь? Примерно пару лет назад. А что?

– В том-то и дело, что за последние два года в Синьцзине многое изменилось. Японская разведка держит ухо востро. Тюремные переполнены, позавчера повесили двоих подпольщиков, а вы мне еще радиста подсовываете. Да его сразу запеленгуют!

– Но вы же ас! Придумайте что-нибудь.

– Слышали поговорку: сегодня ас, а завтра в камере погас? Нет уж, давайте обойдемся без радиста.

– Но нам дорог каждый час! Война не за горами! – искренне возмутился Каймадо.

– В том-то и дело, что не за горами, и мы не можем позволить себе провала. Поэтому вся информация будет идти только через вас.

– Хорошо, – сдался Каймадо. – Я так и доложу в Центр. Но, может, не будем откладывать? У вас при себе есть материалы?

– При себе нет, но, собираясь на встречу с вами, я их спрятал в тайнике у ресторана. «Маньчжурия» выбрана не случайно.

Заканчивая ужин, они договорились о том, что будут встречаться ежемесячно. Сигналом к внеочередным явкам будут служить объявления в газете «Манею Симбун».

Первым из ресторана вышел Ван. Предварительно он объяснил Каймадо, где находится тайник, чтобы тот сам достал из него донесение.

В номере гостиницы Каймадо уже ждал Дейсан. Вдвоем они занялись дешифровкой. Майор мрачнел на глазах: сведения, добытые Ваном, были настолько важны, что, попади они в руки русских, части Квантунской армии понесли бы значительные потери. Русский агент времени даром не терял. У Каймадо не оставалось сомнений, что теперь участь Вана предрешена. «Сегодня ас, а завтра в камере погас», – вспомнил он слова, сказанные за ужином. Как бы они не оказались пророческими и для него, прямого потомка самурая. На следующий день Синьцин он покидал с тяжелым сердцем.

В Харбине тревожное чувство постепенно отступило. Этому способствовало и то, что Ниумура заверил: в ближайшее время русского агента трогать не будут.

За делами незаметно пролетел май. Следующая встреча с Ваном прошла гладко. Люди Дейсана, поработав над донесением в спецлаборатории, убрали из него все ненужное, по-другому расставив акценты. В результате разведуправление Дальневосточного фронта благополучно «скушало липу» за милую душу.

Наступило 22 июня 1941 года. Обстановка на Дальнем Востоке все более накалялась. Машина советской разведки работала без остановки. Каймадо под обличьем Пака метался между Харбином, Синьцином, Муданьцзяном, Хэганом, Гирином и другими городами, собирая информацию у агентов. Затем над ней колдовали японские профессионалы. Далее цепочка вела в поселок Тунцзян, настолько маленький, что все дома в нем умещались на одной улице, отсюда рукой было подать до советской границы. В Тунцзяне дважды в месяц Каймадо/Пак встречался с товарищем Кимом, связником разведуправления.

В одну из встреч, 12 октября, Ким сообщил Каймадо, что майор Казаков срочно вызывает его в Хабаровск.

– Зачем? – удивился Каймадо.

– Насколько я знаю, вас ждет новое задание. И вы представлены руководством к награде.

Перейти через границу в тот же день не удалось. Как назло, ближе к ночи небо расчистилось, в такую погоду переплывать Амур небезопасно, подстрелить могут с обеих сторон. Пришлось дожидаться ненастья.

Унылый осенний дождь зарядил лишь на третьи сутки. Каймадо и Ким, вытащив из надежного укрытия лодку, отнесли ее к воде на руках, чтобы не оставлять бросающихся в глаза следов на песке. Гребли по очереди: для того чтобы бороться с течением, требовались немалые физические усилия. Даже Каймадо стер свои натренированные руки до мозолей.

Переправа заняла больше часа, на советский берег они выбрались промокшие насквозь, но это казалось им всего лишь досадной мелочью. Отдышались, спрятали лодку и двинулись на ближайшую погранзаставу, где их дожидался лейтенант Прохорец, как и Ким, служивший в разведуправлении фронта. Темень была кромешная, но Ким шел уверенно, чувствовалось, что этот путь ему хорошо знаком.

Подойти к заставе тихо не удалось: залаяли собаки. Часовой, спросив пароль и услышав отзыв, проводил прибывших к начальнику. Начальник оказал им сердечный прием. Прежде

всего отправил в хорошо протопленную баню, выдал сухую одежду и плотно накормил. От предложенной водки они отказались – хотелось просто спать.

Наутро Каймадо в сопровождении Прохорца выехал в Хабаровск, а Киму предстояло возвращение на другой берег Амура.

В город они попали только поздно вечером. Дорога была размыта дождем, и служебный автомобиль часто буксовал – приходилось выбираться из кабины и подталкивать его сзади. Перед самым Хабаровском, когда грунтовка сменилась шоссе, Каймадо, сморенный усталостью, заснул. Сквозь сон он почувствовал, как машина остановилась.

– Товарищ Пак, – затеребил его Прохорец, – простите, но дальше придется пешком. Конспирация есть конспирация.

– Понимаю!

– Дорогу знаете?

– Пока не забыл.

Пожав Прохорцу руку, Каймадо спрыгнул на тротуар и направился к разведуправлению.

Последний раз он был там осенью сорокового года. Майор Казаков предпочитал встречаться с секретными агентами на явочных квартирах. Интересно, что заставило его изменить своим правилам?

Нужное ему здание находилось на тихой улочке недалеко от центра. Двор был забит машинами, готовыми по первому требованию выехать в любом направлении, – военная разведка не смыкала глаз даже ночью. Каймадо прошел вдоль ограды и свернул за угол, он помнил, что кроме центрального есть и другой вход, замаскированный под вход в котельную. В ограде была небольшая калитка, открыть которую не составило труда. Однако, едва он ступил на посыпанную битым кирпичом дорожку, из кустов донеслось бдительное:

– Стой! Кто идет?

– Свои, – ответил разведчик и тут же назвал пароль: – «Амур».

– Проходи! – разрешил невидимый часовой.

Каймадо поднялся на третий этаж и оказался в полутемном коридоре. Кабинет Казакова располагался справа, до него оставалось две двери. Он замедлил шаг, пытаясь представить, что его ждет впереди. Ким говорил о новом задании, о награде. Награда его не интересовала – все равно не носить, а о новом задании сейчас узнает. Решительно толкнул дверь и вошел в кабинет.

– Ну наконец-то, – услышал он радостный возглас.

Навстречу, раскинув руки, шел майор Казаков. В ту же минуту Каймадо услышал, как за его спиной раздались чьи-то шаги. Он оглянулся и понял, что попал в западню. Плечистая фигура старшего лейтенанта в сопровождении двух особистов не оставляла сомнений.

– Пак, только без... – Отброшенный кетене молниеносным выпадом правой руки Каймадо, Казаков не успел договорить.

Еще один удар, на сей раз ногой, вырубил старшего лейтенанта. Расправиться с особистами также не составило труда. Но дело происходило не где-нибудь, а в здании разведуправления, поэтому шансов спастись у Каймадо практически не было. Он успел выскочить из кабинета, но в коридоре его настиг сокрушительный удар по затылку, отключивший сознание.

Операция по захвату японского резидента, хотя и с небольшими отступлениями, шла по намеченному плану. Каймадо связали, запихнули в подъехавшую «эмку» и повезли в Особый отдел фронта. Однако с допросом пришлось повременить – арестованному потребовалась помощь доктора.

Пока Каймадо приводили в чувство, майор Медведев, главный разработчик японской линии, и старший следователь капитан Козлов вынуждены были гонять чай. Для них это было утомительно. Телефон звонил не умолкая – начальству не терпелось узнать результат.

– Результат, твою мать, – матерился Медведев. – Матерую шуку поймали, а им результат подавай. Будет, будет результат! – В успехе он не сомневался.

А все началось с того, что в их сети попал Воронцов. Сломался этот фрукт очень быстро. Хватило двух «душещипательных» бесед, после которых следователь не успевал записывать развернутые показания. Взять после этого резидента оставалось делом техники.

Медведев уже представлял, как его докладная записка ляжет на стол начальника Управления Особых отделов НКВД СССР Виктора Абакумова, а там, чем черт не шутит, дойдет и до самого наркома Лаврентия Берии.

На грубоватом лице заиграла блаженная улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.